

Центр гуманитарных проблем Баренц региона
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Кольского научного центра Российской академии наук

На правах рукописи

Сулейманова Олеся Анатольевна

**СЕМЕЙНЫЕ ВЕЩИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕЕЗДА
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКИХ СЕМЕЙ КОЛЬСКОГО
СЕВЕРА)**

Специальность 07.00.07. – Этнография, этнология, антропология

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Ирина Алексеевна Разумова

Апатиты
2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. СЕМЕЙНЫЕ ВЕЩИ В ПРОСТРАНСТВЕ «ДОМА» И «ДОРОГИ»	22
§ 1.1. Семейные вещи с позиций семиотического подхода	22
§ 1.2. Статичное и динамичное бытие семейных вещей	31
§ 1.2.1. Вещь в крестьянском и городском жилище	33
§ 1.2.2. Вещь в пространстве «дороги»	39
§ 1.2.3. Перемещение вещей в переходных обрядах	44
ГЛАВА 2. СЕМЕЙНЫЕ ВЕЩИ В БЫТУ ГОРОЖАН КОЛЬСКОГО СЕВЕРА	48
§ 2.1. Функционирование вещей в пространстве современного жилища и семьи: смыслы домашних вещей	48
§ 2.2. Типология мемориальных вещей в культуре семей	53
§ 2.3. Расположение, перемещение и пересемантизация вещей в пространстве современного жилища	61
ГЛАВА 3. ПЕРЕЕЗД И ВЕЩИ: ВЕЩЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА	68
§ 3.1. Миграционные процессы на Кольском Севере и категории переселенцев	68
§ 3.2. Подготовка к переезду: сбор вещей добровольными и вынужденными переселенцами	78
§ 3.2.1. Добровольные мигранты	78
§ 3.2.2. Вынужденные мигранты	85
§ 3.3. Переезд и транспортировка вещей	94
§ 3.4. Исторические и социокультурные факторы селекции семейных вещей	102
§ 3.5. Трансформация и пересемантизация предметной среды в процессе переезда	107

ГЛАВА 4. СЕМЕЙНЫЕ ВЕЩИ В «НОВОМ ДОМЕ»	114
§ 4.1. Организация быта: социально-исторические и локальные контексты.....	114
§ 4.2. «Вещи первой необходимости»: категоризация, отбор, функционирование.....	124
§ 4.3. Вещь как средство адаптации семьи на новом месте жительства	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	137
СПИСОК ИНФОРМАНТОВ	139
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	145
ПРИЛОЖЕНИЕ	168

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Интерес к проблеме перемещения вещей возник не случайно и связан с историко-демографическими особенностями изучаемого этнокультурного ареала. В силу особенностей освоения территории Кольского Севера его население на протяжении XX века было вовлечено в интенсивные миграционные процессы¹. Так, в период с 1926 по 1989 годы население Мурманской области выросло в 36,3 раза, а начиная с 1990-го года наблюдается резкий отток населения².

Кольский Север относится к типу регионов, население которых характеризуется не только высоким уровнем межрегиональной мобильности. Одновременно, в связи с особенностями региональной инфраструктуры жители достаточно активно перемещаются и в пределах самой области. Один из самых распространенных типов переезда – отъезд молодежи на учебу. Кроме того, семьи полностью или их молодые работоспособные представители переезжают в соседние города в поисках работы. Как следствие, почти каждая семья, проживающая в данном регионе, имеет в своей истории опыт переезда. Все эти процессы не могут не сказываться на быте северян. В связи с этим предпринято исследование, нацеленное на анализ динамических аспектов жизни вещей, их смысловых и функциональных изменений в процессе переезда, который всегда сопряжен с реорганизацией старого и обустройством нового быта.

Актуальность исследования вещевого поведения в процессе переезда обусловлена также тем, что общество постмодерна как социокультурный феномен требует нового понимания потребления (M. Douglas & B. Isherwood³, М.Б.

---

¹Разумова И.А. Ретроспективное осмысление переселения и миграционные сценарии северян: Кольский Север, начало XXI в. // Историческая демография. Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2007. С.179–183.

²Демоскоп Weekly. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Том 9. С. 2–13; Том 17. С. 2–3. [Электронный ресурс]. URL: http://wiki.laser.ru/index.php/Всесоюзная_перепись_населения_1926_г. (дата обращения 17.03.2016); Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.; Численность, размещение и возрастно-половой состав населения Мурманской области. Итоги Всероссийской переписи населения // Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2012. Том 1. 75 с.

³Douglas M., Isherwood B. The World of Goods. London: Allen Lane, 1979. 63 p.

Ракитных⁴), а семиотический анализ способствует изучению символических аспектов потребления, в том числе углубленному пониманию процессов семиозиса (наделения смыслами и переозначивания вещей). Процессы семиозиса особенно четко прослеживаются в кризисных ситуациях, когда актуализируются многие смыслы вещей и осуществляемых с ними действий, происходит переоценка ценностей. Сегодня общество потребления претерпевает очередной социально-экономический кризис. «О влиянии потребления на стабильность общества, причем не отдельной страны, как это случилось в прошлом, а в планетарном масштабе, можно судить по современному мировому кризису»⁵. В семьях меняется отношение к вещам и к потреблению в целом. Переезд – это всегда кризисное событие, тем более, если миграция вызвана экстренными факторами (например, вынужденные переселения в результате военных конфликтов, репрессий, экономической нестабильности и т.п.). Человек оказывается без вещей или с их минимумом, что сказывается на его социально-бытовом и психологическом самочувствии. Кризис, независимо от того, чем он обусловлен – переездом или экономической нестабильностью в стране, – приводит, в частности, к изменению вещевого поведения. В процессе переезда могут быть выявлены константы и особенности вещевого поведения различных социокультурных общностей, в том числе этнических и семейных. Трансфер вещей во многих случаях сопряжен с актуализацией или переосмыслением значения вещи, ее функции.

Объект исследования – вещи как часть культуры современных городских семей Мурманской области (Кольского Севера).

К «семейным» мы отнесли вещи, которые: 1) существуют в семье и составляют ее материально-предметную среду; 2) определенным образом характеризуют эту среду (например, являются показателем социально-экономического положения семьи); 3) воссоздают особенности быта семей

---

⁴Ракитных М.Б. Социокультурная природа феномена потребления в обществе постмодерна: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Томск, 2004. 23 с.

⁵Шавель С.А. Потребление и стабильность общества: к методологии социологического анализа // Социология. 2009. № 3. С. 19.

различных этнических групп; 4) помогают через реконструирование быта семьи воссоздать социальную среду (бытовой стиль эпохи); 5) символизируют и помогают сохранять семейную историю и память конкретных семей; 6) составляют семейную собственность в случае, когда к конкретной вещи причастны все члены семьи (в отношении и практического использования, и символической значимости); 7) принадлежат отдельным членам семьи в пределах общей жилой среды, находятся в личном пользовании одного представителя группы.

Предмет исследования – смыслы и функции вещей в семейной культуре и в процессе перемещения, переезда на новое место жительства.

Нижний хронологический рубеж исследования определяется глубиной семейной памяти. Истории переездов начинаются в воспоминаниях жителей Кольского Севера с 1930-х годов, когда родители и прародители приезжали осваивать новый край. Здесь можно выделить 2 основные группы: 1) переехавшие добровольно (по комсомольской путевке, по совету родственников и т.п.) и 2) вынужденные переселенцы (спецпереселенцы), – те, кого раскулачили и сослали на строительство новых промышленных городов в Мурманской области.

Военный период в данном исследовании не рассматривался, поскольку мы считаем, что повседневность военного времени заслуживает отдельного глубокого изучения.

В послевоенное время и вплоть до конца 1980-х годов переселенцы прибывали на Кольский Север преимущественно по собственной воле в силу различных причин – вслед за супругами, к родственникам, часто по экономическим мотивам (для улучшения материального положения, жилищных условий) и т.п.

С конца 1980 – начала 1990-х годов в Мурманской области наблюдается убыль населения, приехавшего осваивать территорию в советское время, и вместе с тем начинается приток мигрантов из стран бывшего СССР. Среди них были как те, кто переезжал добровольно, так и те, кому пришлось бросать свое прежнее место жительства в экстренных ситуациях, в обстоятельствах угрозы жизни.

Мигранты продолжают прибывать в Мурманскую область вплоть до настоящего времени, которое представляет **верхний рубеж исследования.**

Степень изученности темы и основные категории. Изучением разнообразных аспектов, связанных с проблематикой вещи в культуре, занимаются представители различных гуманитарных дисциплин (философы, культурологи, этнографы, социологи и др.). Этнографов и антропологов в основном интересуют вещи, конкретные предметы и классы предметов в системе традиционной культуры определенного этноса (см. труды А.Б. Мороза⁶, Н.А. Лавонен⁷, А.Н. Наровской⁸, А.В. Соколовой⁹, С.М. Толстой¹⁰, О.А. Лобачевской¹¹, А.А. Лебедевой¹², Е.К. Алексеевой¹³ и др.). Социологи акцентируют внимание на временных и социальных аспектах функционирования различных типов вещей (например, старинных, антиквариата) в обществе (см. труды М.Э. Елютиной¹⁴, Н.А. Касенковой¹⁵, О. Ечевской¹⁶, О. Гуровой¹⁷, И. Копытоффа¹⁸, Е. Васильевой¹⁹,

⁶Мороз А.Б. Стол в севернорусских поверьях и обрядах // Традиционная культура. 2002. № 6. С. 41–46.

⁷Лавонен Н.А. Стол в верованиях карелов. Институт языка, литературы и истории. Карельский научный центр РАН. Петрозаводск: Периодика, 2000. 176 с.

⁸Наровская А.Н. Общие и локальные особенности интерьера белорусского народного жилища: конец XIX – начало XX в.: автореф. дисс. на соиск. ... к.и.н: 07.00.07. / АН БССР. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. Минск, 1989. 21 с.

⁹Соколова А.В. Этнокультурная специфика еврейского дома в Подолии // Живая старина. 2000. №2. С. 17–22.

¹⁰Толстая С.М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М.: «Наука», 1994. С. 111–129; Толстая С.М. Символические заместители человека в народной магии // Судьбы традиционной культуры: Сборник статей и материалов памяти Л.Ивлевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С.72–78.

¹¹Лобачевская О.А. Обыденное полотенце: материалы к реконструкции ритуала и его трансформации в Беларуси (первая половина XX в.) // Традиционная культура. 2005. № 19. С. 13–22.

¹²Лебедева А.А. Материальные компоненты, их характер и роль в традиционном свадебном обряде русских старожилов Тобольской губернии (XIX – начало XX в.) // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Под ред. К.В. Чистова и Т.А. Бернштам. Ленинград: «Наука», Ленинградское отделение, 1978. С. 202–219.

¹³Алексеева Е.К. Очерки по материальной культуре эвенгов Якутии (к. XIX – н. XX в.). Новосибирск, «Наука», 2003. 158 с.

¹⁴Елютина М.Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 101–109.

¹⁵Касенкова Н.А. Вещи как компонент пространства духовной жизни современной молодежи: дисс. на соиск. ... кандидата социологических наук: 22.00.06. Тамбов, 2009. 199 с.

¹⁶Ечевская О. «Свобода в вещах» или «свобода от вещей»: значения вещей в практиках повседневной жизни // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре / Раздел 2. Вещи и социальные отношения в современной культуре. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. С. 49–66.

¹⁷Гурова О. От бытового аскетизма к культу вещей: идеология потребления в советском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре / Раздел 1. Вещи в советской культуре. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. С. 6–21.

¹⁸Копытофф И. Социология вещей. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 134–168.

¹⁹Васильева Е. Отношение к старым вещам. [Электронный ресурс]. URL: <http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=542> (дата обращения: 6.09.2014).

О. Бредниковой²⁰ и др.). Культурные значения вещи (семиотика вещей) составляют один из приоритетных предметов этнографической науки (см. труды С.А. Токарева²¹, А.К. Байбурина²², К.З. Акопяна²³, Ж. Бодрийяра²⁴, Р. Барта²⁵, У. Эко²⁶ и др.). Социология вещей также использует семиотический метод изучения материальной культуры. А. Аппадурай²⁷, М. Дуглас и Б. Ишервуд²⁸, А. Гелл²⁹, Т. Дант³⁰ в своих работах рассматривают вещи не столько как объекты потребления, сколько с точки зрения их культурной и символической роли (вещь как знак). Этот ракурс в изучении вещей можно считать самым распространенным. В текущих этнографических исследованиях традиционно рассматриваются предметы, участвующие в магических, религиозных ритуалах (см. труды Л.Б. Матхеевой³¹, Д.О. Осипова³², О.А. Лобачевской³³ и мн.др.).

При широком разнообразии тем, посвященных изучению материальной культуры различных этнических групп, к изучению вещей в контексте современной семейной культуры обращались нечасто. Это касается вопросов, связанных с определением понятия «семейная вещь», с типологизацией семейных вещей, их функционированием в пределах и за пределами жилища. Немногочисленные исследования посвящены семейному предметному миру,

²⁰Бредникова О. Старая вещь как персонаж блошиного рынка // Неприкосновенный запас. 2004. № 2. С. 91–97.

²¹Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 3–17.

²²Байбурин А.К. О жизни вещей в традиционной культуре // Живая старина. 1996. №3. С. 2–3; Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: «Наука», 1989. С.63–88.

²³Акопян К.З. Бытие вещи в культуре // Вещь в контексте культуры / Материалы науч. конференции. СПб, февраль 1994. С. 11–13.

²⁴Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Домино, 1995. 172 с.

²⁵Барт Р. Риторика образа / Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С.297–318.

²⁶Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

²⁷Appadurai A. Introduction: Commodities and the politics of value // The Social Life of things. Commodities in Cultural Perspective. Cambridge University Press, 1996. P. 3–63.

²⁸Douglas M., Isherwood B. The World of Goods. London: Allen Lane, 1979. 63 p.

²⁹Gell A. Art and Agency. Oxford: Oxf. Univ. Press, 1998.

³⁰Dant T. Material Culture in the Social World: Values, Activities, lifestyles. Buckingham: Open Univ.Press, 1999; Dant T. Materiality and Society. Buckingham: Open Univ. Press, 2005.

³¹Матхеева Л.Б. Почитание икон у семейских Забайкалья // Живая старина. 2002. № 3. С. 20–24.

³²Осипов Д.О. Из истории русской обуви // Живая старина. 2005. №1. С. 7–9.

³³Лобачевская О.А. Обыденное полотенце: материалы к реконструкции ритуала и его трансформации в Беларуси (первая половина XX в.) // Традиционная культура. 2005. № 19. С. 13–22.

семейным реликвиям (например, труды И.А. Разумовой³⁴, А.Н. Сперанской³⁵), большего внимания удостоены семейные фотографии (см. работы О.Ю. Бойцовой³⁶, В.Л. Круткина³⁷, В.П. Чистяковой³⁸, R. Chalfen³⁹, J. Montague⁴⁰, J. Ruby⁴¹ и др.).

В исследованиях, посвященных быту рабочих советского периода (см. труды М.Н. Шмелевой и А.А. Анохиной⁴², Р.К. Уразмановой⁴³, В.Ю. Крупянской, Н.С. Полищук⁴⁴), вещи, скорее, выступали в качестве показателей бытовых условий, экономического положения и характера потребления, жизненного стиля.

Изучение вещей неотделимо от понятия «повседневность». В настоящее время она является одной из категорий, объединяющих различные гуманитарные и общественные дисциплины, когда предметом изучения становятся рутинные практики, обыденные вещи, их значения, историческая жизнь и т.д. Согласно концепции А. Шюца телесное предметное переживание реальности (как качество опыта повседневности), ее вещей и предметов и составляет преимущество

³⁴Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.; Разумова И.А. Семейные реликвии // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. Сборник МАЭ, т. LVII. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. С. 63–70.

³⁵Сперанская А.Н. Семейные ценности в семейном дискурсе (на материале устных рассказов красноярцев начала XXI века). [Электронный ресурс]. URL: <http://econf.rae.ru/pdf/2005/04/speranskaya.pdf> (дата обращения: 6.02.2016).

³⁶Бойцова О.Ю. Изображения в домашнем интерьере // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. № 10. С. 87–95; Бойцова О.Ю. Любительская фотография в городской культуре России конца XX в. (визуально-антропологический анализ): автореф. дисс. ... к.и.н.: 07.00.07. Этнография, этнология, антропология. СПб., 2010. 21 с.

³⁷Круткин В.Л. Антропологический смысл фотографий семейного альбома // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 1. С. 171–178; Круткин В.Л. Снимки домашних альбомов и фотографический дискурс // Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 109–125.

³⁸Чистякова В.П. Семейная фотография второй половины XIX – начала XX века в России: опыт этнологического и источниковедческого анализа: автореферат дисс. на соиск ... к.и.н. Москва, 2012. 26 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Chistiakova.pdf> (дата обращения: 16.01.2016).

³⁹Chalfen R. Cinema Naivete: A Study of Home Moviemaking as Visual Communication // Studies in the Anthropology of Visual Communication. 1975. No. 2. P. 87–103; Chalfen R. Snapshots “r” Us: the Evidentiary Problematic of Home Media // Visual Studies. Vol. 17. No. 1. 2002. P. 141–149.

⁴⁰Montague J. Family Photographs as a Topic for Conversation. In: Narrative and Memory. University of Huddersfield, 2007. P. 63–71. [Электронный ресурс]. URL: http://eprints.hud.ac.uk/4568/2/Chapter_7_-_Jane_Montague.pdf (дата обращения: 19.01.2016).

⁴¹Ruby J. Seeing through pictures: the anthropology of photography. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.lib.msu.edu/DMC/African%20Journals/pdfs/Critical%20Arts/cajv1n4/caj001004002.pdf> (дата обращения: 17.11.2015).

⁴²Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., «Наука», 1977. 359 с.

⁴³Уразманова Р.К. Особенности формирования и основные черты быта рабочих-нефтяников татар юго-востока Татарии // Этнографическое изучение быта рабочих в СССР. М.: «Наука», 1969. С. 96–118.

⁴⁴Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М.: «Наука», 1971. 288 с.; Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М., 1974. 320 с.

повседневности по сравнению с другими конечными областями значений, поэтому, по выражению Шюца, повседневность является «верховой реальностью»⁴⁵. Вещь как элемент повседневности описывается в работах В.Д. Лелеко⁴⁶, И.В. Утехина⁴⁷, И.И. Травина⁴⁸, С.М. Махлиной⁴⁹, М.Э. Елютиной⁵⁰ и др.

Семейные вещи связаны с организацией семейного пространства, особенностями семейного жилища. Жилище как составной компонент жилой среды достаточно хорошо исследовано в этнографических ракурсах (в работах Н.Н. Харузина⁵¹, Е.Э. Бломквиста⁵², А.К. Байбурина⁵³, М.М. Валенцовой⁵⁴, А.Б. Пермиловской⁵⁵, Н.А. Криничной⁵⁶, Р.Р. Садикова⁵⁷, Е. Юхневой⁵⁸, Д.Н. Сулеймановой⁵⁹ и др.).

В исследованиях этносоциологического профиля широко используются понятия «материальная среда», «жилая среда», «жизненное пространство». Отечественными исследователями города и жилища разрабатывались проблемы анализа городской социально-пространственной среды, городских процессов, городского планирования (см. труды А.А. Баранова⁶⁰, К.К. Карташовой⁶¹, В.Л.

⁴⁵Шюц А. Структура повседневного мышления. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.countries.ru/library/texts/shutz.htm> (дата обращения: 27.02.2015).

⁴⁶Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. 320 с.

⁴⁷Утехин И. Любимые вещи // Неприкосновенный запас. 2004. №1. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/uteh15-pr.html> (дата обращения: 1.11. 2015).

⁴⁸Травин И.И. Материально-вещная среда и социалистический образ жизни / Под редакцией И.И. Леймана. Ленинград «Наука», Ленинградское отделение, 1979. 118 с.; Травин И. И. Материально-вещная среда в структуре условий образа жизни: автореферат дисс. ... к. филос. наук. 09.00.01. Москва, 1978. 18 с.

⁴⁹Махлина С. Семиотика культуры повседневности. СПб.: Алетейя, 2009. 232 с.

⁵⁰Елютина М.Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 101–109.

⁵¹Харузин Н.Н. Очерк истории развития жилища у финнов // Этнографическое обозрение. 1895. №1. С. 35–78.

⁵²Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. Труды Ин-та этнографии АН СССР. Т. 31. М., 1956. С. 3–458.

⁵³Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: «Наука», 1983. 192 с.

⁵⁴Валенцова М.М. Семантика и символика «верха» дома в обрядности славян // Живая старина. 2000. №2. С. 11–13.

⁵⁵Пермиловская А.Б. Северный дом. Архитектурный каталог. Петрозаводск: ПетроПресс, 2000. 223 с.

⁵⁶Криничная Н.А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) // Этнографическое обозрение. 2009. №2. С. 28–42.

⁵⁷Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа: Гилем, 2001. 181 с.

⁵⁸Юхнева Е. Дом для «старых русских» // Родина. 2003. № 10. С. 26–29.

⁵⁹Сулейманова Д.Н. Интерьер жилища волго-уральских татар: развитие и этнокультурная специфика: автореферат дисс.... к.и.н: 07.00.07. Чебоксары, 2007. 22 с.

⁶⁰Баранов А.А. Социологические проблемы жилища // Социологические проблемы жилища / Сб. науч. сообщ. / Под. ред. А.Г. Харчева. Л.: ЛенЗНИИЭП, 1969. С. 7–18.

Ружже⁶² и др.). Те немногочисленные работы, которые посвящены организации жилой среды и связанному с этим вещевому поведению, охватывают, главным образом, советский период, в то время как вещевое поведение постсоветского периода остается малоизученным (труды С. Махлиной⁶³, И. Утехина⁶⁴, О. Гуровой⁶⁵, Е. Дейхиной⁶⁶). Описания и интерпретации во всех случаях касались жилого пространства, которое является освоенным, обжитым и заполненным – в соответствии с традицией, модой, социально-экономическими характеристиками проживающих и прочими факторами. Специальных работ, посвященных самому процессу освоения (обживания) жилого пространства, нам обнаружить не удалось. Из недавних исследований, посвященных жилой среде, можно выделить работу Л. Шпаковской⁶⁷, в которой делается попытка описания социально-пространственной структуры жилья представителей нового среднего класса.

Существование вещей и обращение с ними в процессе переезда регулируются комплексом факторов, связанных с особенностями конкретной миграции и миграционного процесса в целом. Передвижение вещей предполагает пребывание в дороге, то есть в ситуации временной нестабильности, и, соответственно, должно рассматриваться в связи с концептуализацией «дороги» и переезда как кризисного события. Проблеме движения и дороги в славянской традиции посвящен целый ряд этнофольклористических работ: исследования Т.А.

---

⁶¹Карташова К.К. Роль социологического исследования в теории и практике современного жилища // Социологические исследования проблем города и жилища. Новосибирск, 1986. С. 99–106.

⁶²Ружже В.Л. Применение методов конкретного социологического исследования к анализу функций жилища и потребностей семьи // Социальные проблемы жилища: Сб. науч. сообщ. / Под. ред. А.Г. Харчева. Л.: ЛенЗНИИЭП, 1969. С. 44–57.

⁶³Махлина С. Семиотика культуры повседневности. СПб.: Алетейя, 2009. 232 с.

⁶⁴Утехин И. Доля, справедливость и благодать общения: Из очерков коммунального быта // Знание – сила. 2001. №11. С. 50–58; Утехин И. Любимые вещи // Неприкосновенный запас. 2004. №1. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/uteh15-pr.html> (дата обращения: 1.11. 2015).

⁶⁵Гурова О. От товарища к товару: предметы потребления в советском и постсоветском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре / Раздел 1. Вещи в советской культуре. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. С.35–48.

⁶⁶Дейхина Е. От ремонта к созданию интерьера: преобразование персонального жилого пространства в советской и постсоветской России // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Сб. ст. изд. НГУ: Новосибирск, 2005. С. 77–92.

⁶⁷Шпаковская Л. «Мой дом – моя крепость». Обустройство жилья нового среднего класса // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография / под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх, Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 222–261.

Агапкиной⁶⁸, В.Н. Топорова⁶⁹, С.М. Толстой⁷⁰, В.Л. Кляуса⁷¹, Т.В. Цивьян⁷² и др. Особое место в этом ряду занимает труд Т.Б. Щепанской «Культура дороги в русской мифоритуальной традиции»⁷³, в котором широко рассмотрен комплекс этнических традиций и норм поведения, вещественных атрибутов и представлений, связанных с передвижениями. В настоящее время новый импульс получили исследования по теории мобильности и технологиям движения у различных по типу культуры общностей (см. работы S. Castles & M. Miller⁷⁴, J. Urry⁷⁵, D. MacCannell⁷⁶, K. Hannam & M. Sheller⁷⁷), в том числе у народов российского Севера (труды А.В. Головнева⁷⁸, J.O. Habeck⁷⁹, M.J. Dwyer & K.V. Istomin⁸⁰, Y. Konstantinov & V. Vladimirova⁸¹).

В традиционной крестьянской культуре перемена жилища оформляется как ритуал перехода в новый дом. Этнографические особенности данного типа ритуалов достаточно глубоко исследованы в контексте семиотики жилища и переходных обрядов (в трудах А.К. Байбурина⁸², Л.Г. Невской⁸³, О.А.

⁶⁸Агапкина Т.А. Концепт движения в обрядовой мифологии славян (на материале весеннего календарного цикла) // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 213–254.

⁶⁹Топоров В.Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 7–88.

⁷⁰Толстая С.М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 89–103.

⁷¹Кляус В.Л. Движение людей/движение предметов в забайкальском святочном обряде заваливания ворот // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 271–283.

⁷²Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира. М.: Индик, 1999. 376 с.

⁷³Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: «Индрик», 2003. 528 с.

⁷⁴Castles S., Miller M. J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. (Fourth Edition) Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jcer.net/index.php/jcer/article/view/188/156> (дата обращения: 18.01.2016).

⁷⁵Urry J. The Tourist Gaze. 2nd edition. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookre.org/reader?file=1206036&pg> (дата обращения 20.01.2016).

⁷⁶MacCannell D. Tourist agency. Tourist study. London, Thousand Oaks and New Delhi, 2001. vol. 1(1). P. 23–37.

⁷⁷Hannam K., Sheller M. & Urry J. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings [Электронный ресурс]. URL: http://www.veratelles.net/wp-content/uploads/2014/09/Urry_Mobilities.pdf (дата обращения: 20.01.2016).

⁷⁸Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.; Головнев А.В. Дорожная карта антропологии движения // Уральский исторический вестник. 2012. № 2(35). С. 4–14. [Электронный ресурс]. URL: http://ethnobs.ru/library/237/_aview_b19543 (дата обращения: 20.01.2016).

⁷⁹Habeck J.O. Experience, movement and mobility: Komi reindeer herders' perception of the environment // Nomadic Peoples, New Series. 2006. 10 (2). P. 123–141.

⁸⁰Dwyer M.J., Istomin K.V. Theories of nomadic movement: a new theoretical approach for understanding the movement decisions of Nenets and 121 Komi reindeer herders // Human Ecology. 2008. 36. P. 521–533.

⁸¹Konstantinov Y., Vladimirova V. The Performative Machine: Transfer of Ownership in a NW Russian Reindeer Herding Community (Kola Peninsula). Nomadic Peoples, Special Issue 2006: “Man and reindeer on the move”, Hugh Beach and Florian Stammler, eds. New Series 10 (2):165–185.

⁸²Байбури А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. Глава II. Ритуал в традиционной культуре восточных славян. Неосвоенное - освоенное. СПб.: «Наука», 1993. С.152–173.

Седаковой⁸⁴). Однако не по отношению к переездам современных горожан. Ни ритуальные, ни обыденные практики их не изучены.

Изучение трансфера вещей неизбежно обращает к конкретным социально-историческим контекстам, связанным с перемещением людей и семей в рассматриваемом регионе. Миграционным процессам на Кольском Севере посвящены работы А.А. Киселева⁸⁵, В.В. Доброва⁸⁶, С.С. Гудковой и В.П. Тоичкиной⁸⁷, Н.Н. Измоденовой⁸⁸, Е.И. Михайлова⁸⁹. В первой трети XX века происходили активные процессы формирования городского населения арктической зоны России, в частности Кольского полуострова. Исследования, обращенные к городской повседневности 1930-х годов в различных регионах СССР, на сегодняшний день не слишком многочисленны. Прежде всего, это работы Н.Б. Лебиной⁹⁰, Ш. Фицпатрик⁹¹, Е. Осокиной⁹², М. Мееровича⁹³ и др. Авторы подходят к рассмотрению данного аспекта с разных сторон: анализируют социальное поведение горожан, воссоздают сюжеты бытовой и культурной жизни этого периода времени, в том числе анализируют жилищную политику, потребительские практики, самосознание советского гражданина. Специальных исследований, посвященных повседневной жизни горожан Кольского Севера в указанный период, нам обнаружить не удалось. Советской повседневности

---

⁸³Невская Л.Г. Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде // Структура текста. М., изд-во «Наука», 1980. С. 228–239.

⁸⁴Седакова О.А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). М., 1990. С. 54–63.

⁸⁵Киселев А.А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск, МГПУ, 2009. 146 с.; Киселев А.А. Родное Заполярье. Очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.). Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1974. 512 с.

⁸⁶Добров В.В. Население Кольского Севера. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1967. 72 с.

⁸⁷Гудкова С.С., Тоичкина В.П. Формирование населения Мурманской области // Проблемы экономического и социального развития Мурманской области. Апатиты, 1981. С. 112–115.

⁸⁸Измоденова Н.Н. Стратегии миграционного поведения населения Мурманской области // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации / Под ред. В.П. Петрова, И.А. Разумовой. Апатиты, 2008. С. 60–68.

⁸⁹Михайлов Е.И. Миграционные процессы в истории формирования населения Европейского Севера России в XX веке: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Мурманск, 2004. 222 с.

⁹⁰Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: «Нева» – «Летний сад», 1999. 320 с.

⁹¹Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2008. 336 с.

⁹²Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 271 с.

⁹³Меерович М. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М., 2008. 304 с.

послевоенного времени посвящено достаточное количество исследований отечественных авторов. В частности, повседневность 1950–1960-х годов рассмотрена в работах Е.Ю. Зубковой⁹⁴, Е.В. Косматовой⁹⁵, А.Г. Григорьевой⁹⁶. Материально-бытовые аспекты советской жизни 1960–1980-х годов затронуты в трудах Э.А. Ивановой⁹⁷, В.Г. Николаева⁹⁸, П. Романова⁹⁹ и мн.др. Вместе с тем на региональных особенностях советской повседневности внимание исследователей концентрировалось редко. В частности, повседневно-бытовые аспекты жизни населения активно осваивавшихся в советский период арктических территорий, в том числе Мурманской области, не становилась предметом специального рассмотрения.

Цель исследования – изучить смысловую и функциональную динамику вещей в процессе переезда семьи.

Для достижения поставленной цели решались следующие конкретные **задачи**:

1. определить понятие «семейная вещь»;
2. типологизировать семейные вещи в зависимости от их семиотического статуса;
3. рассмотреть особенности функционирования семейных вещей в статике и динамике (в пространстве «дома» и «дороги»);
4. выявить особенности трансформации семейного предметного фонда и вещевого поведения переселенцев разных категорий в зависимости от социально-исторических контекстов переезда;
5. выявить способы организации предметной среды на новом месте

⁹⁴Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.

⁹⁵Косматова Е.В. Социальная повседневность 1950—1960-х годов. К историографии вопроса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Вып.1. Т.13. 2013. С. 190–191.

⁹⁶Григорьева А.Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг.: к постановке проблемы. [Электронный ресурс] URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/3/istoriya/grigorieva.pdf (дата обращения: 21.02. 2016).

⁹⁷Иванова А.С. Изображение дефицита в советской культуре второй половины 1960-х – первой половины 1980-х годов // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2011. № 3 (77). С. 216–235.

⁹⁸Николаев В.Г. Советская очередь: прошлое как настоящее // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 5 (43). С. 55–61.

⁹⁹Романов П., Ярская-Смирнова Е. Фарца: подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. № 5. С. 62–68.

жительства, а также роль семейных вещей в этом процессе.

Источниковая база диссертации. В ходе выполнения диссертационного исследования использовались две основные группы источников.

I. Неопубликованные источники:

1) Архивные материалы Государственного архива Мурманской области (ГОКУ ГАМО в г. Кировске): «Историческая справка о Кольском полуострове», «Архивная коллекция документов об освоении Кольского полуострова и строительстве г. Кировска (бывшего Хибиногорска)», «Воспоминания ветеранов комсомола Хибин», «Воспоминания первых строителей г. Кировска и объектов комбината «Апатит», «Коллекция фотодокументов по истории населенных пунктов» и др.

2) Полевые материалы автора представляют основную источниковую базу исследования. Это транскрипты интервью с представителями семей городов Апатиты, Кировск, Кандалакша. Сбор материала осуществлялся в 2009–2015 гг., всего было проинтервьюировано 51 человек. Основным критерий, по которому отбирались информанты – наличие опыта переезда: в недавнем прошлом и/или в истории семьи. Интервью носили не автобиографический, а семейно-биографический характер – каждый информант выступал в качестве представителя семьи. Возраст информантов от 1931 г.р. до 1992 г.р. В числе опрошенных были как переезжавшие в пределах Мурманской области, так и прибывшие на Кольский Север из других областей России и стран бывшего СССР.

3) Полевые материалы из личного архива И.А. Разумовой: письменные опросы, самозаписи, записи интервью и документы семейных архивов. Из 110 источников (каждый представляет запись одного информанта) за 2001–2004 и 2006 годы отобраны в качестве основных тексты 19 информантов в возрасте от 1945 г.р. до 1988 г.р., проживающих в городах Полярные Зори, Снежногорск, Мончегорск, Кировск и имеющих опыт переезда (в пределах города, страны и т.п.).

4) Фотографии, хранящиеся в семейных архивах информантов, а также сделанные диссертантом. В частности, производилась фотосъемка домашних интерьеров городских семей, предметов быта, мемориальных вещей.

II. Опубликованные материалы:

1) Документы органов законодательной и исполнительной власти федерального и регионального (Мурманской области) уровней; материалы переписей населения, статистические данные.

2) Публикации в периодических изданиях.

3) Опубликованные мемуарные источники (мемуаристов Д.А. Гранина, С. Тарараксина, В.Г. Тимофеева и др.).

Методологическая основа исследования. Теоретико-методологические основания представили труды ведущих отечественных исследователей в области семиотики вещей и пространства: П.Г. Богатырева¹⁰⁰, В.В. Иванова, В.Н. Топорова¹⁰¹, Т.В. Цивьян¹⁰², А.К. Байбурина¹⁰³, О.А. Седаковой¹⁰⁴ и других авторов, в которых акцентирован культурно-антропологический аспект вещей. Мы исходим из того, что глубинные аспекты функционирования вещей проявляются лишь при условии изучения их в единстве «вещности» и «знаковости», а «история вещей может быть представлена как движение по шкале семиотичности», причем «изменение семиотичности вещей на современном этапе прослеживается легче, чем в древности, благодаря большей гибкости информационной структуры общества»¹⁰⁵.

В данном диссертационном исследовании семья рассматривается как коллективный носитель культуры и традиций определенного общества, в котором она существует и к которому принадлежит. Культура каждой семейной группы

¹⁰⁰Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 511 с.

¹⁰¹Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. 342 с.; Топоров В.Н. К символике окна в мифопоэтической традиции // Балтославянские исследования. М., 1984. С.164–185.

¹⁰²Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Т. 10. Тарту, 1978. С.65–85.

¹⁰³Байбурин А.К. О жизни вещей в традиционной культуре // Живая старина. 1996. №3. С. 2–3; Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: «Наука», 1989. С.63–88.

¹⁰⁴Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. Москва: Индрик, 2004. 320 с.

¹⁰⁵Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград «Наука», 1983. С.9.

уникальна. Семья адаптирует, модифицирует, использует, создает и передает культурные ценности. Специфика семейной коммуникации заключается в том, что у участников есть общий опыт, общая память. Семейная память больше, чем память одного или нескольких человек, это память о событиях и личностях семейно-родственного сообщества. Память семьи особым образом поддерживает равновесие между членами данной группы. Семейно-историческое знание помогает человеку самоопределиться по целому ряду признаков: в сфере личных качеств, антропологических характеристик, этнической, социальной, локальной принадлежности и т.п. Семейная память передается как вербально, так и через семейные фотографии, памятные вещи, семейные реликвии и т.п. Для определения функций и смыслов отдельных категорий семейных вещей, их типологизации существенное значение имеют актуальные в настоящее время исследования по теории социальной памяти (П. Нора¹⁰⁶, М. Хальбвакса¹⁰⁷, Я. Ассмана¹⁰⁸, А. Мегилла¹⁰⁹ и др.).

Семейная память одновременно является видом коммуникативной и культурной памяти. «Память о предках “коммуникативна”, поскольку свойственна всем людям, в то же время “культурна”, поскольку вырабатывает специальных носителей, обряды и институты».¹¹⁰ В свете сказанного мы исходим из того, что семейная память одновременно является коммуникативной («живой») и культурной («историей»).

Пьер Нора, обосновывая проект «мест памяти», пишет о разрыве памяти и истории, понимая под «памятью» именно то, что Ю.М. Лотман называет традиционным типом социальной памяти, а под «историей» соответственно то, что Ю.М. Лотман называет социальной памятью исторического типа¹¹¹. По П.

¹⁰⁶Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 1999. С.17–50.

¹⁰⁷Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.

¹⁰⁸Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

¹⁰⁹Мегилл А. Историческая эпистемология. / Перевод Кукарцевой М., Катаева В., Тимонина В. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.

¹¹⁰Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 64.

¹¹¹Лотман Ю.М. Альтернативный вариант: Бесписьменная культура или культура до культуры? // Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 344–345.

Нора, память – это всегда явление, относящееся к настоящему. Это живая связь с вечным настоящим, тогда как история есть репрезентация прошлого.

Культурная память – это значимые для социума традиции и образы прошлого, приобретающие формы мифов и поддерживающиеся с помощью ритуалов и праздников, искусства и литературы, коммеморативных практик¹¹². По А. Мегиллу, коммеморация – «это сохранение в общественном сознании памяти о каких-либо значимых событиях прошлого. Коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий»¹¹³. А. Мегилл противопоставляет понятия «память» и «коммеморация»: «В целом, я рассматриваю память как персональный опыт отдельных индивидов или групп индивидов, которые приобрели некоторый совместный опыт. Память начинается с более или менее спонтанного запоминания проживаемого в данный момент опыта. Хотя память и коммеморация родственны друг другу, но они также и резко различаются. Если память – побочный продукт прошлого опыта, то коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий»¹¹⁴.

Методы исследования. Для выявления динамики вещевого поведения и представлений о предметном мире семьи была применена комплексная методика на основе интерпретативного подхода. В качестве основных полевых методов использовались интервьюирование, наблюдение, фотофиксация. Осуществлялся анализ содержания письменных интервью, документов, опубликованных текстов. Был использован биографический метод как разновидность этнографического

---

¹¹²Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 58–59.

¹¹³Мегилл А. Историческая эпистемология / Перевод Кукарцевой М., Катаева В., Тимонина В. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 115–116.

¹¹⁴Там же, С. 115–116.

подхода к «анализу случая». Использование интерпретативных моделей в анализе биографических данных при изучении повседневности ориентировано на понимание смысла событий с точки зрения действующего субъекта. Для анализа данных применялся, в первую очередь, семиотический, а также сравнительно-исторический методы.

Научная новизна исследования связана, прежде всего, с попыткой восполнить лауну в изучении функционирования семейных вещей и трансформации предметной среды в процессе переезда. Впервые рассмотрены вещевое поведение урбанизированного населения Крайнего Севера европейской части России в контексте миграционных процессов, а также ряд вопросов, касающихся семиотизации вещей в семейной и городской культуре с учетом историко-миграционного, территориального, семейно-биографического, поколенного и некоторых других факторов. В научный оборот вводятся ранее не публиковавшиеся архивные и полевые материалы.

Теоретическая и практическая значимость. В диссертационном исследовании определено понятие «семейные вещи», выявлены типы семейных вещей в зависимости от семиотического статуса, в том числе разные типы вещей, которые выполняют мемориальную функцию. Основные положения и выводы работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях материальной культуры городского населения Российского Севера, истории миграций, социальной памяти семейных и локальных общностей. Кроме того, материалы диссертации, могут быть привлечены для разработки программ прикладных исследований, подготовки лекционных курсов, спецкурсов при изучении дисциплин этнологического цикла, для создания учебных и методических пособий по изучению вещевого поведения, истории материальной культуры и повседневного быта городских семей Крайнего Севера, а также использоваться в музейной работе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Процессы перемещения и пересемантизации вещей взаимосвязаны. Любое пространственное перемещение может сказаться на статусе и назначении

предмета, и, напротив, изменение статуса или функции вещи приводит к смене ее местоположения.

2. Символическая значимость вещи для членов семейно-родственной группы во многом определяется мемориальной функцией, «памятные вещи» выделяются в отдельную категорию и представлены несколькими типами на основании содержания памяти, которую аккумулирует вещь.

3. В процессе переезда предметная среда семьи переорганизуется и трансформируется полностью или частично, что приводит к переозначиванию отдельных ее элементов в «ускоренном режиме», к изменению статуса вещей.

4. На всех стадиях переезда, в соответствии с его обстоятельствами, селекция вещей, способы транспортировки и разбора вещей сориентированы как на материальную, так и на символическую ценность предметов для семьи и индивидов, к приоритетным относятся мемориальные вещи.

5. Существуют универсальные типы вещей, которые используются при первичной организации пространства на новом месте жительства, при этом особая категория семейных вещей выполняет исключительно коммеморативную функцию, способствуя процессу адаптации.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в докладах на международных, всероссийских и региональных конференциях и семинарах: на региональном научно-практическом семинаре с международным участием (Мурманск, 28–29 ноября 2011 г.); конференции студентов и аспирантов «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика» в Европейском университете в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, 22–24 марта 2012 г.); «II всероссийской научной конференции с международным участием» (Липецк, ноябрь 2012 г.); «Одиннадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтениях» (Санкт-Петербург, 4–6 ноября 2012 г.); «XIII Международной научно-практической конференции» (Москва, 10 апреля 2013 г.); «X Конгрессе этнографов и антропологов России» (Москва, 2–5 июля 2013 г.); «III областной краеведческой конференции, посвященной 80-летнему юбилею Кировского историко-краеведческого музея» (Кировск, 23–24 апреля 2015 г.), международном

научно-практическом семинаре «ДОМ» (Мурманск, 24–25 ноября 2015 г.); «XIX межрегиональной научно-практической конференции» (Апатиты, 1–16 апреля 2016 г.); региональной научной конференции «Антропология арктического города: теория, методология, полевые исследования. К 100-летию г. Мурманска и 50-летию г. Апатиты» (Апатиты, 7 апреля 2016 г.).

Основные результаты исследования опубликованы в 20 научных статьях и тезисах, в том числе в 3 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка информантов и приложения.

ГЛАВА 1. СЕМЕЙНЫЕ ВЕЩИ В ПРОСТРАНСТВЕ «ДОМА» И «ДОРОГИ»

§ 1.1. Семейные вещи с позиций семиотического подхода

Культурные значения вещи составляют один из приоритетных предметов этнографической науки, в частности, это касается проблемы знаковости вещи. «В 1920–1930-х гг. в этнографических исследованиях, посвященных изучению материальной культуры, стал обосновываться принцип о полифункциональности предметов, что открывает перспективу целостного изучения материальной и духовной культуры и выявляет условный характер самого их противопоставления»¹¹⁵. Как следствие, распространение получает семиотический подход, сосредоточивший свое внимание на языке вещей, знаковых функциях вещного мира. Это направление развивали отечественные исследователи П.Г. Богатырев¹¹⁶, В.В. Иванов, В.Н. Топоров¹¹⁷, Т.В. Цивьян¹¹⁸, А.К. Байбурин¹¹⁹, О.А. Седакова¹²⁰ и многие другие исследователи. В западной науке данное направление представлено в трудах Р. Барта¹²¹, Ж. Бодрийяра¹²², У. Эко¹²³. «Семиотический анализ сосредотачивается на том, чтобы показать вещь как информационный комплекс, хранящий память человечества о своей истории, т.е. на тех смыслах, к которым отсылает данная вещь»¹²⁴. Любая вещь несет в себе разнообразную информацию: как и кем она была изготовлена, как ее приобрели, какой смысл она имеет в данной культуре, каким смыслом она наделяется

¹¹⁵Топоров А.Л. Домашняя утварь в обрядах и поверьях Полесья (XIX – н. XX в.): автореферат ... к.и.н. Ленинград, 1986. С. 3.

¹¹⁶Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 511 с.

¹¹⁷Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. 342 с.; Топоров В.Н. К символике окна в мифопоэтической традиции // Балтославянские исследования. М., 1984. С.164–185.

¹¹⁸Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Т. 10. Тарту, 1978. С.65–85.

¹¹⁹Байбурин А.К. О жизни вещей в традиционной культуре // Живая старина. 1996. №3. С. 2–3; Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 63–88.

¹²⁰Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. Москва: Индрик, 2004. 320 с.

¹²¹Барт Р. Риторика образа / Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 297–318.

¹²²Бодрийяр Ж. Система вещей. Пер. с фр. С. Зенкина. М.: Домино, 1995. 172 с.

¹²³Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

¹²⁴Збинякова Т.В. Эволюция образа вещи в культуре: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04. СПб., 2000. 153 с.; Оглавление; Введение; Заключение; Список лит. к дис. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disscat.com/content/evolyutsiya-obraza-veshchi-v-kulture> (дата обращения: 23.06.2014).

хозяином и другую. Вещи, как и люди, проживают социальную жизнь и имеют свою биографию.

Описывать жизнь вещей как биографию предложили британские антропологи Архун Аппадурай¹²⁵ и Игорь Копытофф¹²⁶. Общая идея состоит в том, что вещи представляют собой не только товар, они включены в социальную жизнь наряду с людьми и, более того, проживают ее, как люди. Авторы предложили выделить три основных периода в биографии вещей: появление, функционирование и исчезновение. Биография вещей начинается с момента их производства. Первый контекст их использования в общем может быть назван контекстом первоначальных значений и первоначальных функций. Появление предполагает исследование попадания вещи в пользование человека. Под анализом функционирования вещи понимается исследование практик, которые отражают процесс взаимодействия человека с предметами материальной культуры, или практик использования вещей. Анализ продолжительности жизни вещи связан с установлением срока длительности ее использования¹²⁷. Вещи нельзя изучать в отрыве от деятельности по их созданию, использованию и осмыслению, то есть вне контекста культуры, в которой они существуют. Вещь обладает памятью, которая накапливалась на протяжении всей ее биографии.

В.Н. Топоров подчеркивал: «вещь – творение, элемент тварного мира, и как таковая она не может не нести отпечаток своего творца – человека»¹²⁸. При этом исследователь указывает, главным образом, на культурный аспект изучаемого концепта, акцентируясь на антропологическом бытии вещи.

В различных словарях имеются определения понятий «семья», «вещи», «реликвии», но отсутствуют дефиниции «семейные реликвии», «семейные вещи».

¹²⁵ Appadurai A. Introduction: Commodities and the politics of value // Appadurai A. (Ed.) *The Social Life of things. Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge University Press, 1996. P. 3–63.

¹²⁶ Копытофф И. The cultural biography of things: commoditization as a process // *The social life of things* / Ed. by A. Appadurai. Cambridge: University press, 1996. P. 66–67; Копытофф И. Социология вещей. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // *Сборник статей* / Под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 134–168.

¹²⁷ Копытофф И. The cultural biography of things: commoditization as a process // *The social life of things* / Ed. by A. Appadurai. Cambridge: University press, 1996. P. 66–67; Гурова О. Продолжительность жизни вещей в советском обществе: заметки по социологии нижнего белья. *Неприкосновенный запас*. 2004. №2 (34). [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/gurov9-pr.html> (дата обращения: 03.12. 2015).

¹²⁸ Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/v/vesh.html> (дата обращения: 12.11.2015).

При этом любой человек на уровне обыденных представлений понимает, о чем в данном случае идет речь. Если есть вещи, которые мы называем «семейными», соответственно есть и «несемейные» вещи, то есть все остальные, не связанные с семьей. В рамках данного исследования мы понимаем данные понятия следующим образом.

Под семейными вещами можно понимать весь материально-предметный мир, в который погружается семья. Он включает и мебель, и посуду, и даже разные безделушки, то есть все предметы, которые приобретались или изготавливались членами семейно-родственной группы и потребляются ею. Все остальные вещи можно условно обозначить как «производственные» (оборудование, техника в сфере производства), «общественные» (скамейки в парке, уличные фонари и т.п.), «историко-культурные» (памятники культуры, музейные экспонаты). Разумеется, эти обозначения условны и взаимозаменяемы. Так, памятники культуры являются общественным достоянием, и перед тем как стать таковыми, они были кем-то и зачем-то произведены.

Культурные аспекты функционирования вещей в семье разнообразны: вещи являются носителями и хранителями семейного знания, истории семьи; они создают домашний уют, отражают «характер» и атмосферу семьи, служат показателями ее статуса, указывают на степень сплоченности группы и т.д. Ценность вещи для отдельного человека определяется как особенностями самой вещи, так и социально-психологическими характеристиками индивида, находящегося во взаимодействии с ней. При этом понятие «ценность вещей» включает различные проявления «неравнодушного» отношения к ним в повседневной жизни (желание хранить и накапливать вещи, заботиться о них, склонность испытывать дискомфорт при необходимости расстаться с вещами)¹²⁹.

В соответствии с семиотическим подходом многие элементы материальной культуры могут функционировать как «вещи» в контексте производства, в быту и как «знаки», когда они попадают в контекст различных социальных

---

¹²⁹Тажидинова И.Г. Ценность вещей и повседневные практики взаимодействия с ними в условиях военного времени. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennost-veschey-i-povsednevnye-praktiki-vzaimodeystviya-s-nimi-v-usloviyah-voennogo-vremeni-1> (дата обращения: 03.03.2016).

взаимодействий. Всю совокупность используемых человеком предметов условно разделяют на три группы: 1) вещи с высоким семиотическим статусом (маски, амулеты, обереги); 2) вещи с низким семиотическим статусом (такие найти трудно, поскольку практически любой предмет с доминирующей утилитарной функцией может использоваться в символических целях); 3) вещи, которые обладают как утилитарной, так и символической функцией¹³⁰.

В рамках данного диссертационного исследования мы применили данную классификацию по отношению к вещам, которые функционируют в семейной культуре. На статус семейной вещи влияют различные факторы.

После того как вещь попадает в семью, она становится частью ее материальной культуры. Если эта вещь в семье наделяется еще и дополнительными символическими функциями (например, становится семейной реликвией или любимой вещью одного из членов семьи), то ко всему прочему она оказывается частью семейного знания, истории. В этом случае она не просто существует в материально-предметном пространстве семьи, но и включается в культуру мемориальную; о ней рассказывают, ее хранят и передают. Чем больше памяти аккумулирует в себе вещь, тем выше ее роль в семье. Если вещь используется, сохраняется и передается в семье на протяжении нескольких поколений, она приобретает более высокий статус. Как правило, в каждой семье есть хранитель памяти, который отвечает за передачу семейного знания и трансляцию семейных традиций. В основном под его контролем находятся все знаковые вещи, которые передаются как по мужской, так и по женской линии старшему ребенку или тому, кто, по мнению хранителя, может с ответственностью подойти к дальнейшему сохранению и передаче семейных реликвий. Если семья часто переезжала, переживала кризисы, была, например, подвергнута репрессиям, и при этом смогла сохранить значимые для семьи вещи – это становится частью ее истории и темой рассказов. Об этом говорят и этим гордятся. Встречаются случаи, когда в семье есть старинная вещь, но в силу каких-либо причин члены семьи не знают ее историю. Это не снижает статус

---

¹³⁰Байбурин А.К.О жизни вещей в традиционной культуре // Живая старина. 1996. №3. С. 3.

вещи, поскольку любая старая вещь вызывает уважение, тем более, если она потенциально хранит какую-то утраченную семейную тайну.

Семейные реликвии, безусловно, относятся к вещам, которые обладают высоким семиотическим статусом. В самом общем представлении и практике семейными реликвиями являются предметы: 1) длительное время сохраняющиеся в семье; 2) передающиеся по наследству; 3) имеющие особое символическое значение как воплощение идеи рода¹³¹.

Любимые вещи индивида или его родственников также выделяются из остальных предметов и идентифицируются с самим человеком. Если они связаны с умершим, то, как и фотографии, становятся воплощением памяти о нем, фактически символическими заместителями (двойниками). Символическое «двойничество» человека и вещи характерно для традиционной культуры и проявляется в народной магии, о чем писала С.М. Толстая.¹³² И.Г. Петров на чувашском материале подтверждает, что такое отношение, в частности, к одежде связано с архетипическими представлениями о ней как о продолжении человека, способном сохранять и передавать информацию о личностных качествах и свойствах владельца¹³³.

В трудах этнографов-классиков, прежде всего на материале дистанцированных во времени и пространстве неевропейских культур, можно найти много примеров «одухотворения» вещей – наделения их антропологическими свойствами, в том числе при использовании в ритуале, магическом действии. В контексте «анимистической теории» Дж. Фрэзер¹³⁴ уделил достаточно внимания разрешениям и табу, связанным с предметами – магическим правилам, которые определяли бытие и судьбу человека. О «духе»

¹³¹Разумова И.А. Семейные реликвии // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. Сборник МАЭ, т. LVII. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. С. 63.

¹³²Толстая С.М. Символические заместители человека в народной магии // Судьбы традиционной культуры: сборник статей и материалов памяти Л.Ивлевой. СПб., 1998. С.72–78.

¹³³Петров И.Г. Одежда как символический заместитель человека в чувашских обычаях и обрядах // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №15. С. 20.

¹³⁴Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. Т. 1: Гл. XXI. Табу на предметы. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2001. С. 302–329.

вещи, о том, что вещь сама обладает душой, писал и М. Мосс¹³⁵. В современной культуре такое отношение к определенным категориям вещей существует и должно рассматриваться не как актуальное верование, а, скорее, на уровнях эмоционального переживания, текста и традиционной практики обращения (бережного) с предметами, наделяемыми особой связью с близкими.

Выделение «любимых вещей» мотивируется личным отношением к ним. В качестве любимых могут выступать самые разнообразные предметы, к которым индивид чувствует особую эмоциональную привязанность. Данную категорию вещей следует разграничить по основаниям семиотизации. В частности, некоторые считают «неприкосновенными» любые подарки, сделанные их матерями, бабушками (чаще всего) или другими родственниками, и здесь мы имеем дело с «семейным» обоснованием статуса вещи. В других случаях «семейной» личная вещь является только по месту нахождения и использования, но не по символической значимости. «Любимой» она может быть по мотивам эстетического восприятия, удобства, преимуществ использования, по исключительной связи с каким-либо событием, обстоятельством ее обретения и прочим причинам, касающимся индивидуального отношения человек – вещь.

Отдельные семейные вещи, которые изначально воспринимались членами семьи как сугубо утилитарные, со временем могут наделяться дополнительными значениями. Факторами семиотизации часто выступают временной (бытовая вещь становится антикварной, а это уже совсем другой статус) и событийный (вещь оказывается связанной с каким-либо значимым для семьи событием). Бытовые вещи с течением времени и своего «жития» вполне могут стать семейными реликвиями («любимая дедушкина ложка»). Во многих семьях семейными реликвиями чаще всего становятся старинные вещи, к ним обычно относятся с почтением. Для бытовой вещи это удачный вариант биографии. Однако в ходе сбора материала выяснилось, что так бывает не всегда: *«Из старинных вещей <...> есть только доска разделочная, типа, с гербом, это, императорской*

¹³⁵Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общество, обмен, личность. Труды по социальной антропологии. М.: «Восточная литература», 1996. С. 85–111.

России <...>. Ну, может, подделка – кто знает. Но фарфоровая. Она – так, не в почете. То есть она используется как разделочная доска» (Информант 1).

Выделим основные смысловые составляющие категории «семейная вещь». Семейными можно считать вещи, которые: 1) существуют в семье и составляют ее материально-предметную среду; 2) определенным образом характеризуют эту среду (например, являются показателем социально-экономического положения семьи); 3) воссоздают особенности быта семей различных этнических групп; 4) помогают через реконструирование быта семьи воссоздать социальную среду (бытовой стиль эпохи); 5) символизируют и помогают сохранять семейную историю и память конкретных семей; 6) составляют семейную собственность в случае, когда к конкретной вещи причастны все члены семьи (например, мебель, посуда используются всеми членами семьи; если же в семье есть реликвия, которую все они признают таковой – это тоже семейная собственность); 7) находятся в личном пользовании отдельных представителей семьи или являются «значимыми» только для одного ее представителя; 8) принадлежат членам семьи в пределах жилой среды (дома, квартиры).

Последнее значение особенно актуально в аспекте нашей темы. Понятие «семейные вещи» использовано нами, в первую очередь, по ассоциации «*семьи*» с «*домом*», то есть они рассматриваются как аккумулирующие *семейную*, или *домашнюю*, информацию. Основным субъектом жилища выступает семья. Каждая семья – это особый микромир. Он представляет собой освоенное, «окультуренное», интериоризированное пространство.

Определение «семьи» в настоящее время значительно варьируется, что связано как со спецификой дисциплинарных полей, в рамках которых дается определение, так и со сложностью данного социального объекта, представляющего, с одной стороны, полифункциональный социальный институт, с другой стороны – малую группу¹³⁶. Далеко не во всех социологических определениях семьи учитывается признак совместного проживания. Между тем в

---

¹³⁶Социология: Энциклопедия. / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Велькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск: Книжный Дом, 2003. С.903–906.

словаре С.И. Ожегова семья определяется как группа живущих вместе родственников. При этом семья, люди, живущие вместе, их хозяйство, а также квартира, являются домом. Домашним считается все, что относится к дому, семье и частному быту¹³⁷. Общепризнанного определения семьи нет, в том числе, и в семейном праве. Исходя из существующих сегодня научных определений понятия семьи в юридическом смысле, одним из критериев является «совместное проживание» (общее место жительства) членов семьи¹³⁸. Здесь большое значение имеет определение члена семьи. Это понятие используется не только в семейном, но и в гражданском и жилищном праве. Жилищное право использует термин «член семьи нанимателя» жилого помещения. В статье 31 ЖК РФ указано, что «к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи»¹³⁹. В наследственном праве не используются понятия «семья», «член семьи». Однако фактически о членах семьи идет речь, когда закон определяет круг лиц, являющихся наследниками по закону¹⁴⁰.

Под понятием «семья» с точки зрения жилищных потребностей и их реализации в перспективе, на наш взгляд, следует понимать группу родственников (или неродственников – в соответствии с многообразием типов современной семьи) в том составе, в котором они совместно проживают, или отдельно живущего индивида. Соответственно, к семейным вещам мы относим те вещи, которые находятся в распоряжении конкретной семейно-родственной общности независимо от того, проживают ее члены совместно или раздельно.

---

¹³⁷«Дом». Толковый словарь С.И. Ожегова. [Электронный ресурс]. URL.: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6935> (дата обращения: 14.02.2016).

¹³⁸Монахов А.Б. Семья: правовое определение понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 9. С 56.

¹³⁹Жилищный кодекс. №188-ФЗ. Ст. 31 ЖК РФ [Электронный ресурс]. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 11.02. 2016).

¹⁴⁰Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Глава 63. Наследование по закону. Статья 1141 1148. [Электронный ресурс]. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154 (дата обращения: 11.02. 2016).

Семейно-родственная общность имеет сложную структуру. Как правило, молодые представители семьи живут отдельно от родителей. Переехать из родового дома на новое место жительства могут как старшие, так и молодые представители семей (последний случай встречается чаще). В этом случае происходит разделение общего семейного предметного фонда. Однако, несмотря на пространственное разделение, члены семейно-родственной общности, так же как и ее предметный мир, продолжают функционировать как единое целое. Семейно-родственную общность объединяет память, в том числе воплощенная в вещах (опредмеченная память). Представитель семьи может проживать на расстоянии от родного дома и семьи, но продолжать идентифицировать себя с определенной общностью, и вещи, вывезенные из родного дома, называет «семейными». При переезде происходит раздел имущества семьи («выделение доли») на так называемых «добровольных» основах. Каждый представитель семьи забирает из общего семейного предметного фонда свои личные вещи и что-то принадлежащее всем членам семьи с их согласия. В данном исследовании мы не касались вопросов юридического раздела имущества, который обычно возникает в случае развода или вступления в права наследования. По крайней мере, наши информанты не упоминают ни один случай, когда при переезде им приходилось бы решать вопросы имущественного характера юридическим путем.

Сфера повседневной домашней жизни – это определенным образом организованное пространство с относительно постоянным набором вещей, стоящих на своих местах, имеющих знаковую функцию, позволяющих считывать информацию о взаимоотношениях членов семьи¹⁴¹. Изучение проблемы функционирования *семейных (домашних)* вещей в пространстве «дороги» невозможно без обращения к теме домашнего, жилого пространства, поскольку в процессе миграции вещь «выходит» из дома и в него же «возвращается». Основная задача данного исследования проследить, как происходит переорганизация предметного мира семьи в процессе переезда, а для ее решения

---

¹⁴¹Елютина М.Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 103.

необходимо иметь представление о функционировании семейных вещей в «обычном», стабильном состоянии, то есть – в аспекте нашей темы – в домашнем пространстве.

§ 1.2. Статичное и динамичное бытие семейных вещей

В контексте данной работы жилище рассматривается с точки зрения обустройства его пространственно-предметной среды, расположения вещей и их смысловой нагрузки. Расположение вещей в пространстве жилища зависит от многих факторов: размеров жилой площади, социальных характеристик семьи, материальных потребностей и эстетических предпочтений жильцов, физических параметров вещей, моды и т.д. Так или иначе, вещи в пространстве дома упорядочены и подчинены определенной логике. В доме у каждой вещи есть свое определенное место и назначение. Каждый дом, квартиру и даже комнату отдельного индивида или семьи можно рассматривать как «уникальную коллекцию» вещей, своего рода потенциальный «музей». И эта коллекция собрана самим индивидом под воздействием объективных и субъективных причин. «Семейный дом – специфическое пространство, мало зависящее от объективной расстановки вещей, ибо в нем главная функция мебели и прочих вещей – воплощать в себе отношения между людьми, заселять пространство, где они живут, то есть быть одушевленными»¹⁴².

Однако эта видимая стабильность предметной среды достаточно условна. «Пространственные смыслы гораздо более изменчивы, чем жесткая часть пространства. Жилище трудно перестроить или сменить, однако наполнить его новыми смыслами гораздо легче»¹⁴³. Вещи в пространстве дома могут менять локализацию и назначение. «Предмету свойственно непостоянство, его можно вынести или внести, предмет гораздо более телесен, материален, чем пространство»¹⁴⁴. «Статичные» вещи характеризуются монофункциональностью. Если статуэтка стоит на одном определенном месте и ее функция – украшать

¹⁴²Бодрийяр Ж. Система вещей. Пер. с фр. С. Зенкина. М.: Домино, 1995. С.9.

¹⁴³Тишков В.А. Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. №1. С. 14–31.

¹⁴⁴Токарев Н.В. Пространство вместо предмета / XX век. Эпоха. Человек. Вещь // Сборник статей. Составитель Соснина О. М.: Новый индекс, 2001. С.63.

интерьер жилища, то до тех пор, пока она стоит на этом месте, и роль ее, скорее всего, не изменится. У «движимых» вещей в этой связи есть преимущество. Например, одна и та же посуда, переместившаяся из кухни в комнату, с обеденного стола в сервант, приобретает дополнительную функцию или меняет ее, например, с утилитарной на декоративную (эстетическую).

Дом относится к «статичным» локусам, так как он имеет определенным образом организованную структуру и устойчив в пространстве и времени. ««Статичные» локусы связаны с представлениями о “радиальном” пространстве, тогда как в восприятии “подвижных” особо актуализируется “динамическая” форма восприятия пространства (как пути)»¹⁴⁵.

Пространство дома и его материально-предметная среда делятся на локутивы. Статичные и динамичные локусы в пространстве жилища подробно проанализированы в работе А.С. Кучумовой «Красный угол. Положение в пространстве (location) как семантический признак вещи»¹⁴⁶. По мнению автора, пространство дома не сводится к физическим характеристикам, а делится на семантически нагруженные фрагменты. «Оно дискретно, неоднородно и может восприниматься только опосредованно, через входящие в него вещи. Его плотность напрямую зависит от количества соприкасающихся предметов и внутри дома достигает своего максимума. Набор локусов в доме (да и в вещественном мире тоже) ограничен, и с каждым из них оказывается связан определенный набор значений. Часто можно выделить пространственную доминанту – вещь, являющуюся знаком конкретного локуса, в которой эти значения выражены наиболее полно»¹⁴⁷. Автор на примере деревенского дома рассматривает, как меняется смысловое поле предмета в зависимости от его перемещения: «у любой “вещи” – то есть у каждого объекта действительности можно обнаружить обязательно присутствующий признак, связывающий его с

¹⁴⁵Хачатрян С.Ю. Некоторые аспекты доместикации пространства в контексте обрядов казачьего населения Кубани. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slavakubani.ru/culture/rites-life-cycle/detail.php?ID=5300> (дата обращения 2.08.2015).

¹⁴⁶Кучумова А.С. «Красный угол. Положение в пространстве (location) как семантический признак вещи». [Электронный ресурс]. URL: http://www.folk.ru/Research/kuchumova_krasny_ugol.php (дата обращения 3.09.2014).

¹⁴⁷Там же.

тем локусом, в котором он находится (или location). Location, таким образом, характеризует вещь по ее положению в пространстве (признак вещи, а не пространства). Его значением будет привязка вещи к определенному локусу, в результате которой вещи сообщаются некоторые свойства этого локуса. Location присуще каждому элементу действительности (теряя характеристику по положению в пространстве, предмет просто выпадает из материального мира) и влияет на его семантику, добавляя некоторый набор значений к семантическому полю предмета»¹⁴⁸. По мнению А.С. Кучумовой, все неподвижные предметы участвуют в формировании основных локусов. Одни предметы фиксируются в пространстве с помощью других и делят его на части. Интерес представляет вывод автора о влиянии пространственного окружения, в который попадает та или иная вещь, на ее семантику. Так, вещи с тождественной формой и сходными функциями могут замещать одна другую в конкретной точке дома. «Это замещение можно рассматривать как функциональное и семантическое: оказываясь на месте вещи₁, вещь₂ начинает выполнять ее функции. Кроме того, семантика вещи₂ обогащается за счет семантики вещи₁, они начинают стремиться к тождеству. Но так обстоит дело на уровне статических предметов. <...>. Динамические предметы бывают двух видов – движущиеся самостоятельно (человек, животные, техника) или передвигаемые (двигать их необязательно, но можно). При этом свобода расположения подобных предметов ограничена как функцией предмета, так и некоторой традиционностью»¹⁴⁹.

§ 1.2.1. Вещь в крестьянском и городском жилище

Стабильность и функциональность материально-предметной среды в высшей степени выражена в традиционном сельском жилище. В частности, в восточнославянском жилище каждая вещь и предмет интерьера имели свою определенную функцию и располагались строго в соответствии с традицией.

¹⁴⁸Кучумова А.С. «Красный угол. Положение в пространстве (location) как семантический признак вещи». [Электронный ресурс]. URL: http://www.folk.ru/Research/kuchumova_krasny_ugol.php (дата обращения 3.09.2014).

¹⁴⁹ Там же.

Изучение традиционного жилища разных народов и элементов его интерьера всегда составляло один из приоритетов этнографии (Е.Э. Бломквист¹⁵⁰, А.К. Байбурин¹⁵¹, М.М. Валенцова¹⁵², А.Б. Пермиловская¹⁵³, Е.Д. Юхнева¹⁵⁴, Д.Н. Сулейманова¹⁵⁵, Н.А. Криничная¹⁵⁶, А.В. Соколова¹⁵⁷, Е.К. Алексеева¹⁵⁸, А.Н. Наровская¹⁵⁹, Р.Р. Садиков¹⁶⁰, Н.Н. Харузин¹⁶¹ и др.) В традиционной культуре дом символически «нагружен», это не просто материальный объект. С понятием «дом» в той или иной мере были соотнесены все важнейшие категории картины мира. Стратегия поведения человека строилась принципиально по-разному в зависимости от того, находился он дома или вне его пределов. Жилище имело особое, структурообразующее значение для выработки традиционных схем пространства¹⁶². В пространстве жилища принято выделять вертикальную и горизонтальную плоскости. «Горизонтальная плоскость жилого пространства восточнославянского жилища была весьма разработанной. Символические границы делили пространство на внутреннее и внешнее, мужское и женское, сакральное и профаническое»¹⁶³. Вертикальная структура жилища «трехчастна». Пол и потолок выступают в качестве границ и делят вертикальную плоскость на три зоны (чердак, жилое пространство и подполье)¹⁶⁴.

¹⁵⁰Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских. Украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Т. 31. М., 1956. С. 3–458.

¹⁵¹Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: «Наука», 1983. 192 с.

¹⁵²Валенцова М.М. Семантика и символика «верха» дома в обрядности славян // Живая старина. 2000. №2. С. 11–13.

¹⁵³Пермиловская А.Б. Северный дом. Петрозаводск: ПетроПолис, 2000. 223 с.

¹⁵⁴Юхнева Е. Дом для «старых русских» // Родина. 2003. № 10. С. 26–29.

¹⁵⁵Сулейманова Д.Н. Интерьер жилища волго-уральских татар: развитие и этнокультурная специфика: автореферат дисс. ... к.и.н: 07.00.07. Чебоксары, 2007. 22 с.

¹⁵⁶Криничная Н.А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) // Этнографическое обозрение. 2009. №2. С. 28–42.

¹⁵⁷Соколова А.В. Этнокультурная специфика еврейского дома в Подолии // Живая старина. 2000. №2. С. 17–22.

¹⁵⁸Алексеева Е.К. Очерки по материальной культуре эвенков Якутии (к. XIX – н. XX в.). Новосибирск: «Наука», 2003. 158 с.

¹⁵⁹Наровская А.Н. Общие и локальные особенности интерьера белорусского народного жилища (к. XIX – н. XX в.): автореф. дисс. ... к.и.н: 07.00.07. Минск, 1989. 22 с.

¹⁶⁰Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа: Гилем, 2001. 181 с.

¹⁶¹Харузин Н.Н. Очерк истории развития жилища у финнов // Этнографическое обозрение. 1895. №1. С. 35–78.

¹⁶²Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: «Наука», 1983. С. 3.

¹⁶³Лавонен Н.А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск: Периодика, 2000. С. 149.

¹⁶⁴Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: «Наука», 1983. С. 177.

Традиционное жилище восточных славян, несмотря на локальные отличия разных типов (у русских, украинцев, белорусов), имело ряд общих черт. Обобщая труды исследователей традиционного жилища, можно описать внутреннюю обстановку избы следующим образом. Главное место отводилось печи, которая являлась неотъемлемым элементом жилища восточных славян. От ее расположения зависело положение всех других частей интерьера. Каждый локус имел свое значение, а вещь была связана со своим местом. Почетным считался передний угол, где располагался стол. До конца XIX века преобладала неподвижная встроенная мебель. Осью ориентации жилища являлась диагональ красный угол – печь. Место у печи входило в часть женского пространства, у входной двери – мужского, а красный угол считался наиболее сакральным и почетным местом: «...красный угол в доме – наиболее парадное и значимое место, стол – сакральный центр жилища, печь наделена серией диффузных и противоречивых значений, порог – элемент дома, играющий роль его символической границы с внешним миром»¹⁶⁵.

Печь, домашний очаг являлись символом стабильности дома и семьи¹⁶⁶. Семантически нагружено также значение «угла», который «в народных представлениях нередко служит метонимическим эквивалентом жилища. <...> Если изба может быть “свернута” до размеров угла, то в других случаях, наоборот, угол расширяется до масштабов дома и далее»¹⁶⁷. «В красном углу находились объекты, которым придавалась высшая культурная ценность: стол, библия, молитвенные книги, крест, свечи. Все пространство в красном углу имеет знаковый характер.<...> Наиболее высокий знаковый статус имеют иконы»¹⁶⁸.

Если традиционное сельское жилище изучено основательно, то более или менее систематические исследования городского жилища начинаются только с конца 1950 – начала 1960-х годов. В рамках данного исследования нас интересует

¹⁶⁵Махлина С. Семиотика культуры повседневности. СПб.: Алетейя, 2009. С. 63.

¹⁶⁶Орлов П.А. Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры): дисс. ... к. истор. н.: 07.00.07. Ижевск, 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=296#4 (дата обращения: 6.09.2015).

¹⁶⁷Криничная Н.А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) // Этнографическое обозрение. 2009. №2. С. 28.

¹⁶⁸Лавонен Н.А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск: Периодика, 2000. С. 64.

наиболее распространенный, но все-таки «частный» случай, когда группа, идентифицируемая как «семья», располагает совместным жилищем (или жилым комплексом). В этом случае можно говорить о наличии семейной культуры жилища или о семейной жилой среде. Независимо от его типа («дом», «квартира» и т.п.) такое жилище вместе с заполняющими его предметами, их структурными и функциональными взаимосвязями между собой и с жилищем в целом определяется понятиями «домашняя материальная среда», «домашний пространственно-предметный мир».

Изучать жилую среду можно в двух основных ракурсах. С одной стороны, у нее есть объективные свойства: способы организации домашнего пространства, характеристики предметов и т.п. С другой стороны, реальное использование пространства и предметов не только определяется совокупностью культурных контекстов, но в высшей степени субъективировано.

В трудах советских этнографов сделаны выводы об особенностях и динамике жилой среды рабочих промышленных регионов (см. труды В.Ю. Крупянской, Н.С. Полищук¹⁶⁹, М.Н. Шмелевой и А.А. Анохиной¹⁷⁰, Р.К. Уразмановой¹⁷¹). Процесс формирования жилой среды прослеживается на значительном отрезке времени: с конца XIX века по 1960-е годы. Это направление «было новым и сложным, методически мало разработанным. Сказывалось отсутствие методики полевых этнографических исследований рабочего класса, неизученность быденной жизни городского населения в целом»¹⁷².

Анализ публикаций российских ученых в сфере жилищных исследований, выполненный К.В. Кияненко, свидетельствует, что изучение жилища осуществляется, в основном, на стыке социологии с культурной антропологией,

---

¹⁶⁹Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М.: «Наука», 1971. 288 с.; Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М., «Наука», 1974. 320 с.

¹⁷⁰Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., «Наука», 1977. 359 с.

¹⁷¹Уразманова Р.К. Особенности формирования и основные черты быта рабочих-нефтяников татар юго-востока Татарии // Этнографическое изучение быта рабочих в СССР. М.: «Наука», 1969. С. 96–118.

¹⁷²Фельдман М.А. Правдивая книга из начала 70-х гг. XX в.: произвольные загадки советской историографии. [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18479/1/iurg-2009-63-41.pdf> (дата обращения: 27.04.2015).

этнографией и археологией повседневности. Работы данного профиля характеризуются как «социально-культурные по типу и локальные по масштабу»¹⁷³. Содержание исследований, которые посвящены организации жилой среды и связанному с этим вещевому поведению, охватывает главным образом советский период, в то время как вещевое поведение постсоветского периода остается, несмотря на известную активизацию исследований в последние годы, менее изученным.

Обращаясь к вопросу о городском жилище советского и постсоветского времени, можно отметить следующее. Стандартизация советской эпохи приводила не только к однотипности квартир, но и даже к единообразию их интерьеров. Из-за дефицита товаров многие квартиры рядовых советских граждан были очень похожи друг на друга. Если что-то «выкидывали» в торговую сеть, то однотипное и в огромном количестве. В условиях малогабаритных квартир людям приходилось применять смекалку, чтобы создать уютную и комфортную обстановку для всех членов семьи.

Постсоветская эпоха провозгласила свободу выбора вещей для наполнения пространства, что позволило перейти от однотипности к разнообразию, от типичности к нетипичности в оформлении квартир. Сравнивая советские годы с современной ситуацией, можно прийти к выводу, что люди стали больше внимания уделять созданию стиля, и возможностей для этого появилось больше. «Увлечение созданием индивидуального интерьера еще не стало столь повальным, чтобы можно было говорить о массовом характере такой практики»¹⁷⁴. Интерьер жилища – это сложное культурное явление, которое тесно связано с социальной средой и детерминировано различными факторами. Одним из основных является совокупность объективных характеристик жилых помещений. Так или иначе, оформление быта, организация пространства жилища предопределены системой ценностей, которая лежит в основе мировосприятия.

---

¹⁷³Кияненко К.В. К российской социологии жилища. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1209805472.pdf (дата обращения: 19.05.2013).

¹⁷⁴Филяев С.Е. Полифункциональность образа «вещь-дом» как феномен культуры: автореферат диссертации ... к.филос.наук: 24.00.01. Теория и история культуры. Нижний Новгород, 2009. С. 23.

Здесь проявляются индивидуальные особенности людей и семей, детерминированные социокультурно и этнокультурно. Сколько бы ни представлялась гомогенной урбанистическая культура, современное городское жилище существует в многообразии этнокультурных вариантов подобно тому, как это наблюдается в традиционных культурах. Только в том и другом случаях вариативность является следствием действия разных факторов.

Семьи в изучаемом нами регионе (на Кольском Севере) – по преимуществу городские. Малые города Мурманской области строились и осваивались их нынешними жителями в советский период. В зависимости от времени и места прибытия одни мигранты приезжали в модернизированные новопостроенные города с уже развитой инфраструктурой, другие – в районы, которые только начинали застраиваться: небольшие поселения, состоящие из бараков и некомфортабельных домов. Молодые арктические города строились буквально на глазах переселенцев и при их непосредственном участии. Приезжие не только «строили» города, но и формировали современную городскую культуру региона.

Помимо того, что население Кольского полуострова формировалось и продолжает формироваться за счет людей, переезжающих сюда из всех регионов России и стран бывшего СССР, представители постоянного населения активно перемещаются и в пределах самой области (в поисках работы или на учебу) и таким образом меняют места жительства. Смена места жительства всегда сопряжена с прерыванием устоявшегося быта и привычного размещения вещей, как следствие, происходит переорганизация предметного мира семьи. Вещи, находящиеся в процессе переезда, на определенное время теряют статус «домашних». Их символика и функции временно утрачиваются или могут дополняться, меняться, то есть происходит переозначивание вещей.

Первостепенный интерес представляет следующий за перемещением процесс освоения необжитого пространства. Почти неизбежно сопутствующие ему трудности касаются отсутствия достаточного пространства, избыточности или нехватки вещей, проблемы приобретения нужных вещей и т.д. Сразу уточним, что в соответствии с задачами данного исследования мы, в первую

очередь, сосредотачивали внимание не на самом пространстве жилища, а на особенностях процесса его организации с помощью тех или иных вещей, а также на функционировании вещей в пределах жилища. Данный ракурс предполагает вопросы о том, с помощью каких предметов, какими способами, в какой последовательности, в какие сроки жильцы обустривают свое новое жилище (дом, квартиру), заполняя и упорядочивая его. При создании интерьера жилища закономерно выявляется, формируется, меняется отношение новоселов к предметному миру в целом, отдельным вещам и их категориям (мебели, посуде, бытовой технике, интерьерным украшениям и т.п.).

На обустройство быта на новом месте влияют сам процесс переезда и связанные с ним аспекты вещевого поведения. Для того чтобы начать обустриваться на новом месте жительства, надо сначала покинуть старое жилье, перевезти свои вещи, пережить связанные с этим трудности. Освоение нового пространства неразрывно связано с переездом, во многом обусловлено его обстоятельствами, транспортировкой вещей. Обратимся к вопросам, связанным с концептом «дороги», процессами перемещения и пересемантизации вещей в процессе переезда.

§ 1.2.2. Вещь в пространстве «дороги»

Любой переезд включает в себя в качестве основного этапа пребывание в дороге, то есть в кризисном пространстве и в ситуации временной нестабильности. Соответственно, передвижение вещей должно рассматриваться в связи с концептуализацией «дороги» и переезда как кризисного события.

«Дорога» – это ритуально и сакрально значимый локус, имеющий многозначную семантику и функции. Дорожные обычаи и представления неоднократно оказывались в фокусе этнографических исследований. Целый ряд этнофольклористических работ в том или ином ракурсе обращаются к проблеме

движения и дороги в славянской традиции: исследования Т.А. Агапкиной¹⁷⁵, В.Н. Топорова¹⁷⁶, С.М. Толстой¹⁷⁷, В.Л. Кляуса¹⁷⁸, Т.В. Цивьян¹⁷⁹, Т.Б. Щепанской¹⁸⁰ и др.

Все вещи, находящиеся в пути, можно разделить на две основные группы – багаж и дорожные вещи. В ситуации переселения при сборах в дорогу весь предметный мир сворачивается в некий вещевой комплекс под названием «багаж», с неизбежной потерей его определенной части в результате отбора (часть вещей продается, раздается или выкидывается).

В толковом словаре В. Даля находим следующее определение понятия «багаж» – *«поклажа, пожитки, вещи, скарб, имущество, кладь, особенно дорожная»*¹⁸¹. В толковых словарях Д.Н. Ушакова¹⁸² и С.И. Ожегова даны фактически аналогичные определения: багаж – это *«вещи, груз пассажиров, упакованные для отправки, перевозки. <...> Ручной багаж (вещи пассажира, находящиеся при нем)»*¹⁸³. В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой под багажом понимаются *«упакованные вещи, которые берет с собою в дорогу пассажир»*¹⁸⁴. Мы будем понимать под багажом любые вещи, предметы быта, которые семья или индивид перевозит из прежнего места жительства в новый дом.

Определение понятия «дорожные вещи» нам удалось обнаружить лишь в толковом словаре русского языка под редакцией Д.В. Дмитриева: *«дорожным*

¹⁷⁵ Агапкина Т.А. Концепт движения в обрядовой мифологии славян (на материале весеннее календарного цикла) // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 213–254.

¹⁷⁶ Топоров В.Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 7–88.

¹⁷⁷ Толстая С.М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 89–103.

¹⁷⁸ Кляус В.Л. Движение людей/движение предметов в забайкальском святочном обряде заваливания ворот // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 271–283.

¹⁷⁹ Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира. М.: Индрик, 1999. 376 с.

¹⁸⁰ Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. М.: «Индрик», 2003. 528 с.

¹⁸¹ Багаж. Толковый словарь Даля. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/dal/Bagazh-685.html> (дата обращения: 2.10.2015).

¹⁸² Багаж. Толковый словарь Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=1294> (дата обращения: 2.10.2015).

¹⁸³ Багаж. Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Bagazh-930/> (дата обращения: 2.10.2015).

¹⁸⁴ Багаж. Толковый словарь Ефремовой. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/efremova/Bagazh-2737.html> (дата обращения: 2.10.2015).

называют предмет, который вы берете с собой, когда едете куда-либо, путешествуете»¹⁸⁵.

Т.Б. Щепанская подразделяет дорожные вещи на две основные группы: снаряжение – средства жизнеобеспечения в дороге, и памятки-обереги – вещи, имевшие скорее символическую ценность¹⁸⁶. Данные на память вещи должны были предотвратить полное отчуждение уходящего, сохраняя его незримую связь с родиной и домом. Эта связь только временно блокировалась, сворачивалась в символ (ту же памятную вещь). В настоящее время дорожные вещи-обереги продолжают существовать. Т.Б. Щепанская в специальном исследовании показала, как такого рода вещи функционируют в среде водителей¹⁸⁷. Одни вещи выступают в качестве защиты от «непредвиденных ситуаций», среди них утилитарные (монтировка, бита и т.п.) и символические (например, образы святых); другие напоминают о доме (игрушки на лобовом стекле) и т.п.

Кроме того, к дорожным необходимо отнести такие вещи, которые используются в дороге в качестве «тары» или средств упаковки и переноски грузов. Традиционным средствам передвижения и дорожному снаряжению посвящены отдельные этнографические исследования (М.И. Васильев¹⁸⁸, А.А. Лебедева¹⁸⁹ и др.). В настоящее время в качестве дорожной утвари выступают сумки, чемоданы, иногда, для удобства транспортировки, используют коробки (подробно этот аспект будет рассмотрен на эмпирическом материале в § 3.3.).

В этнографической традиции концепт «дороги» противопоставлен концепту «дома». Дом ассоциируется со стабильностью, оседлостью, местом обжитым и «своим», дорога – это движение, нестабильность положения, «чужое» и

¹⁸⁵«Дорожный». Толковый словарь Дмитриева. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/dmytriev/Dorozhn-115.html> (дата обращения 2.10.2014).

¹⁸⁶Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: «Индрик», 2003. С.109.

¹⁸⁷Щепанская Т.Б. Этнография техносферы: традиция и прогностика в фольклорном дискурсе водителей // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам: Сб. науч. ст./ Отв. ред. Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2012.С. 162–183.

¹⁸⁸Васильев М.И. Русские лыжи: история развития // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 91–94; Васильев М.И. К вопросу о системе русских транспортных коммуникаций X–XX в. // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 64–74; Васильев М.И. Сани в русском погребальном обряде: история изучения и проблема интерпретации // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 151–164; Васильев М.И. Русские сухопутные коммуникации и скользящий транспорт X – начала XX веков: основные тенденции развития: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.07. СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет, 2009. 47 с.

¹⁸⁹Лебедева А.А. Средства переноски тяжестей у восточных славян // ПИИЭ, 1974. М., 1975. С. 19–28.

неизвестное. «Неслучайно накладывался запрет на строительство дома в том месте, где раньше проходила дорога»¹⁹⁰. В то же время дом и дорога связаны как разные полюса единой шкалы, сочетающей оседлость и подвижность. «Оседлое поселение способно превратиться в дорожный стан, дом – в дорогу, а средство передвижения – во временное жилище»¹⁹¹. Как отмечает А.В. Головнев, «в антропологии движения динамика и статика противопоставляются лишь для показа их переменности и диапазона промежуточных состояний. Речь идет не о замене статичных измерений динамичными, а о двухмерности»¹⁹².

Противопоставление концептов «дом» и «дорога» отчетливо прослеживается в ритуале перехода в новый дом¹⁹³ и на основе таких семейных обрядов перехода, как свадьба, родины и похороны. Тема дороги (пути) и дома в обрядах жизненного цикла является одной из важнейших, особенно это касается похоронного обряда, перемещающего объект из пространства жизни в пространство смерти (см. труды Л.Г. Невской¹⁹⁴, А. Геннепа¹⁹⁵, О.А. Седаковой¹⁹⁶, Л.В. Фадеевой¹⁹⁷, В.А. Чистякова¹⁹⁸, Ю.Ю. Толстиковой¹⁹⁹ и др.).

Ю.Ю. Толстикова, анализируя похоронно-поминальные причитания, выделила в них три основные сюжетные темы: 1) тему, фиксирующую статус

¹⁹⁰ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград «Наука», 1983. С.35.

¹⁹¹ Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: «Индрик», 2003. С.32.

¹⁹² Головнев А.В. Дорожная карта антропологии движения // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 4–14. [Электронный ресурс]. URL: http://ethnobs.ru/library/237/_aview_b19543 (дата обращения: 20.01.2016).

¹⁹³ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. Глава III. Типология обрядовых структур. Свое и чужое (Пространственный аспект). СПб.: «Наука», 1993. С. 183–194; Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Глава 3. Обряды при переходе в новый дом. Ленинград «Наука», 1983. С. 104–124; Давлетшина Л.Х. Семантика пространства в обряде переселения «йорт иясе» в новый дом. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tatfolk.ru/files/materials/obryady/7.pdf> (дата обращения: 23.05.2015).

¹⁹⁴ Невская Л.Г. Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде // Структура текста. М., «Наука», 1980. С. 228–239.

¹⁹⁵ Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.

¹⁹⁶ Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индик, 2004. 320 с.

¹⁹⁷ Фадеева Л.В. «Гостевание» и «пирование» в похоронных причитаниях и похоронно-поминальных обрядах русских (в сравнении с финно-уграми) // Традиционное русское застолье: Сб. статей / ГРЦРФ. М., 2008. С. 136–146.

¹⁹⁸ Чистяков В.А. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX–XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор. Москва, «Наука», 1982. С. 114–127.

¹⁹⁹ Толстикова Ю.Ю. Образно-поэтическая система похоронно-поминальных причитаний на территории Новгородско-Тверского пограничья // Этнографическое изучение Северо-Запада России: Итоги полевых исследований 2001 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях. Материалы VI Региональной научной конференции молодых ученых / Под ред. А.В. Гадло. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001. С. 62–65.

покойного; 2) тему дома; 3) тему «пути-дороги»²⁰⁰. Автор отмечает, что в причитаниях образ пути-дороги «приобретает статус ключевой формулы-символа, кодирующей основные смысловые доминанты обрядов отчуждения. Дорога покойного на «тот свет» наделяется особыми свойствами, характеризующими «чужое» пространство. В причитаниях противопоставляются не дом и дорога, а дом «свой» (как местонахождение живых) и дом «чужой» (гроб – местонахождение покойного). Это противопоставление «раскрывается в поэтической формуле: “свой” дом – “тепленькое гнездышко”, гроб (дом покойного) – “дом без окон и дверей”»²⁰¹. Дом имеет такое же определяющее значение, как и дорога. Дом защищает его обитателей от внешнего мира. «Новый дом» по аналогии с дорогой, поскольку он еще не обжит, воспринимается как нечто неизвестное и, соответственно, опасное. Если изготовление гроба уподобляется строительству дома, то переложение покойника в гроб (и далее – в могилу) представляет аналогию новоселью. «“Домовище” (гроб) должно стать для покойника вторым домом, в котором он отныне будет обитать. <...> Трансформация человека (смерть) осмысливается как переселение, переезд в новый дом, в новую зону обитания»²⁰². Как и в процессе переезда на новое место жительства, действия в традиционных переходных обрядах свадьбы, родин и похорон, в конечном итоге, направлены на «правильное» покидание одного и обживание, освоение другого пространства – вместе с определенными предметами и с их помощью. Невесте необходимо освоиться в доме жениха, покойному необходимо дать все необходимое, чтобы он чувствовал себя комфортно в своем «новом доме» (гробу) и не беспокоил живых, а новорожденный смог закрепиться в мире живых. В контексте семантики данных обрядов актуализируется значение «семейных» вещей как обережных и

²⁰⁰Толстикова Ю.Ю. Образно-поэтическая система похоронно-поминальных причитаний на территории Новгородско-Тверского пограничья // Этнографическое изучение Северо-Запада России: Итоги полевых исследований 2001 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях. Материалы VI Региональной научной конференции молодых ученых / Под ред. А.В. Гадло. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001. С. 62–65.

²⁰¹Там же, С. 63.

²⁰²Чистяков В.А. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX–XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор. Москва: «Наука», 1982. С.115.

символизирующих включение в сферу «своего» – общности и дома – и стабильного бытия.

Перемещение из «своего» в «чужое» и наоборот является центральным звеном в семантической структуре ритуала. В то же время переезды на новое место жительства различаются тем, в какое пространство попадает новосел: в новое или ранее кем-то обжитое («чужое»), в пустое или чем-то заполненное. Во всех случаях место предстоит освоить и (пере)организовать. Предметный мир служит средством для успешной адаптации в новом пространстве.

§ 1.2.3. Перемещение вещей в переходных обрядах

В этнографической традиции динамические аспекты функционирования вещей можно проследить на основе обрядов перехода. Мы опираемся на известную концепцию, в соответствии с которой традиционный обряд представляет собой культурный текст, включающий в себя элементы, принадлежащие разным кодам: акциональному, реальному, или предметному (производятся действия с некоторыми обыденными или специально изготовленными ритуальными предметами), вербальному, а также персональному, локативному (действия приурочены к ритуально значимым элементам внешнего или внутреннего пространства или вообще пространственно ориентированы – вверх, вниз, вглубь и т.д.). Каждый элемент обрядового текста семиотически маркирован по отношению к своему природному прототипу и тем самым (уже) вторичен: предмет или действие выступают в обряде не в своем обиходном, практическом значении, а в ритуальной, символической, знаковой функции²⁰³.

Свадьба как сюжетный текст в большей степени связана с движением как пространственным перемещением («переездом»), то есть оказывается значимым противопоставлением движущегося и неподвижного, проявляющееся на самых

---

²⁰³Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. М.: Издательство «Индрик», 1995. С.167.

разных уровнях обряда²⁰⁴. В свадебном обряде «движение» вещей можно проследить на примере приданого. По существу приданое начинала копить мать с рождения дочери. Например, в Поморье это называлось «нагнетать сундук»: потихоньку откладывались отрезы на кофты, сарафаны, платки, полотенца и т.д.²⁰⁵. Приданое в свадебном обряде – это «доля», которую выделяют невесте из родительского дома. Этот ритуал по аналогии с переездом на новое место жительства воспроизводит следующую структуру: сначала вещи собираются, затем перемещаются из одного дома (невесты) в другой (жениха), а потом помогают невесте адаптироваться на новом месте.

Точно так же и многие элементы погребального обряда осмысляются как деление живого с мертвым, выделение ему доли («погребальные дары»). «Как и при реальном новоселье, в дом (домовину) помещается доля покойника. Кроме хлеба в гроб клались стружки от гроба, обрезки ткани, оставшиеся от шитья савана, медные деньги (“для оплаты места на кладбище” или “для оплаты переправы через реку”), сохранившиеся ногти покойника (“чтобы он смог на том свете вскарабкаться на гору”), иногда (у белорусов) онучи, рубаха, курительные принадлежности, а ремесленникам — копии их орудий труда (шило сапожнику, топор плотнику и т.п.). Детям клали игрушки, а повивальным бабкам — палку и узелок с маком, “чтобы она могла на том свете защищаться от детей, которых она принимала при родах”»²⁰⁶. Оставшаяся от умершего человека одежда не хранилась, а выбрасывалась или отдавалась нищим²⁰⁷. Это своего рода символический «уход» вещи за пределы пространства дома в связи со смертью хозяина. Как правило, умершему обували новые лапти, а его старые выбрасывают вместе с нательным бельем. Но, учитывая, что лапти входят в число личных

²⁰⁴Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Под ред. К.В. Чистова и Т.А. Бернштам. АН СССР Инст-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ленинград: «Наука» Ленинградское отделение, 1978. С. 90.

²⁰⁵Бернштам Т.А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы / Пол ред. К.В. Чистова и Т.А. Бернштам. АН СССР Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ленинград: «Наука», Ленинградское отделение, 1978. С.49.

²⁰⁶Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: «Наука», 1993. С. 111.

²⁰⁷Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: «Наука», 2010. С.98.

вещей, иногда старые вместе с другой мелочью клали в гроб²⁰⁸. Здесь наблюдается аналогия с действиями по избавлению от части вещей в процессе переезда на новое место жительства. Таким образом, перемещение вещей в свадебном и погребальном обрядах соотносится со сценарием «выезда» одного из членов семьи из родного дома, с выделением ему части «предметного фонда».

Адаптация на новом месте жительства является завершающей стадией любого переезда. В этой связи перемещение вещей среди прочего регулируется культурно закрепленными нормами перехода в новый дом, освоения нового пространства. Традиционно при переселении в новый дом особое внимание уделялось перенесению «доли» прежнего жилья, воплощенной, например, в огне прежнего очага, домашнем соре, навозе²⁰⁹, то есть в первую очередь перемещались не столько предметы, сколько символические субстанции, а затем уже вещи в определенной иерархической последовательности. Заполнение внутреннего пространства нового дома – аналог наполнения мира вещами после его создания. Первыми вносятся предметы высшей символической значимости: домашний огонь, хлеб, соль, дежа (квашня с затворенным тестом), иконы²¹⁰. Из прочих предметов, равно утилитарных и символических, первостепенное значение в процессе заполнения нового пространства могло быть отдано столу²¹¹, скамьям или стульям²¹². Эти вещи являются носителями специфических культурных значений, прежде всего потому, что служат предметами первой необходимости, связанными с основами жизнеобеспечения человека и семьи.

Как отмечает И.А. Разумова, в настоящее время «основные ритуальные моменты при вселении соблюдаются не только сельскими, но и городскими жителями»²¹³. На сегодняшний день в культуре городских жителей Кольского

²⁰⁸Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: «Наука», 2010. С. 109.

²⁰⁹Бернштам Т.А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы / Пол ред. К.В. Чистова и Т. А. Бернштам. АН СССР Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ленинград «Наука», Ленинградское отделение, 1978. С. 170.

²¹⁰Там же, С.171.

²¹¹Лавонен Н.А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск: Периодика, 2000. 176 с.

²¹²Орлов П.А. Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры). [Электронный ресурс].URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=296#4 (дата обращения 6.09.2015).

²¹³Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. С.131.

Севера можно наблюдать соблюдение некоторых элементов традиционного обряда при переезде на новое место жительства.

Перемещение вещей в процессе переезда актуализирует (обновляет, меняет) многие их смыслы, функции, что будет показано на основе полученного в ходе исследования эмпирического материала (см. Главы 3, 4).

ГЛАВА 2. СЕМЕЙНЫЕ ВЕЩИ В БЫТУ ГОРОЖАН КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

§ 2.1. Функционирование вещей в пространстве современного жилища и семьи: смыслы домашних вещей

Если в предыдущей главе были даны определения понятию «семейные вещи» и выделены их различные типы в зависимости от семиотического статуса, то в настоящей главе на конкретном эмпирическом материале мы рассмотрим особенности функционирования, расположения и перемещения разных типов семейных вещей в пространстве современного жилища жителей Кольского Севера.

В традиционной крестьянской культуре вещи достаточно хорошо изучены как в своей «предметности», так и с точки зрения ритуальных, символических функций. Однако в отношении урбанистической культуры дело обстоит иначе. С одной стороны, вещи исследовались в основном с точки зрения потребительской ценности. С другой стороны, внимание уделялось высоко семиотизированным вещам (знакам социального престижа, предметным символам отдельных субкультур, отчасти – семейным реликвиям). Вещами, которые занимают промежуточные позиции на данной шкале, исследователи почти не занимались, по крайней мере, в нашем специальном ракурсе. Представляется, что обращение к современному семейному предметному миру поможет прояснить механизмы семиотизации и динамические процессы функционирования вещей.

По функциональному основанию все вещи, включенные в материально-предметный мир семьи (жилища), можно распределить на три условные группы: бытовые, декоративные и мемориальные вещи. Предметы первой группы в пространстве семейного жилища исполняют роль помощников в быту (нож, стул, стол и т.п.), вторые служат его украшением (картина, ваза и т.п.), а третьи хранят память о каких-либо событиях истории семейно-родственного сообщества (альбом с фотографиями, сувениры, семейная реликвия и т.п.). Эта классификация достаточно условна, поскольку декоративные вещи одновременно могут и быть

мемориальными, и входить в разряд бытовых вещей. Семейные вещи могут быть типологизированы по разным основаниям, но в соответствии с избранным подходом главным критерием является их позиция на шкале семиотичности (утилитарное / символическое значение). Бытовые и мемориальные вещи могут наделяться различными характеристиками, начиная от их стоимости и включая внешние характеристики. Вещь может быть дорогой / дешевой, престижной / непрестижной, красивой / уродливой и т.п.

В каждой семье есть вещи, которые используются и воспринимаются как «чисто бытовые». Прагматичным чаще всего является отношение к предметам мебели, бытовой техники, утвари. Без них трудно представить семейный быт, но они, на внешний взгляд, не играют никакой роли в семейной истории. Такие вещи актуальны в настоящем, сами по себе они могут символизировать время, его технологии и т.п., но, с «внутрисемейной точки зрения», не обладают какими-либо символическими значениями. Утилитарные вещи являются объективным показателем социального, профессионального статуса, экономического положения, увлечений семьи или индивида, санитарно-гигиенических норм и привычек и т.д. Попадая в чью-то квартиру, внешний наблюдатель по обстановке, даже стандартизированной, может судить о характере и образе жизни тех, кто здесь проживает.

Обозначение «бытовые» указывает на удовлетворение с помощью этих вещей, прежде всего, обыденных потребностей. Мир бытовых вещей бесконечно многообразен. Понятие «быт», которое широко использовалось и используется в отечественной этнографии, и, как известно, имеет специфическую русскую семантику, нередко выступает синонимом понятия «повседневность». Предметная область повседневности охватывает в большей мере непроизводственную, потребительскую и досуговую сферы. Она относится преимущественно к частной жизни, а не общественной (насколько они могут быть обособлены в рамках прошлых эпох)²¹⁴.

---

²¹⁴Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. С.20.

Помимо функциональных и материально-предметных признаков критерием классификации бытовых вещей может быть местоположение в пространстве (жилища, поселения, тела человека). Все многообразие бытовых вещей во времени и пространстве охватить чрезвычайно сложно (чтобы не говорить «невозможно»)²¹⁵. Соответственно, в пространстве жизнедеятельности семьи утилитарные вещи имеют локализацию в зависимости от характера их использования («для дома» и «для дачи», например).

Вещи, функционирующие в современных семьях, можно распределить по ряду темпоральных критериев. Оснований для классификации может быть несколько: по принадлежности к исторической эпохе или конкретному периоду («старинная», «советская», «довоенная», «современная» вещь), длительности использования («старая» / «новая» вещь); соответствия стилю времени («модная» / «немодная»). «Смысловое значение вещи не может быть понято без знания конкретно-исторических условий жизни людей, истории культуры (как материальной, так и духовной)»²¹⁶, – это утверждение является для нас методологическим основанием.

В семьях современных горожан продолжают существовать самые разнообразные старинные и произведенные в период СССР вещи. Как отмечает К.З. Акопян, «историческое изучение вещи – это, условно говоря, горизонтальный срез, исчерпываемый ее актуальным для определенного исторического периода существованием. Для нового исторического периода данная вещь либо вообще не играет, хотя бы относительно значимой роли, либо сохраняет значение лишь исторической реликвии»²¹⁷. Ж. Бодрийяр называет такие вещи маргинальными, поскольку они выделяются из контекста повседневного использования, но, тем не менее, составляют важную часть современной цивилизации²¹⁸. Как правило, за редким исключением, старинные вещи в семье приобретают особый статус,

---

²¹⁵Буровик К.А. Родословная вещей. 2-е изд, перераб. М., Знание, 1991. С. 4.

²¹⁶Миролюбова Л.Р. Вещная среда как феномен культуры / Под ред. доц. Н.А. Козловой. Изд-во Саратовского ун-та, 1986. С.59.

²¹⁷Акопян К.З. Бытие вещи в культуре // Вещь в контексте культуры. Мат-лы н.конференции, февраль 1994. СПб. С. 11.

²¹⁸Бодрийяр Ж. Система вещей. Пер. с фр. С. Зенкина. М.: Домино, 1995. С. 84–96.

хранятся с почетом и даже переходят в разряд семейных реликвий. Отношение владельцев к вещам этой категории можно объяснить малочисленностью таких предметов в современном обиходе и, соответственно, раритетностью и уникальностью. В советское время многие семьи избавлялись от такого рода вещей как по причине идеологии борьбы с мещанством («вещизмом»), так и в силу стремления к «обновлению быта»: *«Я была такая глупая, ну что сказать, совсем молодая была. Мне так хотелось этой “новой” мебели, а родители не хотели менять старую мебель. <...>. И вот мы с братом вынесли к помойкам шикарный старинный дубовый стол, чтобы родители купили новый. <...>. Я до сих пор жалею об этом столе»* (Информант 2). Этот факт вещевого поведения в советский период упоминает и Д.А. Гранин в своих мемуарах: *«Да, поздно мы научились ценить старинное. Это была идеология, борьба с мещанством, с прежним бытом, мы приветствовали фанерную дрянную мебель, дешевку, ныне она кажется безобразной, слава богу, мало что от нее уцелело»²¹⁹.*

Понятие современной вещи условно, так как временной период не может быть точно определен, и он относительно короток, «многим современным вещам свойственна тенденция к недолговечности использования, одноразовости, постоянному обновлению»²²⁰. В определении вещи как «современной» важную роль играет субъективный фактор. В обществе потребления товары и новые технологии с огромной скоростью меняются и расширяются, и то, что для одного индивида является «современным», для другого – давно устаревшим. Это касается, прежде всего, технических средств (разнообразных «гаджетов»), бытовых приборов, а также элементов интерьера современного жилища.

Вещи времен СССР представляют собой интересный феномен как имеющие длительную историю и срок службы. Многие из них до сих пор функционируют в современном городском быту северян. О.С. Микова в своей работе отметила, что «интерьер современных российских квартир насыщен элементами советского

²¹⁹Гранин Д.А. Причуды моей памяти. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 228.

²²⁰Одношовина Ю.В. Культурные смыслы мира вещей: история и современность: автореферат на соиск. ... к. культур.н.: 24.00.01. Челябинск, 2007. С.24.

быта»²²¹. Это утверждение, судя по нашим материалам, нуждается в уточнении и конкретизации. Действительно, есть квартиры, в которых советские вещи составляют большую часть материально-предметного фонда. Однако немало и таких домохозяйств, в которых они полностью отсутствуют. В иных случаях сами хозяева постоянно или с трудом вспоминают об их наличии.

Принято считать, что молодежь ориентирована на моду, легче избавляется от устаревших и ненужных вещей и, как следствие, в квартирах молодых семей все чаще можно наблюдать современный стиль при создании интерьера. Вместе с тем в процессе проведения интервью и обследования домохозяйств мы утвердились в том, что определяющую роль здесь играет субъективный фактор, и выявить зависимость вещевого поведения от пола, возраста, образования, материального достатка достаточно сложно. Встречались случаи, когда молодые люди живут в окружении старых вещей, сознательно храня их как память о каких-либо людях и событиях, тогда как представители среднего и пожилого возраста стараются максимально минимизировать их присутствие в своем быту. Закономерностью такое явление назвать нельзя. Многие молодые люди и семьи, которые могут себе позволить купить новые современные вещи, стараются заменить предметы ушедшей эпохи новыми вещами, тогда как люди старшего поколения не спешат с ними расставаться. Анализ функционирования разных типов и категорий вещей в пространстве жилища позволяет выявить противоречия в вещевом поведении разных поколений и семей. Для молодежи как представителей «общества постмодерна» характерна частая смена вещей, например, потому что они вышли из моды. «Выйдя из моды, вещь теряет престиж, она действует против хозяина»²²². Кроме того, разными членами семьи одна и та же вещь может по-разному оцениваться и осмысливаться. Для одного она может много значить, быть ценной в материальном или символическом плане, а другим восприниматься как ненужный хлам.

---

²²¹Микова О.С. Элементы советского уюта в интерьере комнаты современного пермского горожанина. URL: http://utopiya.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&catid=108:2011-10-29-18-21-54&id=2466:2011-10-30-13-36-29&Itemid=220 (дата обращения: 18.11.2014).

²²²Гранин Д.А. Причуды моей памяти. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 121.

§ 2.2. Типология мемориальных вещей в культуре семей

Особое место в предметном мире семьи занимает группа материальных предметов, которую можно обозначить как «памятные» («мемориальные») вещи. Основной функцией мемориальных вещей является сохранение памяти о событиях, местах, людях и т.п. Мы рассмотрим разные типы вещей, которые выполняют мемориальную функцию в жизни отдельных семей и людей – в соответствии с концепциями социального конструирования памяти и «мест памяти»²²³.

Индивидуальная память зависит от степени и характера ее вовлеченности в различные группы, начиная с семьи. Среди разных видов памяти особое место занимает предметная, воплощенная в вещах, выполняющих функцию «места памяти»²²⁴. Личная вещь каждого члена семьи, так или иначе, включена в общий предметный мир родственной группы, и при определенных обстоятельствах она оказывается частью общего фонда семейной памяти или переходит в разряд семейных реликвий. Памятные вещи бывают ценными в прямом, материальном смысле, они могут использоваться по целевому утилитарному назначению, а могут иметь только символическую ценность, которая определяется особым отношением к вещи, выступающей посредником в сохранении памяти о чем-то значимом в жизни индивида, семьи. В таком случае физические и функциональные характеристики предметов отступают на второй план.

В результате бесед, интервью, знакомства с предметным миром семей помимо семейных реликвий были выделены различные типы памятных вещей, которые мы обозначили как «индивидуальные памятные вещи»; «памятные вещи родственников»; «памятные вещи, связанные с «общественными» достижениями»; «вещи-память об этнической, национальной и религиозной

---

²²³Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 1999. С.17–50; Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.

²²⁴Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 1999. С.17–50; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 20.

принадлежности»; «вещи-память о территориальной, локальной принадлежности».

Тип 1. Индивидуальные памятные вещи

К этому типу относятся вещи, которые воспринимаются как хранители персональной памяти; при непосредственном к ним обращении они вызывают ностальгию о прошедших этапах жизни, отдельных людях и биографических событиях, например, о школьных, студенческих, армейских временах, друзьях и т.п. (см. Приложение, Рисунок 1–3).

Количество такого рода памятных вещей в доме зависит от субъективных обстоятельств. Отдельные личности склонны хранить огромное количество «вещественных знаков», казалось бы, совершенно ненужных, но для них связанных с особыми воспоминаниями. К таким предметам может относиться все, что угодно, вплоть до автобусных билетов и фантиков: *«У него <мужа – О.С.> страсть к накопительству! Он коллекционирует с раннего детства абсолютно все, что можно. Помимо таких личных вещей и техники, которыми мы обрастаем, у него еще складываются огромные коллекции всего, что ему попадается. <...> У него есть коробочка со всякими памятными вещами. Вот, например, мы съездили с ним в Петрозаводск, обязательно сохранит свои билеты туда и обратно, даже какие-то билеты с троллейбуса – все, все, все!»* (Информант 3).

Кто-то время от времени перебирает и выбрасывает значительную часть таких вещей, при этом делая над собой усилие: *«Пару лет назад я все-таки решила и перебрала свою любимую кладовку. <...>. Было тяжело выбрасывать какие-то вещи, ведь все они связаны с какими-то важными событиями, но я понимала, что это нужно сделать, потому что их накопилось огромное количество»* (Информант 4). Другие не могут решиться выбросить вещественные свидетельства прошлого и «ссылают» их на дачу, в гараж или сарай («рука не поднимается выбросить»). Остальные члены семьи могут по-разному относиться к таким предметам, поскольку не связывают их с каким-либо событием собственной биографии и одновременно проявляют разную степень понимания

другого. Бывают случаи, когда члены семьи замечают особенную любовь своего близкого к той или иной вещи, и в соответствующей ситуации (чаще всего после его смерти, а также при длительном расставании) эта вещь становится семейной реликвией или просто хранится с почетом, то есть ее существование начинает переживаться и переосмысливаться. Но чаще встречаются случаи, когда вещи, много значившие для владельца, после его смерти отправляются на помойку.

Семейная память имеет сложную конфигурацию. То, что для одних является памятной вещью, для других – обычный или лишний предмет. Казалось бы, не нуждается в подтверждении тот факт, что старшее поколение больше дорожит памятными вещами – и индивидуальными, и семейными. У старших и биографический опыт больше, и возраст располагает к воспоминаниям. Кроме того, они осознают свою ответственность за сохранение памяти о предках. При всей справедливости таких утверждений, они не бесспорны. У младших членов семьи бывает больше склонности к собиранию фонда памяти – не только собственной, но и семейной. Отчасти – из-за «беспамятности» родительского поколения, в силу отталкивания от него, отчасти – по личной предрасположенности.

Сами информанты обычно называют предметы, которыми они дорожат, «памятными», «любимыми», «старыми», «старинными». Крайне редко – «реликвиями», тем более «семейными». Существует устойчивое представление о семейной реликвии как вещи, которая передается из поколения в поколение.

Как правило, индивидуально памятная вещь относительно нова – не старше самого хозяина, так как ее существование связано с персональной жизненной траекторией и личным опытом. Ее не собираются передавать по наследству именно потому, что она имеет значение только для самого человека и нередко ассоциирована с его «потаянным знанием». Из таких вещей создаются индивидуальные «музейные фонды». Тем не менее у членов семей есть знание о персональных собраниях близких – постольку, поскольку они лично причастны к жизненному опыту друг друга: *«Как таковых реликвий нет. Но есть вещи, которые дороги тем, что, например, у мамы связаны с ее детством, ее мамой,*

Алтаем. А у меня с моим детством, с моей мамой. Например, те же самые открытки и фотографии, посуда. Мы очень бережно относимся к таким вещам и пользуемся ими только в особенные для нас дни: дни рождения, Новый год и другие семейные праздники» (Информант 5).

Тип II. Памятные вещи родственников

Эту категорию составляют вещи, оставшиеся от умерших родственников или от членов семьи, которые живут в отдалении (в результате развода, переезда). Такими могут быть не только личные вещи родственников, но и различные подарки, хранящиеся в память о них. Следует отметить, что именно данного рода вещи с течением времени чаще всего становятся семейными реликвиями, но до тех пор, пока сам индивид не присвоит им такой высокий семейный статус, они остаются просто памятными вещами родственников: *«Также очень трепетно в семье относятся к подаренным вещам, особенно к подаркам умерших родственников. Так, мама трепетно хранит книги с дарственными надписями, открытки, перстень, подаренной одной из бабушек. Думаю, потом эти вещи станут семейными реликвиями»* (Информант 6).

Как правило, памятные вещи умерших и уехавших родственников никак не используются в семье, но их жалеют выбросить. Чаще всего они просто «пылятся» в кладовках и на антресолях или, если это одежда, висят в шкафу. Хранение подобного рода вещей и нежелание от них избавиться информанты чаще всего объясняют тем, что они «напоминают» о родственниках (живых или умерших). Практически в каждой семье есть такие вещи. Их хранение является важным для поддержания семейной идентичности и сохранения памяти рода (см. Приложение, Рисунок 4–10).

Тип III. Памятные вещи, связанные с общественными достижениями

К этому типу можно отнести различные награды за достижения в учебе, спорте, работе – грамоты, дипломы, медали, призы и т.п. (см. Приложение, Рисунок 11–12). Как правило, такие вещи являются основанием для гордости, то есть обосновывают признание достижений и социальное продвижение члена семьи и, следовательно, группы в целом. Чаще и сильнее всего гордятся родители

успехами своих детей. Многие дети, независимо от возраста, свои грамоты, медали, вырезки публикаций о себе из газет и прочее отвозят, отдают родителям и прауродителям, чтобы тем было приятно. В значительной части случаев сами награжденные, отмеченные в печати и т.п., меньше ценят знаки собственного социального признания («это для мамы»). Некоторые из них, спустя время, могут выбросить какие-то дипломы и грамоты: *«Я вот недавно все перебирала, я просто сейчас переехала с другого адреса, и вот эти все грамоты были, и все это.... Просматривала и все, естественно, порвала. Думаю – зачем они? А вот раньше, допустим, эти часы, и эта грамота, это было вот, считайте все!»* (Информант 7). Получается, что по мере накопления жизненного опыта владельца вещи, подтверждающие его общественные заслуги, могут утрачивать актуальность для него самого, но приобретать все большую значимость для семьи. После смерти человека такие вещи имеют шанс перейти в разряд семейных реликвий. Очень многие информанты причисляют грамоты, дипломы и особенно медали бабушек и дедушек, родителей к семейным реликвиям.

Тип IV. Вещь как память об этнической, религиозной, национальной принадлежности

Среди хранящихся в семье вещей можно выделить такие, которые служат подтверждением принадлежности членов семьи (индивида) к определенной культуре, религии, национальной и этнической общности (см. Приложение, Рисунок 13–20). В частности, опознавательными знаками православно-религиозной идентификации служат нательные кресты, иконы и т.п.

В советское время многие занимались собиранием различных вещей, которые символизировали достижения страны. Например, после олимпиады 1980 года практиковалось коллекционирование предметов с характерной для данного события символикой («Олимпийских мишек» или предметов посуды, одежды и прочего с его изображением). Как правило, такие вещи располагались на видном месте, чтобы гости могли их видеть. Их собирание и демонстрация связаны с национальной самоидентификацией.

В семьях могут возникать конфликты, причина которых – несовпадение социальной и культурной самоидентификации членов малой группы и, как следствие, борьба за оформление общего пространства и за «правомерность» использования тех или иных предметов. Однако в материале наших интервью такие ситуации не были выявлены. По нашему мнению и наблюдениям, в домашнем пространстве предметы, которые являются культурными идентификаторами, скорее «примиряются» друг с другом, чем «конфликтуют». В большинстве случаев предметная жилая среда семьи в этом отношении характеризуется эклектикой.

Тип V. Вещь как память о территориальной, локальной принадлежности

Памятные вещи данного типа служат напоминанием о различных местах. Это может быть реликвия, доставленная с родины предков, сувенир, привезенный из поездки, или просто вещь из старой квартиры. Основная функция таких вещей – связывать индивида и семью с некой системой пространственных координат, напоминать о местах, где они бывали, где жили предки, родственники (см. Приложение, Рисунок 21–23).

Самая распространенная разновидность вещей данного типа – сувениры. Фактически все опрошенные информанты стараются привезти с собой из каждой поездки какую-либо памятную вещь, сувенир на память о совершенном путешествии. Сувенир объединяет все воспоминания о конкретном месте в материальный предмет²²⁵. Среди различных сувениров большой популярностью пользуются магниты с изображением посещенной местности: *«Обязательно стараюсь, обязательно что-то привести, чтобы символизировало местность. <...>. У меня дома лежат ракушки с моря, всякие черепашки, что еще? Из Питера всякие эти магнитики. А магнитики, как сейчас принято, все привозят, у всех на холодильниках висят»* (Информант 8).

Вещи умершего родственника могут ассоциироваться с местом, где он когда-то жил или любил бывать: *«Многие вещи, находящиеся у меня в квартире,*

²²⁵ Докучаев Д.С. Fridge magnets, или Глобус имеет форму холодильника... // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 4. С 104.

раньше занимали свое место в квартире мамы, они остались мне после ее смерти. Это и ковер, и занавески, и посуда. <...>. Они для меня являются своеобразным воспоминанием о маме, о тех временах, когда я видела все это у нее дома, когда приезжала в гости» (Информант 9). Таким образом, при контакте с вещами близкого человека в памяти опосредованно воссоздаются место и время.

Как показало исследование, «памятные вещи», независимо от их типа, могут перейти в разряд семейных реликвий. Любая вещь, которая помимо утилитарных функций имеет символическую, «выделяется» из повседневных вещей и, как следствие, получает возможность обрести высокий семиотический и семейный статус. Так или иначе, памятные вещи способствуют сохранению и передаче семейного знания, конструированию общей и индивидуальных биографий, поддержанию семейно-родственного единства, а в ряде случаев – локальной и этнической идентичности.

Таким образом, в каждой семье помимо бытовых (утилитарных) вещей и реликвий есть также предметы, которые нельзя отнести ни к первым, ни ко вторым. Между двумя условными полюсами не столько шкала, сколько пространство значений. Определенное место в нем могут занимать такие вещи, которые имеют ценность только для отдельного члена семьи (например, индивидуальная коллекция, сувениры, безделушки). Часто в эту сферу включаются вещи, которые связаны с кем-то из близких родственников, но в силу тех или иных причин не считаются семейными реликвиями. Отношение к таким вещам не менее «трепетное». Ими могут стать любые любимые вещи семьи и ее отдельных представителей. Именно они чаще всего с течением времени становятся семейными реликвиями (см. Приложение, Рисунок 24–27). Статус таких вещей в семье не закреплен. По символической значимости они находятся где-то посередине пути от вещей с чисто утилитарным назначением до вещей с высоким статусом. Очевидно, что граница между утилитарными и символическими значениями вещи не может быть абсолютной, как не является односторонним процесс семиотизации вещи в пределах группы. Отношение к вещи, ее смыслы варьируются у индивидов, представителей поколений,

гендерных и семейных статусов. Для разных членов семьи одна и та же вещь имеет разные значения. В доме одной из наших информантов использовались табуретки, которые ее отец сделал своими руками. Они воспринимались ею исключительно как память об умершем отце, в то время как для остальных членов семьи имели только практическое назначение: *«Эти табуретки мой отец привез из тюрьмы. <...>. Он сам их делал. Может быть, ему кто-то помогал, я точно не скажу. На них такие интересные узоры. <...>. Он мне их на свадьбу подарил. <...>. Им уже, наверное, тридцать лет. Они уже не смотрятся совсем в интерьере. Но выбросить я их не могу, все-таки память от отца»* (Информант 2). Одна и та же вещь в пределах семьи может по-разному не только означиваться, но и восприниматься. Если одним членам семьи может очень нравиться определенная вещь, то других она может раздражать. Основаниями оценочных различий служат полезность / бесполезность, красота / уродство, современность / старомодность и многое другое.

Итак, каждая вещь в жилище и семье наделяется дополнительными смыслами. Она может быть *престижной* и *непрестижной*, *модной* и *старомодной*, *купленной*, *найденной* или *полученной по наследству*, *крайне необходимой* и *излишней*, *функциональной* и *мемориальной* и т.д. Это может быть *предмет-подарок*, который несет эмоциональную нагрузку. Вещи в доме могут иметь исключительно практическое назначение в качестве *утвари*, *мебели*, но в любом случае они размещены именно так, как предпочли их расположить хозяин дома и члены семьи. *«В обжитом и уютном жилище все вещи – на своих местах, они составляют порядок, удобный и любезный сердцу владельца. Любимые вещи стоят на виду, безделушки – на полочках, а вещи практические – там, где им сподручнее. Они – в центре жизни»²²⁶*. Следует признать первостепенную значимость субъективных факторов (мотивов, установок, ценностей), в соответствии с которыми организуется материальная среда семейного жилища.

---

²²⁶Утехин И. Любимые вещи // Неприкосновенный запас, 2004. №1. [Электронный ресурс].URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/uteh15-pr.html> (дата обращения: 1.11. 2015).

§ 2.3. Расположение, перемещение и пересемантизация вещей в пространстве современного жилища

Первостепенный интерес для нас представляет процесс перемещения вещей в пространстве дома и изменение их семиотического статуса в зависимости от смены местоположения в пространстве.

Вещный мир семьи имеет сложную и неоднородную структуру. Неоднородность заключается в том, что вещи, включенные в пространственно-предметный мир дома и семьи, различаются по своим свойствам и функциям. Кроме внешних, изначально заданных характеристик, предметная среда, в которой существует семья, подвергается упорядочиванию в соответствии с культурными нормами и предпочтениями. В этой организации заложен субъективный смысл, который ее и поддерживает. Предметы быта и обихода остаются просто вещами до тех пор, пока их не приобрели конкретные люди. «Внутренняя планировка дома и в особенности его внутреннее убранство отражает не только степень экономического благосостояния семьи, но и ее культурный уровень и даже в какой-то степени взаимоотношения членов семьи»²²⁷.

В пространстве дома вещь проходит биографический путь – от появления до исчезновения. Длительность пути зависит от назначения и значения вещи (важности, полезности). Вещь одновременно имеет функцию и обладает смыслом. Функция отражает внешнее проявление свойств вещи, а смысл – внутреннее содержание. Вещи вживаются в пространство жилища, где они обретают определенные значения и смыслы.

Вещь в доме может появиться различными путями: ее можно сделать самому, купить, получить в подарок и т.п. В процессе жизненного пути она может выполнять одну или несколько функций, а также менять их с течением времени или со сменой хозяина. Вещи появляются в семье, начинают использоваться в пространстве жилища, и в процессе использования они приобретают различные

---

²²⁷Вишняускайте А.И. Семейный быт литовских колхозников // Семья и семейный быт колхозников Прибалтики. Изд-во АН СССР, М.1962. С. 10.

значения и характеристики. Даже самая обыкновенная вещь повседневного применения со временем наделяется дополнительными смыслами и атрибутами – «человек адаптирует вещную среду своего быта к своим потребностям»²²⁸. Чашка, которая вначале является только посудой для питья, с течением времени может стать чьей-то любимой чашкой, а потом превратиться в «место памяти».

Функция вещей может быть на некоторое время приостановлена. В квартирах современных горожан все имеющиеся предметы быта можно разделить на две основные категории. К первой категории относятся вещи, которые непосредственно используются в быту, ко второй – те, которые просто хранят. Места хранения вещей в квартире могут быть самыми разными. Это и укромное место, где предмет можно спрятать от посторонних глаз – антресоли, кладовки, лоджии и т.п., и, напротив, «видное», почетное место, где вещи одновременно хранятся и располагаются с целью демонстрации.

В городах Кольского Заполярья проживают, в частности, этнические мигранты, которым пришлось адаптироваться к непривычным культурным и климатическим условиям и значительно изменить образ жизни, в том числе предметную среду, бытовые привычки, одежду. Представители данной группы горожан были включены в объект нашего исследования. В домах этнических мигрантов присутствуют национальные предметы интерьера, утварь, одежда. Однако чаще всего они не используются по своему прямому назначению, а просто хранятся как память о родине и свидетельство этнической принадлежности. Например, переселенец из Таджикистана сообщил, что у них есть дома тюбетейки, предметы-атрибуты вероисповедального характера, но они никак не используются. На вопрос, зачем эти вещи хранятся, он ответил: *«Память! Буду детям внукам показывать. Пусть знают, что у них отец мусульманин»* (Информант 10).

В первой главе отмечалось, что стабильность предметной среды стационарного жилища достаточно условна. Все вещи, функционирующие в пределах жилища, являются «движимыми» и, соответственно, могут менять место

---

²²⁸Травин И.И. Материально-вещная среда и социалистический образ жизни. Ленинград, «Наука», 1979. С.5.

и назначение. При этом частота их передвижения зависит от степени громоздкости. В каждом доме существуют условно «недвижимые» вещи, которые являются крупногабаритными, в связи с чем их перемещение вызывает большие сложности: *«Этот шкаф я не соглашусь передвигать ни в коем случае. <...>. Я до сих пор ругаю родителей, вот зачем было покупать такой массивный шкаф»* (Информант 11).

Как правило, в современных жилых помещениях крупногабаритная мебель досталась их нынешним хозяевам в наследство от родителей, бабушек и дедушек. Современной мебели свойственна компактность и подвижность. Семьи, которые часто переезжают, стараются приобретать именно такие вещи. Во второй половине XX века отмечается «тенденция развития современного жилища – трансформация самой мебели, приспособление ее к растущим потребностям людей при общих сравнительно небольших габаритах квартир. За последние годы получили массовое распространение малогабаритные, раздвижные и комбинированные формы мебели. Новые вещи, часто отвечающие нескольким назначениям, теснят старые. Например, кровать заменяется различного вида диванами, диван–кроватями, кресло–кроватями и т.п.»²²⁹. Если квартира маленькая, то в ней, как правило, пространство отличается максимальной функциональностью, используя и горизонтально (хранение вещей под столом, кроватью), и вертикально (различные полки, антресоли и т.п.) (см. Приложение, Рисунок 28–34). «Полезность вещи дана ее расположением (уместным, «правильным» или нет) – и только им»²³⁰, – справедливо замечает М.Р. Савченко.

Несмотря на то что в быту человек свободен в выборе и может сам формировать свое вещное окружение, сообразуясь с собственными вкусами, склонностями, привычками, существуют, помимо личных притязаний, и общие тенденции организации жилища, связанные с течением времени и

²²⁹ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., «Наука», 1977. С. 216.

²³⁰ Савченко М.Р. О вещественном пространстве // Человек, общение и жилая среда. Сборник науч. статей. Талин, ТГУ, 1986. С. 107.

происходящими социальными изменениями²³¹. Сравнительное описание традиционной и современной домашней обстановки представляется в виде оппозиций: статичность / подвижность, монофункциональность / многофункциональность, структурность / отсутствие структурности и др. Если в традиционном жилище вещам свойственна монофункциональность, несменяемость, и у каждого предмета, как правило, одно назначение (за исключением тех вещей, которые использовались также и в обрядах), то в современном жилище бытовая вещь полифункциональна и полисемантическая. Среди ее возможных функций – мемориальная, сакральная, престижная, социально-статусная, эстетическая. Это свойство современной вещи Ж. Бодрийяр обозначил как *«освобождение функции вещи»*²³². Оно привело к освобождению человека в качестве пользователя вещи, свободно распоряжающегося ее функциями, – *«человека расстановки»*²³³. Такой человек испытывает потребности не в вещах, но в пользовании ими. Другими словами, он реализует себя через расстановку и размещение вещей в жилом пространстве.

Степень стабильности материально-предметной среды жилища зависит от типа семьи и вещевого поведения членов семейно-родственной группы. В некоторых семьях (домохозяйствах) очень пристрастно относятся к сохранению определенного уклада вещей, и любая перестановка подобна революции. Принцип «недвижимости» может распространяться как на все жилище, так и на отдельные элементы его пространства или конкретные вещи: *«Самую маленькую комнату нашей квартиры муж забрал себе под кабинет. Я там даже не могу убраться, он сам там и пыль вытирает и моет <...>. Если там что-то не так сдвинуть или тронуть, то это все!»* (Информант 12); *«В нашей квартире есть вещи, которые всегда стоят на строго определенных для них местах. <...>. Сколько я себя помню, они всегда стояли именно там. При этом мы часто делаем дома перестановку, но эти вещи не трогаем»* (Информант 13). Как

²³¹ Дейхина Е. От ремонта к созданию интерьера: преобразование персонального жилого пространства в советской и постсоветской России // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 77.

²³² Бодрийяр Ж. Система вещей. Пер. с фр. С. Зенкина. М.: Домино, 1995. С. 22.

²³³ Там же, С. 32.

правило, такое вещевое поведение характерно в отношении мемориальных вещей, но не только: *«Бабушкина и дедушкина фотографии всегда стояла на самом видном месте – на стенке»* (Информант 14); *«Этот диван всегда стоял именно здесь, я думаю, лучшего места в нашей квартире для него не может быть»* (Информант 15).

Некоторые семьи и индивиды постоянно или периодически переструктурируют свое жизненное пространство: *«Мне очень нравится делать перестановку в своей комнате <...>. Я заметила, что когда все вещи разложишь по-другому, что-то передвинешь, то и в твоей жизни происходит что-то новое и интересное»* (Информант 4). Это пример того, что перемещение вещей в пространстве соотносится с изменением линии жизни.

Как отмечалось, местоположение вещей в пространстве жилища влияет на их значения. Стол, перемещенный из кухни в гостиную, меняет функцию. На кухне он выступал в роли обеденного и «обыденного» стола, а в кабинете или гостиной может стать столом для праздничной трапезы или письменным. Перемена функции сопутствует перемещению или является его причиной. Предметы могут перемещаться из-за смены или утраты своего первоначального назначения. Когда вещь устаревает или надоедает, ее отправляют в кладовку, на антресоли и т.п. *«Раньше этот монитор стоял в центре гостиной, так сказать, на почетном месте. <...>. Он уже устарел, мы купили новый, а этот отправили в кладовку»* (Информант 13).

Вещи перемещаются и меняют статус в связи со смертью члена семьи: *«Я помню, какое важное место занимал этот диван при жизни дедушки. <...>. Все кто приходил к нему в гости, обязательно сидели на нем. Вокруг этого дивана в буквальном смысле кипела жизнь. <...>. Теперь его задвинули в угол, и никто на него не обращает внимания. Мы даже немного побаиваемся его, если честно. <...> Просто не раз были случаи, что я и бабушка, посидев на нем, потом видели нехорошие сны или умершего дедушку»* (Информант 14). Вещь нередко ассоциирована с конкретным членом семьи, и ее функция может трансформироваться после смерти ее хозяина.

Предметный мир перестраивается, когда в доме появляется новый член семьи: в связи с рождением ребенка, созданием молодой семьи: *«Когда у нас родился ребенок все, конечно, поменялось. <...> Пришлось практически полностью менять интерьер нашей квартиры»* (Информант 16); *«Сначала я выделила мужу одну полочку в своем шкафу, потом количество его вещей в моей квартире быстро увеличивалось»* (Информант 17).

Для многих семей самым «страшным», но в тоже время необходимым для улучшения качества жизни событием и процессом является ремонт. Во время ремонта пространственно-предметная среда трансформируется или сразу и полностью – все вещи переносятся в отдельную комнату, или поэтапно и фрагментарно, когда ремонтируются отдельные жилые комнаты. *«После ремонта я очень долгое время не могла ничего найти. Это был просто кошмар!»* (Информант 18); *«Я хочу сделать ремонт, но в то же время я отчетливо понимаю, чем это грозит, и как только подумаю, сколько всего надо будет сдвинуть, во что-то завернуть, становится жутко»* (Информант 19).

Если та или иная вещь по каким-либо причинам утратила свое назначение (сломалась, или ее хозяин умер), то она может не только переместиться в пределах жилища, но и покинуть его. *«Вещь кончается тогда, когда у нее, как и у людей, уже нет больше историй»*²³⁴.

Способы хранения и избавления от вещей зависят от функциональной и смысловой нагрузки предметов. Как известно, в советской культуре потребления функциональные возможности вещи использовались максимально. Утрата первоначальной функции вещи не означает, что ее выбросят: «жизненный цикл» вещей обычно продлевается посредством починки, за счет вторичного использования в иной функции, а также благодаря длительной остановке в кладовой на пути на помойку²³⁵. В рассказах информантов часто упоминаются факты использования старых вещей в другой, вторичной функции. Представители старшего поколения, храня старую одежду, обосновывают это тем, что если она

²³⁴ XX век: Эпоха. Человек. Вещь. (От составителя). Составитель Соснина О. М.: «Новый индекс», 2001. С. 10.

²³⁵ Утехин И.В. Быт больших коммунальных квартир г. Ленинграда (Петербурга) в 1970–90-е гг: стереотипы повседневного поведения: автореферат дисс. ... к.и.н.: 07.00.07. М., 2001. С.16.

не пригодится в будущем, то хотя бы пойдет «на тряпки». Такая практика была выработана в советский период: «...до недавнего времени специальные приспособления для уборки – тряпки – в продаже отсутствовали. Предполагалось, что эту функцию должна исполнять вышедшая из обихода одежда»²³⁶. Заметим, что относить данную практику к прошлому явно преждевременно: «У меня мама все собирает. Даже что-то еще осталось от бабушки. И она все никак не может выбросить – “Ну, это, может быть, это на тряпки, там еще что, может быть, для уборки, или еще чего-то”. – Ну, какие-то вещи она все-таки, скрепя сердцем, выбросила. И сейчас у нее есть некоторые вещи, которые она не использует, допустим, или не носит» (Информант 20).

Таким образом, в процессе перемещения вещей в пространстве дома может меняться их статус. В свою очередь, смена статуса вещи приводит к перестановке вещей в пространстве жилой среды. Перемещение и пересемантизация вещей – взаимосвязанные процессы. Тем более значительной трансформации подвергается предметный мир семьи в связи с переездом на новое место жительства. Данный аспект будет рассмотрен нами в следующих главах.

---

²³⁶Рахманкулова Д.Р. Бытование вещей в хозяйственной культуре человека. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jourclub.ru/22/1469/1/> (дата обращения: 23.04.2014).

ГЛАВА 3. ПЕРЕЕЗД И ВЕЩИ: ВЕЩЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

§ 3.1. Миграционные процессы на Кольском Севере и категории переселенцев

На территории Кольского Севера в XX веке происходили интенсивные миграционные процессы, связанные с освоением полуострова в процессе индустриализации. В настоящее время абсолютное большинство населения составляют мигранты в первом–третьем поколениях (сами переселенцы, их дети и внуки). Можно выделить две основные группы мигрантов, в зависимости от обстоятельств переезда: 1) переехавшие добровольно (по комсомольской путевке, для воссоединения с родственниками, по экономическим мотивам и т.п.) и 2) вынужденные переселенцы (спецпереселенцы, мигранты из стран бывшего СССР). Поскольку временные рамки полученного нами миграционного текста варьируются от 1930-х годов до настоящего времени, то среди информантов были переселенцы разных исторических периодов, поколений и категорий, в связи с чем выстраивались многообразные сюжеты переездов.

Для сбора эмпирического материала использовался метод «снежного кома». Специальный отбор не проводился, чем объясняется разброс в количестве информантов среди представителей разных групп переселенцев. По понятным причинам меньше всего среди информантов была представлена группа спецпереселенцев. Многих уже нет в живых, а родственники не всегда хотят разговаривать на эту тему. В подобном случае сюжеты переселения и бытовой адаптации на Севере воспроизводились по имеющимся архивным и опубликованным источникам. Во всех случаях не ставилась цель проведения глубокого анализа материально-бытовых проблем той или иной категории переселенцев. Мы лишь постарались на основе полученного материала воспроизвести сюжеты перемещения вещей при переездах различного типа. И типы переездов, и варианты вещевого поведения переселенцев напрямую зависят от историко-культурных и социальных процессов, происходивших и

происходящих в данном регионе.

До 1930-х годов численность населения Кольского Севера увеличивалась крайне медленно. В результате экстремальной урбанизации, когда наблюдался значительный прирост числа жителей (до 28,6 тысяч человек в год²³⁷), произошли радикальные структурные изменения в составе населения: доля городских жителей в течение 1930-х годов возросла до 84%²³⁸. В центральных районах полуострова (в Хибинских и Ловозерских тундрах, в Мончетундре) были открыты месторождения полезных ископаемых, сформировались новые отрасли промышленности, были построены предприятия: комбинаты «Апатит», «Североникель», Нивская ГЭС и мн. др. Это позволило привлечь значительные трудовые ресурсы на малообжитый и считавшийся малопригодным для жизни Крайний Север. Вокруг промышленных предприятий возникали рабочие поселки и города. Так были построены рудник и первая обогатительная фабрика по производству апатитового концентрата, на базе которых в дальнейшем возникли города Кировск и Апатиты. Кировск, бывший поселок Хибиногорск, получил статус города в 1934 году, Апатиты – в 1966 году (до этого существовала лишь железнодорожная станция с первоначальным названием «разъезд Белый») (см. Приложение, Рисунок 35–37). Кировск – «город, с которого фактически началась промышленная урбанизация Кольского полуострова в его центральной и юго-западной части»²³⁹.

Основным способом привлечения массовой рабочей силы на Крайний Север следует признать принудительную отправку заключенных и раскулаченных крестьян из разных районов страны. В довоенный период люди заселяли эту территорию большей частью не по своей воле, а в силу внешних обстоятельств (прежде всего спецпереселений). Основной вектор внутренней миграции был направлен из южной и центральной России на север. В 1930-е годы на Кольский

---

²³⁷Бойков В.Э. Кольский край: Цифры и факты. Мурманск: Кн. изд-во, 1983. С. 28.

²³⁸Федоров П.В. Культурные ландшафты Кольского Севера в условиях урбанизации (1931–1991 годы) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 3. С.20.

²³⁹Разумова И.А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. Социально-антропологические очерки. Санкт-Петербург: «ГАМАС», 2009. С.11.

полуостров было выслано не менее 45 тысяч спецпереселенцев. К сожалению, установить точное количество спецпереселенцев, прибывших в Мурманский округ, из-за отсутствия архивных материалов не представляется возможным²⁴⁰. По данным ведущего специалиста в изучении этой категории населения Мурманской области В.Я. Шашкова, переселения проходили в несколько этапов: «Первые спецпереселенцы прибыли в Хибинскую тундру 14 марта 1930 г. и были направлены на строительство горно-химического комбината и города (918 человек). К декабрю 1930 года в округ прибыло уже более 11 тысяч спецпереселенцев. За 1931 г. в Мурманский округ прибыло наиболее рекордное количество спецпереселенцев — примерно около 15 тысяч человек. <...>. В последующие два года поступление спецпереселенцев в Мурманский округ резко сокращается. Это вполне естественно, так как основная масса “кулацких семей” была подвергнута раскулачиванию и выселена в 1930–1931 гг.»²⁴¹.

Материально-бытовым сторонам жизни спецпереселенцев посвящено пока мало исследований. Особый интерес в этой связи представляют работы О.Е. Куруч²⁴², сотрудника Историко-краеведческого музея с мемориалом С.М. Кирова г. Кировска, которые детально отражают повседневность особой категории жителей строящегося города. Фрагментарные сведения встречаются также в работах ведущих специалистов по изучению спецпереселенцев Мурманской области: А.А. Киселева²⁴³, В.Я. Шашкова²⁴⁴. Основным источником информации для нашего исследования послужили мемуары самих вынужденных

²⁴⁰Шашков В.Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: к 65-летию Мурманской области. Мурманский государственный педагогический университет. Мурманск: Издательство «Максимум», 2004. С. 110.

²⁴¹Там же, С. 108–109.

²⁴²Куруч О.Е. Быт и повседневная жизнь первых строителей г. Хибинского (1930–1932 гг.) // Хибинский музей. Память сердца. Апатиты: ООО «Апатит-Мелиа», 2012. С. 52–59; Куруч О.Е. Санитарно-бытовые условия жизни строителей г. Хибинского в 1930–1931 гг. По фондовым материалам Историко-краеведческого музея с мемориалом С.М. Кирова // VI Ушаковские чтения: Сборник научных статей / Отв. ред. А.В. Воронин. Мурманск: МГПУ, 2010. С. 231–234.

²⁴³Киселев А.А. Гулаг на Мурмане: репрессии 30–50-х годов XX века на Кольском полуострове: очерки. Мурманск, 2008. 198 с.

²⁴⁴Шашков В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край. 1930–1933 гг. // Отечественная история. 1996. №1. С. 150–154; Шашков В.Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск: МГПИ, 2000. 343 с.; Шашков В.Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: к 65-летию Мурманской области. Мурманский государственный педагогический университет. Мурманск: Издательство «Максимум», 2004. 320 с.; Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане: Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.) / М-во образования РФ, МГПИ; Рецензент Н.А. Ивницкий (Ин-т ист. РАН). Мурманск: МГПИ, 1993. 139 с.

переселенцев²⁴⁵. Публикацией воспоминаний, интервью, документов активно занимается Хибинское общество «Мемориал»²⁴⁶. Кроме того, мы обратились к биографическому опыту представителей раскулаченных семей. Среди информантов было 6 представителей семей данной категории из городов Апатиты, Кировск, Снежногорск. Возраст информантов от 1939 г.р. до 1987 г.р.

Довоенный уровень численности населения в Мурманской области (318 тысяч человек) был достигнут в 1951 году, во многом благодаря тому, что были восстановлены северные льготы, и это увеличило приток людей, желающих повысить свой заработок²⁴⁷. В 1950–1970-е годы численность населения Кольского полуострова возрастала большими темпами, число жителей ежегодно увеличивалось в среднем на 24 тысячи человек. Демографическое развитие соответствовало развитию производительных сил края. На строительство новых промышленных объектов приезжало много добровольцев²⁴⁸. Среди них были представители разных социальных групп – рабочие, служащие, интеллигенция. В 1960-е годы вблизи железнодорожной станции Апатиты началось строительство Академгородка Кольского филиала Академии наук (КФАН). Это способствовало тому, что по распределению сюда приезжали специалисты различного научного профиля (как молодые, так и известные ученые). Таким образом, значительная часть населения этих городов – работники предприятия «Апатит», ученые, геологи. Интеллигенция прибывала в основном из Ленинграда и Москвы, в то время как представительство рабочих специальностей пополнялось выходцами из сельской местности. Послевоенное время вплоть до конца 1980-х годов – период добровольной миграции. «Способы и формы привлечения населения в область многообразны: мобилизация, общественные призывы, вербовка, индивидуальные приглашения, привлечение прибывших по собственной инициативе, путем

---

²⁴⁵Тарараксин С. Судеб сгоревших очертанье. Мурманск, Открытое акционерное общество «Мурманское издательско-полиграфическое предприятие «Север», 2006. 148 с.; Тимофеев В.Г. История одной семьи: Повесть. Апатиты ООО «Апатит-Медиа», 2004. 170 с.

²⁴⁶Спецпереселенцы в Хибинах: Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (Кн. воспоминаний). Хибинское общество «Мемориал». Апатиты, 1998. 228 с.

²⁴⁷Федоров П.В. Мурманская область в послевоенном СССР: 1945–1990 / Под ред.М.И. Сухарева. Мурманск, 1997. С.5.

²⁴⁸Бойков В.Э. Кольский край: Цифры и факты. Мурманск: Кн. изд-во, 1983. С.29–30.

экономического, идеологического, профессионального стимулирования и т.п.»²⁴⁹. В этот период советская власть использовала разные способы привлечения людей на строительство новых промышленных городов в неблагоприятных арктических условиях. Среди доминирующих экономических мотивов можно выделить возможность получения жилья и высокую заработную плату. Как верно заметил М.Г. Меерович, «жилище играло неизменную роль кнута и пряника в организационно-управленческой стратегии власти. Власть миловала и наказывала жилищем. За счет жилища направляла миграционные потоки в нужную ей сторону и, наоборот, останавливала там, где это ей было необходимо»²⁵⁰. Таким образом, в послевоенное время и вплоть до конца 1980-х годов люди заселяли Кольский Север преимущественно по собственной воле. Даже если специалист направлялся «по распределению», или выбор делался в силу бытовых, семейных, экономических обстоятельств, это предполагало известную свободу. Одни искали здесь «романтику», другие ехали за «длинным рублем», третьи переезжали вслед за родственниками и т.п. В этой связи мы обозначили данную категорию переселенцев как «добровольные». Информацию об их быте, особенностях обустройства на Севере, мы получали не только от самих переселенцев, но и от членов их семьи. Даже если сам информант родился уже на Кольском полуострове, в его памяти актуальны воспоминания о переезде на Север его родителей или прародителей. Основными информантами по данной группе переселенцев выступили 41 человек из городов Апатиты, Кировск, Мончегорск. Возраст: от 1931 г.р. до 1992 г.р.

После распада СССР на первое место среди причин переезда на Север выходят дешевое жилье и возможность получения детьми высшего образования. Этим мотивированы в основном этнические мигранты, переезжающие всей семьей, а также молодежь. Среди информантов было 12 представителей семей – те, кто сам или члены их семей (родители, родственники) прибыли из стран

---

²⁴⁹Змеева О.В. «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН. 2011. С.18.

²⁵⁰Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. С.7.

бывшего СССР (Таджикистана, Узбекистана, Грузии, Абхазии, Казахстана, Киргизии, Украины). Возраст информантов – от 1931 г.р. до 1988 г.р. Время выезда – от 1992 до 2003 годов. Одни мигранты переехали на Кольский Север фактически сразу после распада Советского Союза в связи с разгоревшимися межэтническими конфликтами, другие переезжали уже в 2000-х годах в связи со сложным экономическим положением в странах бывшего СССР (безработица, голод и т.п.). Следует отметить, что страна выезда не является фактором определения этнической принадлежности. В советское время люди разных «национальностей» переезжали жить и работать во все уголки Советского Союза и, таким образом, на Украине оказалось много русских, в Абхазии – грузин, в Грузии – абхазцев и т.п. Несмотря на переезд в другие республики, они ощущали себя гражданами одной большой и дружной страны. Переезжавшие легко адаптировались к местной культуре, создавали семьи и чувствовали себя как дома. Переезд в Россию после распада СССР в этом плане сильно отличался. Даже возвращавшиеся русские, которые уехали в советское время в страны бывшего СССР, чувствовали себя «беженцами», «чужими» в России, не говоря уже о представителях других этнических групп.

Население области в целом характеризуется высокой мобильностью. Обычным является территориальное разъединение семей, которое может по-разному осуществляться и осмысливаться членами группы: как временное или окончательное. Среди информантов было 35 человек, имеющих опыт переезда в пределах области или одного города с целью трудоустройства и получения образования, а также для улучшения жилищных условий. Возраст информантов этой категории варьируется от 1934 г.р. до 1992 г.р. (жители Апатитов, Кировска, Мончегорска).

Различным аспектам миграционных процессов на Кольском полуострове посвящены работы А.А. Киселева²⁵¹, В.В. Доброва²⁵², С.С. Гудковой, В.П.

---

²⁵¹Киселев А.А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск, МГПУ, 2009. 145 с.; Киселев А.А. Родное Заполярье. Очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.). Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1974. 512 с.

²⁵²Добров В.В. Население Кольского Севера. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1967. 72 с.

Тоичкиной²⁵³, Е.И. Михайлова²⁵⁴ и многих других авторов. Среди исследований современных проблем миграции изучаемого региона выделим работы И.А. Разумовой²⁵⁵, Н.Н. Измоденовой²⁵⁶, О.В. Змеевой²⁵⁷. Авторы пытаются определить мотивы, по которым люди оставляли родные места и переезжали на Север. Обобщая выводы исследователей, можно констатировать следующие основные объективные причины и субъективные мотивы переезда: 1) практика спецпереселений; 2) практика государственных «распределений» и направлений на работу; 3) высокие заработки; 4) северные социальные льготы; 5) возможность получения жилья; 6) «романтика Севера»; 7) семейные обстоятельства. Решения принимались индивидуально или на семейном уровне, но стимулировало переезд на Север государство продуманной и ясной политикой, которая включала в себя различные экономические преференции (стаж, более ранний выход на пенсию и ее размер, возможность построить кооперативную квартиру в центральных или южных регионах СССР, размер заработной платы, полярные надбавки, северные коэффициенты, обеспеченность квартирой или общежитием во время работы, продолжительность отпуска, снабжение товарами народного потребления и т.д.). О.В. Змеева указывает следующие причины переезда на Север этнических мигрантов: 1) экономические (возможность заработка, отсутствие конкуренции); 2) политические (нестабильная политическая обстановка); 3) военные (война на родине, насилие, произвол); 4) социально-психологические (бесконфликтность

²⁵³Гудкова С.С., Тоичкина В.П. Формирование населения Мурманской области // Проблемы экономического и социального развития Мурманской области. Апатиты, 1981. С. 112–115.

²⁵⁴Михайлов Е.И. Миграционные процессы в истории формирования населения Европейского Севера России в XX веке: диссертация на соиск. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Мурманск, 2004. 222 с.

²⁵⁵Разумова И.А. «Север» категория времени // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Сб. статей / Под ред. В.П. Петрова, И.А. Разумовой. Апатиты: Издательство КНЦ РАН, 2006. С. 5–14; Разумова И.А. Северный «миграционный текст» постсоветской России // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты, 2004. С. 5–21.

²⁵⁶Измоденова Н.Н. Стратегии миграционного поведения населения Мурманской области // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации / Под ред. В.П. Петрова, И.А. Разумовой. Апатиты, 2008. С. 60–68.

²⁵⁷Змеева О.В. Кавказцы на Кольском Севере: к проблеме трансформации этнической идентичности // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде: Сб. статей / Ред. П.В. Федоров, Ю.П. Бардилова, Е.И. Михайлов. Мурманск: МПУ, 2005. С. 50–54; Змеева О.В. «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН. 2011. 95 с.

территории прибытия); 5) семейно-родственные (наличие родственников на Севере, их инициатива в переселении)²⁵⁸.

Все названные причины были отмечены и нашими информантами: *«Были молодые романтики. Папа был физиком-инженером. Когда составила молодая семья, и родился первый ребенок в Петрозаводске - это я, папа работал в Карельском, как он тогда назывался, филиале Академии Наук. <...> А здесь тоже был молодой филиал Академии Наук, и он набирал сотрудников, приглашал сотрудников. И вот отец решил перевестись»* (Информант 21); *«Ну, мама поссорилась со своей мамой и они (родители – <О.С.>) решили поехать. Им друзья предложили здесь работу. Сорвались и поехали, в никуда, можно сказать»* (Информант 1); *«Почему переехали? Значит, во-первых, здесь северные были надбавки. Была хорошая зарплата. И естественно была это, квартира. Значит, чтобы получить эту квартиру нужно было, ну, проработать, наверное, 10 лет»* (Информант 7); *«Так как там жить невозможно было, мы решили своих детей вывезти из Узбекистана в Россию, чтобы у них будущее было. <...>. Когда мы переезжали, там была карточная система. Мы с 5 утра стояли в очереди в магазинах, чтобы купить 200 грамм.... На месяц давали заварку, 200 грамм сахара на 5 человек, масла также по 200 грамм и 0,5 муки черного цвета! Вот так и жили! Поэтому мы и уехали оттуда»* (Информант 22); *«Начался абхазско-грузинский конфликт. Отец у меня грузин и, несмотря на то, что все жили в мире и в дружбе, вынужден был бежать, потому что соседей уже расстреляли всяких грузинских»* (Информант 23).

Во все периоды времени значимыми для переезда на новое место жительства являются семейные обстоятельства. Например, молодые люди решаются на переезд, поскольку здесь уже работает, учится или постоянно проживает жених или невеста: *«Родилась я вообще на самом деле в Карелии, но здесь я оказалась так, потому что как бы мама переехала сюда за папой. Так как папа был военнослужащим, его послали сюда на Север служить. Он служил на*

---

²⁵⁸Змеева О.В. «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН. 2011. С.52–53.

Высоком – это под Оленегорском. И вот мама за ним приехала сюда. И как бы вот наша семья здесь оказалась» (Информант 8).

Наличие родственников в том или ином городе (стране) всегда воспринимается как решающий фактор в пользу переезда. Даже если родственники до этого никогда не виделись и не общались, переезжающие все равно надеются, что, если на месте прибытия есть родственники, то они не останутся без поддержки. Переезд вслед за родственниками – одна из самых распространенных тактик переселения, особенно среди этнических мигрантов: *«А мы решились на переезд именно в Россию, потому что первые уехали жены родители. <...>. А в Мурманской области тоже был братишка, немножко торговал чем-то. И вот позвонил я ему, туда–сюда, он говорит: – «Приезжай сюда, здесь есть комбинат “Североникель”» – Как бы здесь дают зарплату, просто дают зарплату»* (Информант 24, страна выезда – Казахстан); *«Сюда давно приехал мой дядя, а после смерти отца мы приехали к дяде. Вот собственно, наверное, и вся причина»* (Информант 25, страна выезда – Киргизия). Успешная адаптация родственников служила мотивом для того, чтобы перебраться оставшимся членам семьи. Иногда предварительно отправляют «на разведку» одного или нескольких родственников, и если все сложилось благоприятно, то переезжает вся семья. Кроме всего прочего, решающим фактором в пользу выбора данного региона явилось достаточно дешевое жилье, более доступное по сравнению с центральной и южной Россией: *«От знакомых узнали, что на Севере есть судостроительный завод, там же можно без проблем получить квартиру, да подзаработать денег. Тем более был наглядный пример – многие знакомые уже туда перебрались. Дождавшись вызова с завода, папа отправился за “романтикой” на Север, а через полгода, обустроившись на новом месте, забрал маму с братиком»* (Информант 26).

Многие информанты, рассказывая о переезде на Север, подчеркивают, что они сами или их родители не собирались надолго здесь оставаться, а тем более переезжать навсегда, но обстоятельства сложились по-другому: *«Заработки! Денежку надо было заработать. Ну, как и все – хотели поработать,*

поработать и вернуться обратно. А тут кирдык кризис. Все деньги гаркнули и все, мы уже здесь остались. А я уже здесь родилась» (Информант 4). Социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Мурманской области в период «перестройки», заставляла одних людей здесь оставаться, так как не было материальной возможности переехать в другую область, других, напротив, возвращаться на родину или уезжать в другие регионы в поисках работы и лучших условий жизни.

Исследование показало, что большинство информантов относятся к переезду как к неприятному (кризисному) событию: *«Я очень боялась и не хотела уезжать со старой квартиры. Для меня этот переезд был настоящей трагедией»* (Информант 4); *«Как такового дома у меня нет. Третий год я снимаю квартиру, переезжая с места на место, что меня сильно угнетает. Каждый переезд для меня – это шок, поэтому я стараюсь задержаться на одной квартире как можно дальше. Но после летней сессии мне приходится это делать»* (Информант 27). Выражая свое отношение к переезду, информанты употребляют слова «трагедия», «шок», «болезненно», «угнетенность». Это связано с тем, что независимо от типа переезда (в пределах города или в другую страну), смена места жительства – всегда прерывание устоявшегося быта, образа жизни, привычной расстановки вещей. Нарушается течение повседневности, и человек чувствует себя некомфортно: *«Для меня переезд – это всегда просто катастрофа!»* (Информант 28); *«Самое сложное – это организовать процесс! Потому что приходится уже нанимать машину, каких-то грузчиков, быстро, аккуратно упаковывать и собирать вещи. Приходится некоторое время жить без них! Опять какое-то время проходит, пока ты найдешь им новое место»* (Информант 3).

Опыт переезда конкретных людей и семей в конкретных обстоятельствах позволяет осмыслить исторический опыт миграций в многообразии его форм. Предметно-материальная сторона переезда остается малоизученной. Какие вещи забирают с собой переселенцы, и чем они при этом руководствуются? Меняется ли отношение к вещам и обращение с ними в процессе переезда? Естественно

предположить, что на эту сторону миграционного поведения влияют не только исторические обстоятельства и экономический фактор, но и комплекс социокультурных причин. Кроме того, истории переезда помогают выявить значения вещей и их роль в процессе адаптации переселенцев в разные исторические периоды.

При систематизации материала, в соответствии с первоначальным условным разделением переселенцев на две основные группы, учитывались, прежде всего, причины и обстоятельства переезда (добровольный или принудительный характер). Естественно, что в экстремальных условиях выбор того, что можно взять с собой, крайне ограничен, если такая возможность вообще есть. Иначе обстоит дело, когда человек уезжает добровольно, и тут многое зависит от индивидуальных культурно-детерминированных предпочтений.

Ниже мы рассмотрим различные вариации вещевого поведения, которые нам удалось выделить в результате анализа собранного эмпирического материала среди переселенцев и различных источников.

§ 3.2. Подготовка к переезду: сбор вещей добровольными и вынужденными переселенцами

При подготовке к переезду на новое место жительства отъезжающие сталкиваются с определенными «испытаниями». Если суммировать, обозначается следующий ряд проблем: сбор вещей (что взять?), упаковка (как упаковать вещи и во что?), транспортировка (как перевезти, перенести вещи?), разборка и расстановка вещей на новом месте (создание нового интерьера). Кроме этих основных проблем в процессе переезда возникают самые разные сопутствующие сложности. У переселенцев разных категорий можно выявить особенности при подготовке к переезду.

§ 3.2.1. Добровольные мигранты

В отличие от тех, кого переселяли насильственно и лишили выбора того, что взять с собой, добровольные переселенцы ехали по собственному решению и с теми вещами, которые они хотели или представляли возможным забрать. В

данном случае интересны мотивы (причины), по которым одни переезжали с единственным чемоданом, а другие с несколькими контейнерами, а также мотивация выбора вещей.

Из воспоминаний, обнаруженных нами в архивах²⁵⁹, видно, что переселенцы 1930-х годов были озадачены вопросом сбора вещей в дорогу. Из автобиографии П. Козлова: «1930 года 14 мая я получил назначение из Ленинградского отделения треста “Апатит”, выехал в Хибинские горы. До этого я работал на Ленинградском металлическом заводе им. Сталина. <...>. Отправляли в неведомую мне полярную страну. Я спросил в тресте Ленинграда старого первого тов. Медведева чл. ВКПб что нужно взять с собой из вещей. Мне сразу посоветовали, если есть возьми полушубок и русские сапоги. Несмотря на то что в Ленинграде была сильная жара я конечно послушал доброго совета взял полушубок и сапоги, хотя он предупредил что там все есть, но я думал пока что, а если есть возьму»²⁶⁰. Из автобиографии В. Фиалковой: «Я из Торбинского района. Приехали в Ленинград и нас направили в Хибиногорск. <...>. Надо сказать прямо, что я впервые выехала из домашней семьи и мне было 18 лет, мне как-то стало жутко. Но все же решила вперед посмотреть, а если не понравится, то вернуться. <...> И вот на четвертый день приехала в ст. Апатиты (бывший разъезд Белый). Совершенно новый рубленый дом еще не закончен совсем и рядом ларек, где я увидела мандарины, а время было начало марта месяца. Тут я сразу поняла, что не так уж плохо, раз здесь есть фрукты, а мы их и в глаза не видели <...> вещей у меня было мало один чемодан»²⁶¹.

Для процесса массового заселения Кольского Севера характерно, что среди приезжающих были в основном молодые люди или молодожены. Как правило, они отрывались от семьи и ехали с целью улучшить материальное положение (получить квартиру, высокую зарплату). В советские годы не была распространена практика съема жилья, многим молодым людям и семьям приходилось жить вместе с родителями, родственниками либо в общежитии. По

---

²⁵⁹Пунктуация и орфография оригиналов сохранены

²⁶⁰ГОКУ ГАМО Ф.194. Оп.1. Д.15. Л.39

²⁶¹ГОКУ ГАМО Ф.194. Оп.1. Д.36. Л.6.

этой причине они не успели до переезда «обрасти» вещами, мебелью, так что большей частью переезжали «налегке», фактически без вещей. Многие информанты, рассказывая о переезде, отмечают, что «вещей практически не брали», «приехали с одним чемоданом», «начинали быт с нуля», независимо от социального статуса и материального положения: *«Мама говорила, что начинали с одной вилки, с одной ложки. То есть сами все зарабатывали, хотя их семьи были приличными и тоже с весьма высоким статусом»* (Информант 21). В результате многие создавали семьи и оставались на постоянное жительство.

Тем, кто приезжал вслед за родственниками, в бытовом плане было проще, так как родственники уже успели обжиться: *«Вот подушку взяла, и такое самое необходимое и поехала. Подушку взяла и свое, что переодеть. У меня тут сестра была. Я приехала на все готовенькое!»* (Информант 29).

Переезжали не только к родным, но и вслед за односельчанами. Вначале перебиралась одна семья. Обосновавшись новопоселенцы сообщали на родину о местном благополучии, и за ними следовали работоспособные жители деревень. Позже они перевозили к себе престарелых родственников. Таким образом, переезжали «практически всем селом», как утверждают многие информанты: *«Вся наша деревня потом сюда переехала. Раньше как было, один приехал, разведку сделал, а следом все остальные. Практически все наши сюда перебрались»* (Информант 30); *«Кто-то из знакомых ее (мать – <О.С.>) позвал, кто-то здесь уже был, с деревни уже убежали сюда, и вот таким же вот образом ее переманили. <...>. Они, знаете, так и переезжают: один приехал – позвал второго. Так все село и перебралось»* (Информант 31).

Одной из тактик добровольного миграционного движения на Крайний Север была установка на неокончательный переезд с последующим возвращением на родину, так называемый «пробный заезд». Такая установка сказывалась на минимизации перевозимого багажа. Вначале приезжали, осматривались, принимали окончательное решение. Из вещей брали только самое необходимое, поскольку знали, что в любой момент можно поехать и забрать остальные вещи, например, из родительского дома. Распространенная разновидность данного

случая – предварительный приезд к родственникам, переехавшим ранее. Если была возможность рассчитывать на родственную помощь, выбор вещей основного «багажа» становился более рациональным. Некоторые предметы отъезжающие забирали из семьи не потому, что ощущали в них прямую необходимость, а исключительно в силу боязни, что в их отсутствие родители могут выкинуть или испортить вещь, которая представляет особую ценность для индивида, но не воспринимается таковой остальными членами семьи.

При всех особенностях подготовки к переезду в каждом отдельном случае, тем не менее, выявляются общие закономерности, связанные со сбором вещей в семьях переселенцев.

В каждой семье, которой приходится сталкиваться со сменой места жительства, практически всегда есть *ответственное за переезд лицо*. Как правило, это член семьи, который либо имел опыт переезда, либо, по собственному мнению или мнению других родственников, знает, как правильно организовать данный процесс. Чаще всего это старшая женщина в семье (бабушка, мама, тетя). В некоторых случаях ответственных за переезд может быть двое, обычно это муж и жена. При этом считается, что женщины более ответственно подходят к данному вопросу и, по мнению мужчин, *«у них это лучше получается»*. Можно говорить о том, что в процессе подготовки к переезду в семье происходит неформальное распределение ролей, которое особенно хорошо прослеживается на стадии транспортировки и сбора багажа, когда у каждого члена семьи определяется своя роль. Обычно женщины в семье отвечают за отбор нужных вещей и правильную упаковку. В случаях, когда упаковка требует значительных физических усилий, женщины, как правило, инструктируют и контролируют соответствующие действия мужчин. Мужчины помогают переносить вещи (разгружать, загружать), дети могут охранять багаж и выполнять разные мелкие поручения (например, принести из магазина коробки для упаковки вещей). Конечно, распределение ролей в разных семьях варьируется: *«Мы активно с братом таскали вещи. Понятно, что маленькие такие, небольшие, посильные. Собрать коробки – это мама делала без нас,*

насколько я помню, но вот таскали мы очень даже» (Информант 3).

В процессе сбора багажа семьи и индивиды попадают в ситуацию выбора. Если вывозится не все, возникает проблема, как распорядиться оставшимися вещами – ненужными или теми, которые не представляется возможным перевезти: *«Я все-таки морально готовилась к переезду, я понимала, что мы рано или поздно купим эту квартиру, поэтому я заранее избавилась от лишних вещей. Поэтому там выкидывать почти ничего не пришлось, ну может быть, что-то из кухонной утвари, там, например, мастерки для ремонта, мы решили, что можем позволить себе за двадцать рублей купить новые, когда они понадобятся, вот. Мелочевку выбрасывали» (Информант 3).*

На сбор вещей влияет возраст переезжающих. Представители молодежи, как правило, почти ничего с собой не берут, кроме техники и лично значимых вещей. Молодежь, по собственным и сторонним оценкам, *«стремится к минимализму», «легко расстается с вещами», «ориентируется на моду», «не держится за вещи».* Люди старшего поколения (особенно пожилые люди) стараются забрать с собой как можно больше, а по возможности все нажитое. Исследование показало, что абсолютное большинство переселенцев, независимо от возраста и индивидуального отношения к вещам, стремились сохранить при себе предметы, которые относили к семейным реликвиям. В особенности это касается фотографий и семейных альбомов. Такое поведение рассматривается как само собой разумеющийся факт, многие информанты подтверждали его лишь в ответ на уточняющий вопрос (*«конечно», «а как же», «в первую очередь», «обязательно»*). В то же время частые переезды являются распространенной причиной (оправданием) того, что семейные реликвии в семье не сохранились.

Упаковка вещей – важный этап переезда. От правильности упаковки зависит сохранность вещей в ходе транспортировки (см. Приложение, Рисунок 38–39). У каждой семьи и отдельного индивида есть свои приемы и способы, как правильно упаковать вещи. На основе текстов и наблюдений нам удалось сконструировать основные сюжеты, связанные с этим аспектом переезда.

Проблема упаковки чаще всего возникает, когда 1) вещей достаточно много,

2) они громоздкие и тяжелые, 3) ценные и хрупкие. Приходится искать подходящую тару (коробки, сумки, чемоданы) и упаковочный материал. Надо знать, как правильно упаковать вещи, чтобы при транспортировке они не повредились. Здесь прибегают к разным источникам практических знаний: кто-то пользуется советами родителей, родственников, а представители современной молодежи обращаются к советам Интернета: *«Я в Интернете прочитала, что есть интересный способ – надо все вещи складывать в рулончик. Так намного больше в чемодан или сумку помещается»* (Информант 19).

В качестве тары чаще всего используют чемоданы, сумки, коробки, ящики. В чемоданы и сумки обычно складывают одежду и мелкие личные вещи. Кухонную утварь, инструменты, игрушки и различные мелкие и среднего размера бытовые предметы предпочитают упаковывать в коробки и ящики. Они особенно подходят для упаковки хрупких и бьющихся предметов: *«Нет, мы не только в коробки, вот, и в сумки. Смотря там, если удастся, то все в коробки. А вещи в сумки, естественно, будем упаковывать, в чемоданчики»* (Информант 32).

При упаковке хрупких и бьющихся вещей (посуды, техники) прибегают к дополнительным способам их защиты. Помимо тары используют упаковочный материал. В этом качестве может выступать все что угодно: газеты, тряпки и даже сами вещи – одеяла, пледы, одежда. Распространенной является, например, практика оборачивать телевизоры, компьютеры в пледы и одеяла, прежде чем погрузить их в контейнер или грузовую машину. Посуду перед тем, как положить в коробку или в ящики, предварительно оборачивают в несколько слоев бумаги: *«Как тетя говорит, в деревянный ящичек сначала сложим, чтобы не побилось, потом в коробку засунем. Отдельно там газетку постелим»* (Информант 32); *«Шифоньеры разбирались, складывались, перевязывались, где зеркало, мама тоже его старалась в одеяло обмотать, перевязать веревочками, чтобы не разбилось. И очень надо аккуратно ставить, потому что контейнер – он железный, его кантуют везде, перевозят, грузят, все равно как бы может и упасть. Телевизор мы тоже старались закутать в матрац, в одеяло, чтобы он не разбился. Раньше телевизор тоже ценная вещь была. Да ценное, это ведь был*

цветной телевизор, ценность была. <...>. Стенка, стекла снимались, витрины вытаскивались. Стеллажи стеклянные, рюмки все хрустальные, какие, они все обворачивались и бумагой, и тряпочкой, все завязывалось, упаковывалось, складывалось в ящики, чтобы все не гремело, не стучало» (Информант 24).

Если вещей много, коробки подписывают, чтобы на новом месте их было легче распаковывать: *«Она (тетя – <О.С.>) даже ругается, когда мы забываем ей сказать: – “Тетя Катя, подпиши коробку!”. <...>. Да, подписывает коробки. Ну как бы старается все в одну, там, книги, в другую – постельное белье. Посуду там отдельно складывает – на примере ее, когда она собиралась. Посуда отдельно там. Бьющееся все – отдельно, небьющееся все – отдельно» (Информант 32).*

Коробки и ящики приносят, в частности, из гаража, где они хранятся «на всякий случай». Если коробок или ящиков (прежде всего, от старой бытовой техники) не оказалось ни дома, ни в гараже, то обращаются в промтоварные магазины: *«Ну, вот моя старшая сестра, она с тетей ходит по магазинам. Коробки носим. Ну, в основном это коробки внизу “Лотоса” (название магазина – <О.С.>), там есть магазин, там продаются строительные материалы, там отдают коробки, и в “Улыбке радуги” (<название магазина – О.С.>)» (Информант 32).* Некоторые переезжающие сетовали на то, что «раньше» коробки из магазинов давали бесплатно, а «теперь» деньги могут попросить.

Для последующего удобства при разборе вещей на новом месте переезжающие могут составлять списки или делать записи, в которых указывается местонахождение упакованных предметов: *«У меня до сих пор сохранилась тетрадь, где мама записывала, что в каком ящике лежит. Выглядит это примерно так: № 21 – вещи детские зимние; № 26 – книги из серванта; № 40 – посуда (тарелки, чашки, вилки); № 41 – посуда (кастрюли и т.п.)» (Информант 33).* Чаще такие записи делают старшие женщины (мамы, бабушки). Этот способ сбора характерен для семей, которые успели нажить значительное количество вещей и имеют опыт переезда.

По историям переезда можно выделить несколько основных сюжетных

линий, связанных с вещами, которые люди не хотели или не могли перевозить. Такие вещи дарили друзьям и знакомым, продавали, выбрасывали и даже прятали (закапывали). Выбрасывались в первую очередь старые, не используемые вещи («барахло», «хлам»), которые хранились на чердаке, в сарае, кладовке, давно утратили функциональность, устарели, но их было жалко выбросить. Большинство переезжавших не хотели забирать их в «новую жизнь».

На обращении с вещами сказываются возраст, материальное положение, состав переезжающих, мотивы переселения, установка на временное или постоянное проживание на территории прибытия, представления о жизни на новом месте и другие факторы. Естественно, когда на постоянное жительство переезжают люди семейные и с детьми, они основательнее подходят к сбору багажа.

§ 3.2.2. Вынужденные мигранты

Вещевой аспект вынужденной миграции заслуживает отдельного рассмотрения. По различным источникам, в том числе воспоминаниям самих участников событий и их потомков, стало возможным описать обстоятельства, в которых спецпереселенцам и вынужденным этническим мигрантам приходилось переезжать на Кольский Север, в каких условиях проходили сборы и что именно им удалось забрать из нажитого имущества.

А) Спецпереселенцы

Особенностью спецпереселения как миграционного процесса являлось то, что сборы проходили хаотично и в экстренном порядке. Как правило, люди узнавали о предстоящем отъезде незадолго до отправления. Имущество переселенцев данной категории подлежало конфискации, поэтому большей частью люди уезжали в том, что было на них, оставив практически все нажитое.

Существуют официальные документы (Постановления и Приказы), в которых предписывалось, что можно ссыльным (спецпереселенцам) забрать с собой и в каком количестве. Так, в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» указывалось: *«Высылаемым и расселяемым кулакам*

при конфискации у них имущества должны быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимый на первое время минимум продовольственных запасов. Денежные средства высылаемых кулаков также конфискуются с оставлением, однако, в руках кулака некоторой минимальной суммы (до 500 рублей на семью), необходимой для проезда и устройства на месте»²⁶².

Конфискация имущества проводилась «особыми уполномоченными райисполкомов с обязательным участием сельсоветов, представителей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрайкомов»²⁶³. Местные власти должны были производить точную опись и оценку конфискуемого имущества. Вероятно, на деле было много нарушений, связанных с дальнейшим «обращением» с изъятыми вещами.

В семье Марии Ивановны Бабуриной (Мошковой), отца которой в 1929 году арестовали и выслали на Кольский полуостров, сохранилась опись изъятого у деда имущества, которая включала не только дом с хозяйственными постройками (оцененный в 500 руб.) и домашний скот, но и предметы одежды вплоть до платка (1 руб.) (см. Приложение, Рисунок 40).

В приказе № 4421 Объединенного государственного политического управления от 2 февраля 1930 г. список разрешенных вещей дополняется с учетом средств производства: *«При отправке выселяемых им разрешается брать с собой имущество и продовольствие в пределах нормы. Обязать выселяемые кулацкие семьи, в части средств производства, брать с собой топоры, пилы, лопаты, плотничьи инструменты, по возможности хомуты и шлеи и продовольствие из расчета на два месяца, общим весом не более 25—30 пудов на семью. При посадке топоры, пилы, лопаты (и другие средства производства) отбираются и грузятся*

²⁶²Постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» // Постановления партии и Правительства 1926 — 1964 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://defree.ru/publications/p01/p40.htm#0723> (дата обращения: 19.03. 2015).

²⁶³Мартюшев Ф.И. Жертвы и палачи. Екатеринбург: СВ-96, 1997. С. 139.

в отдельные вагоны тех же эшелонов. Тара должна быть мягкая»²⁶⁴. Тем самым власти пытались решить не только проблему бесплатной рабочей силы, но и обеспеченности работников орудиями труда. В Постановлении бюро Уралобкома ВКП(б) «О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией» конкретизировалось понятие «нормы» необходимых вещей для выселяемых семей: «При конфискации имущества выселяемых кулаков за пределы округа (2-я категория) должны быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода (белье, одежда, постельные принадлежности, посуда), некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте (лесозаготовительный и строительный инструмент на каждого взрослого члена семьи)»²⁶⁵.

В.Я. Шашков приводит следующие факты: *«Каждой выселяемой семье из ее собственности выдавалось: теплая зимняя одежда и обувь, комплект летней одежды, две-три пары белья, постельные принадлежности, плотницкий инструмент, минимальный хозяйственный инвентарь, запасы продовольствия на два месяца, деньги (не свыше 500 рублей на семью). Все увозимое имущество не должно превышать 3 000 рублей вместе с деньгами. Категорически запрещалось заменять хорошую одежду старой или пришедшей в негодность»²⁶⁶.*

Однако на практике местные власти нередко произвольно решали, что и в каком количестве возьмут с собой выселенные семьи. В некоторых случаях их вообще лишали такой возможности. О подобных фактах произвола и обмана свидетельствует шифрограмма секретаря Севкрайкома ВКП(б) С.А. Бергавинова: *«Есть очень много прибывших семей без никаких продуктов и вещей, так как им заявили, что они едут на два дня на комиссию, и брать с собой ничего не велели, а иным семьям заявили, что продуктов нужно брать только на три дня. Весьма значительное количество семейств прибыло без денег, которых не разрешали*

²⁶⁴Мартюшев Ф.И. Жертвы и палачи. Екатеринбург: СВ-96, 1997. С. 130–131.

²⁶⁵Инструктивное письмо секретаря Верхне-Камского окружкома ВКП(б) В.А. Казубовского секретарям райкомов партии о порядке проведения мероприятий по «ликвидации кулачества как класса». [Электронный ресурс]. URL: <http://cogrogetalie.livejournal.com/111832.html> (дата обращения: 19.04. 2015).

²⁶⁶Шашков В.Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: к 65-летию Мурманской области / Мурманский государственный педагогический университет. Мурманск: Издательство «Максимум», 2004. С. 102.

брать с собой ни копейки, а имевшиеся отбирали без квитанций. Это по эшелону 501 из Средней Волги. Немало случаев, когда имущество выселяемого прибыло, а семья осталась на месте, и наоборот. Все это сильно затрудняет нашу работу по их расселению и освоению, просим ЦК дать указания областям о более серьезном подходе к этому вопросу и прекращению извращений»²⁶⁷.

Спецпереселенцы и представители высланных семей подтверждают факты произвола со стороны властей. По воспоминаниям можно заключить, что у людей практически не было выбора, что с собой забрать: *«На телегу мама положила перину, чтобы детям было удобнее сидеть, на перину положила узлы с одеждой и посудой. Пришел главный уполномоченный, стал шарить по углам повозки, не взяли ли лишних вещей. Увидел перину, схватил ее за угол, выдернул, малые дети посыпались в другую сторону. Соседи наблюдали и плакали. Милосердия от власти ожидать не приходилось. Подходить к повозке никому не разрешали»²⁶⁸;* *«Сначала перевезли нас в какой-то чужой дом в нашем же селе, только в другом конце, за речкою, тоже люди уже были высланы. Мы прожили там недели две или три, потом пригнали нам лошадей, подводу, погрузили нас, а одеть—обуть нам нечего было, и повезли»²⁶⁹;* *«Вещей при выселении дали только смену белья и чтобы одеть на себя и верхнюю одежду»²⁷⁰;* *«При высылке родителям ничего не дали взять с собой. Нас посадили на подводу с кое-какими тряпками и так, босиком, в чем были, повезли в деревню Курокша. Там уже стояла баржа с людьми»²⁷¹;* *«В 1930 года в конце января ночью арестовали папу, увезли в районную тюрьму. На 3-й день после его ареста нам объявили о высылке и*

²⁶⁷Шифрограмма секретаря Севкрайкома ВКП(б) С.А. Бергавинова В.М. Молотову от 27 февраля 1930 г. - Документы Госархива общественно-политических движений и формирований Архангельской области о приеме и расселении раскулаченных в Северном крае. 1930 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarchives.ru/publication/dispossess.shtml>. (дата обращения: 3.11.2014).

²⁶⁸Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания З.Я. Малыгиной (Тимошиной). Верю в разум молодых. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xx13.ru/teksty/malygina.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

²⁶⁹Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания Марии Марковны Афанасьевой (Ивановой). С Каспийского на Баренцево. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xx13.ru/teksty/afanasjeva.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

²⁷⁰Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания А.С. Гаповой (Долговой). Вещей – только смену белья. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xx13.ru/teksty/gapova.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

²⁷¹Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания П.Т. Шамариной. Апатиты-край земли. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xx13.ru/teksty/shamarina.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

поставили охрану, потом приехали подводы за нами. Мама была без сознания, ее бросили в телегу. Мы, конечно, бросились к ней. Было не до вещей – так, кто-то побросал, что попало, на телегу и по команде поехали со двора»²⁷²; «В один из студеных зимних вечеров подъехала к дому подвода с возничим и сопровождающим. Вошли в избу. Всем приказали одеваться и садиться в розвальни. Взять с собой ни из продуктов, ни из одежды ничего не разрешили»²⁷³; «Времени на сборы не дали. С собой не разрешали взять ни теплых вещей, ни чего-либо из утвари. У меня отобрали полушубок, который родители мне справили в приданое, и который я хотела взять с собой, оставили лишь пиджачок на вате»²⁷⁴.

Если была возможность собрать личные вещи, то в первую очередь выбирали самое необходимое и теплое: *«11-го февраля 1930 года ночью приехали на подводе за нами. <...> Разрешили одеть на себя теплую одежду, обувь и кое-что из вещей взять с собой, как постельное белье и нательное. Мы это завязали в узлы, так как чемоданов у нас не было»²⁷⁵. Однако, не у всех имелись предметы одежды и обуви для жизни в холодном климате: «А месяца через два пришла бумага – нам велят собираться. В повестке было написано, взять муки на два месяца. Какая-то женщина, приехавшая из Ленинграда, разговаривала с мамой, советовала взять одежду - мало ли что, мол. А куда надо будет ехать, не говорила. А у нас-то ничего не было, даже валенок не было, в поршнях ходили. А из хозяйства помню кастрюльку алюминиевую, да котел. Вот он хорошо пригодился, потом, как цыгане, на кострах готовили»²⁷⁶.*

²⁷²Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Письмо Ивана Федоровича Яковенко в Хибинское общество «Мемориал». За что? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xx13.ru/teksty/yakovenko.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

²⁷³Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания О.В. Ершовой (Соколовой). «Это было, было...». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xx13.ru/teksty/ershova.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

²⁷⁴Кировск в документах и фактах. 1920-1945 гг.: Хрестоматия. Кировск, 2006. С. 186.

²⁷⁵Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания Л.Е. Гудовской (Зинченко). Что сохранила память. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xx13.ru/teksty/gudovskaya.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

²⁷⁶Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания Э.А. Аншиц. На 13-м и 16-м километре. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xx13.ru/teksty/anhits.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

В воспоминаниях спецпереселенцев неоднократно отмечалось, что забирали с собой швейную машинку (или головку от швейной машинки): «...только швейную машинку разрешили взять с собой»²⁷⁷; «Приехали все вместе. Вещей никаких родителям не дали взять, кроме чего на себе и смены белья, одеял, сшитых из лоскутков, и простую швейную машинку»²⁷⁸. В предвоенные и военные годы это был бытовой предмет самой высокой ценности. Наличие его в доме говорило о достатке и благополучии семьи (в 1950 – 1960-е годы это место займут телевизор и стиральная машина): не удивительно, что раскулаченные семьи пытались любыми способами уберечь ее и вывезти с собой. Она помогала людям выжить (одеваться и кормиться): «В 1919 году моя бабушка Лида, сама будучи сиротой, вышла замуж за “средняка”. Для деревни по тем временам крепкое хозяйство у них было. <...> Дом хороший, даже зеркала были – большая редкость в деревне. Раскулачивали их – отобрали все. Во время продразверстки отобрали у них все, вынесли всю мебель, одежду, продукты, скотину угоняли. Только швейную машинку удалось бабушке Лиде спрятать в сугроб, чтобы не забрали. И вот на этой машинке тайком шила детям одежду из льняной ткани, которую сами ткали на самодельных станках. Ночью шила, чтоб никто не знал, что у них что-то осталось. <...>. Время было такое, что могли арестовать ни за что, по наговору соседей просто. Поэтому боялись люди» (Информант 34).

Несмотря на жесткий властный контроль, переселяемые старались припрятать кое-что из ценного имущества, а у кого-то даже получалось его вывезти: «Много брать не разрешали. Взяли самое необходимое, с чем можно справиться собственными силами: носильные вещи, подушки, самовар, духовой утюг. И еще тайком, чтобы не отобрали, удалось спрятать в тряпье головку от ножной швейной машины «Зингер». Стол с приводом и чугуновой станиной

²⁷⁷ Спецпереселенцы в Хибинах: Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин. Книга воспоминаний. Апатиты, 1997. С.18.

²⁷⁸ Куроч О.Е. Санитарно-бытовые условия жизни строителей г. Хибинского в 1930-1931 гг. По фондовым материалам Историко-краеведческого музея с мемориалом С.М. Кирова // VI Ушаковские чтения: Сборник научных статей / Отв. ред. А.В. Воронин. Мурманск: МГПУ, 2010. С. 231.

завернули во что-то и закопали в сарае с глаз долой, чтобы не хватались жадные до чужого, увидев станок без головки»²⁷⁹.

Для кого прятались вещи, сказать трудно. По крайней мере, в устных и письменных мемуарах указания отсутствуют. Были случаи, когда спрятанные, закопанные вещи спустя какое-то время возвращались их владельцам: *«Из семейных реликвий у нас дома хранится только фарфоровая чашка, которую спрятали в земле в период раскулачивания. Дата на ней означает 1874 год, она уже отбита во многих местах, ею не пользуются. Значит она, наверное, силу духа семьи, способность противостоять испытаниям»* (Информант 35).

Вещи, которые вернулись к хозяевам после того, как считались навсегда потерянными, приобретали особый смысл. Например, фарфоровая чашка, которая сохранилась у потомков спецпереселенцев, перешла из категории бытовых вещей в разряд семейных реликвий. Однако счастливые случаи спасения вещей единичны, обычно семьи навсегда расставались со своим домом и имуществом. Одновременно они лишались опредмеченной семейной памяти: *«Мама из семьи раскулаченных. Они были сосланы сюда из Новгородской области, из под Чудово, город Чудово. Вот они были зажиточнее крестьяне. И их семья была сюда сослана в тридцать четвертом году. После того как их сюда сослали, м-м, не разрешали же брать практически ничего. То есть берешь с собой узелочек личных каких-то вещей. Поэтому старых каких-то, к сожалению, вещей не сохранилось»* (Информант 36).

Б) Вынужденные этнические мигранты

Как и в случае со спецпереселенцами, сборы у вынужденных этнических мигрантов проходили в экстренном порядке. Этническим мигрантам пришлось столкнуться с немалыми трудностями в процессе переезда. Все мигранты без исключения, которые переезжали по причине и во время военных конфликтов, оказывались не готовыми к ситуации, в которой им приходилось покинуть дом, а тем более страну, поэтому сборы проходили стихийно. В критических ситуациях приходилось делать выбор в пользу наиболее ценного. Каждый случай

²⁷⁹Тимофеев В.Г. История одной семьи: Повесть. Апатиты ООО «Апатит-Медиа», 2004. С. 18–19.

индивидуален и связан с субъективными обстоятельствами (ценностями, установками). Кто-то бросался спасать ценные в материальном отношении вещи (драгоценности, деньги и т.п.), а кто-то – предметы, которые не имели материальной ценности, но имели индивидуальную или семейную ценность (реликвии, фотографии, грамоты и т.д.). Показателен рассказ одной из информантов о своей матери-беженке, которая пострадала в результате грузино-абхазского конфликта: *«Она с собой привезла два тяжелых утюга, старые боты, в которых она считала, что ей будет удобно ходить. <...>. Она привезла именно альбом вот сам толстенный такой, в твердом переплете альбом с открытками. С открытками, которые мы когда были маленькие, я и мой брат, собирали. <...>. Но в доме, еще, например, от прабабушки, <...>, оставались какие-то вещи. Например, были серебряные рюмки Фаберже! Это она оставила! Хотя за те рюмки Фаберже, которые она там оставила, ей можно было купить сто пар бот!»* (Информант 23, страна выезда родителей – Абхазия). Здесь налицо различие в отношении к вещам, связанное с семейными ролями и принадлежностью к поколению. Ретроспективно оценивая поведение матери, дочь исходит из «здорового смысла», который основывается на экономической и общекультурной ценности вещей. Этот смысл противоречит поведению матери, отобравшей в ситуации эмоционального напряжения: 1) то, что удобно в пути, 2) что в свое время и с ее точки зрения представлялось очень важным предметом быта, и 3) что составляет для большинства матерей первостепенную символическую ценность.

Вещи, которые не было возможности вывезти, продавали или раздавали друзьям и знакомым. Обычно продавали самое ценное, к этой категории вещей относятся бытовая техника, хрусталь и фарфор. Некоторые раздавали все, поскольку не было времени заниматься продажей вещей.

Утрата части вещей при переезде, как правило, не просто констатируется информантами, но выражается эмоционально. Даже если вещи были относительно выгодно проданы за деньги, обмен не воспринимается как эквивалентный. В большей или меньшей степени, но отказ от нажитых вещей

переживается как потеря – материальная и духовная: *«А я полгода рыдала! Это все же заработали!»* (Информант 37, страна выезда – Грузия).

Не смиряясь с потерей, некоторые беженцы делали попытки вернуться и забрать ценные для них вещи вопреки опасности для жизни: *«Уже потом, через год, <...>, тогда в Сухуми стояли грузины, поэтому мы могли, женщин пускали свободно, <...>, и мы вывезли вот, надо отдать должное соседям, что все было целое. <...>. Мы забрали документы, забрали вот этот антиквариат мой, который был, украшения, <...>, мы это со свекровью вывозили, как в фильме «Отец солдата», – то на лошади, то на тракторе, на чем только мы ни ехали. Мы добирались очень долго. И когда мы ночевали в Сухуми с ней вдвоем, там из автоматной очереди по ночам стреляли, это, конечно, ну, неприятные это ощущения были.<...>. Не дай Бог вспоминать – среди наших близких и друзей сколько убитых! Мы все потеряли, но зато мы живые остались!»* (Информант 37, страна выезда – Грузия). Несмотря на осознание того, что ценность вещей несоизмерима с ценностью жизни, предпринимаются рискованные шаги для спасения своего имущества в разгар военного конфликта.

Но и среди беженцев были те, кому удавалось спасти свое имущество. Некоторые имели возможность спрятать его у соседей, кто-то заранее был предупрежден и смог подготовиться к переезду. *«Действительно, беженцы, выехавшие из горячих точек в буквальном смысле слова с одним чемоданом, растворены в массе переселенцев, сделавших все, чтобы, пусть и потеряв хорошие квартиры и дачи, вывезти в Россию свою мебель, ковры, бытовую технику, машины и т.д.»*²⁸⁰.

В целом на сбор багажа влияют две группы факторов: объективные обстоятельства переезда и субъективные установки. В случае экстренного переселения основное значение имеют внешние факторы. Однако и здесь важна роль личностных решений. Даже при ограниченном времени и выборе приходится определяться с тем, что считать «минимумом» вещей.

²⁸⁰Космарская Н. Трудности адаптации переселенцев в сельской России: попытка концептуализации // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. / Под ред. А.Р. Вяткина, Н.П. Космарской, С.А. Панарина. М.: Наталис, 1999. С.227.

§ 3.3. Переезд и транспортировка вещей

Трансфер вещей находится в прямой зависимости от транспортных возможностей и способа переезда. То и другое определяется, наряду с типом миграции (спецпереселенцев вывозили за казенный счет), особенностями мест выезда и прибытия (отдаленная деревня, город с транспортным узлом или без него и прочее), расстоянием, состоянием транспортных путей и инфраструктурой, материальными возможностями переселенцев, наконец, традицией.

Из всех видов современного транспорта для перевозки вещей (багажа) чаще всего используют автомобили (легковые или грузовые) и поезда. При переезде в пределах области и города предпочтительнее частные легковые автомобили (чаще всего с прицепом) или обращение к услуге грузоперевозки. Если переезжать приходится из другой области, а тем более из другой страны, при возможности заказывают контейнер.

В беседах с информантами возникла тема, связанная с использованием контейнеров – самой распространенной формой транспортировки крупного багажа. Выяснилось, что отношение к этому способу противоречивое. С одной стороны, доставка «от подъезда до подъезда» избавляет от многих хлопот. С другой стороны, у переселенцев есть негативные примеры и связанные с ним стереотипы. Особый случай – переезд из другой страны. Приходится сталкиваться с дополнительными сложностями, включающими и перевоз багажа контейнером.

Труднее всего приходилось мигрантам из стран бывшего СССР. Не все сумели переправить контейнер с имуществом, а кому-то пришлось бежать буквально в том, что было на них. Однако были и такие, кому удалось не только перевезти все имущество, но даже перегнать автомобили: *«Так все почти брали – от мебели до посуды и многое другое. Мы контейнер заказывали, чтобы вещи отдельно все перевезти, а сами на машине ехали»* (Информант 25, страна выезда – Киргизия). В основном такие возможности были у переселенцев мирного времени. Если позволяли средства и благополучно складывались обстоятельства, то старались вывезти как можно больше из нажитого: *«Старались, конечно, все забрать, ничего не хотели оставлять, потому что знали, что даже простой*

гвоздь может пригодиться. Старались все взять, даже гвоздь, топор, молоток, все мелочь хотели забрать, но все не заберешь» (Информант 24, страна выезда – Казахстан); *«Мама с папой контейнер заказывали. Все что было, все-все и все барахло, все забирали, когда переезжали. Хотя смысла, наверное, не было, потому что в процессе переезда все это потрясло – ну, книги все это. Там что-то сломалось. Машинку даже стиральную, помню, перевозили, рухлядь. Но все равно как бы это ведь, эти вещи как сказать напоминали о том, что было»* (Информант 14, страна выезда – Узбекистан).

Мигранты сталкивались с насилием в форме административного произвола, касающегося их имущества: запретом на вывоз определенных вещей и продуктов. *«Уже, когда мы, правда, мы уезжали уже в девяносто седьмом году, уже как бы нельзя было вывозить ничего, хотя у нас все это было. Вот это вот – холодильники, все это, ничего нельзя было перевозить. Ни машину нельзя было увезти, в контейнер, – ни лишний мешок муки нельзя было загрузить, ни сахара, ни мясо, потому что это было все достоянием республики Казахстан»* (Информант 24, страна выезда – Казахстан); *«Запрет был у нас на хлопковое масло, на рис, на лук – на продукты, вообще не разрешали, муку не разрешали. Так же не разрешали строительные материалы вывозить. Проверяли контейнер конкретно, что именно везешь. Ничего лишнего не положишь! Если находили у людей, то естественно облагались большими штрафами»* (Информант 22, страна выезда – Узбекистан).

В критической ситуации возможность вывезти вещи или оказывается «счастливым случаем», или является следствием личных связей, то есть она всегда рассматривается как исключение: *«Не то, что с машиной, контейнер было перевести проблемно. А контейнер мы, нам хотелось увезти, конечно, все оттуда. <...>. И вот мы когда, ну, загрузили мы все это в контейнер. Два контейнера у нас было. У нас очень много мебели было, все было. Все это загрузили в контейнер. А загрузили мы в контейнер, благодаря тому, что я последнее время работал на железной дороге, осмотрщиком вагонов. И хорошо знал начальника, который грузит эти контейнера, и который проверяет, как их*

– контролеры. Я их тоже как бы знал и загрузили, что хотели, то и загрузили. Никто нас не досматривал, просто написали в декларации, что вывозим такое – такое, хотя вывезли много чего не положенного. <...>. Аккуратно все сделали, все увезли это» (Информант 24, страна выезда – Казахстан). Поскольку багаж тщательно досматривался, приходилось по несколько раз загружать и разгружать вещи: «Трудности вот контейнер погрузить, особенно с Казахстана, вот это нельзя, вот это вытаскиваете, вот это ладно положите, разрешаем, вот так было. Правда мы все упаковали, но было такое, что, а вдруг меня проверят, знаешь, и с работы выгонят. Ну как бы знакомая, вроде разрешила все» (Информант 24, страна выезда – Казахстан).

Некоторые информанты сетовали на то, что они переехали «не вовремя». По мнению одних, надо было уезжать раньше, тогда у них было бы больше возможностей спасти имущество: «Раньше, еще до того как мы собирались, люди вывозили все, что было не приколочено! Они брали все, все брали с собой! Особенно, когда татары в Крым уезжали. Они брали все, чтобы прожить на первое время – лук, масло, шифер, гвозди, чтобы не покупать. А когда мы уже начали собираться, мы в 2000-м году начали переезжать, уже законы другие, уже все поменялось. Ты дома нагрузишь, на таможне снова выгружаешь, снова весь контейнер, каждый под опись и снова загружаешь в контейнер. Вот такой расклад был» (Информант 22, страна выезда – Узбекистан). Другие, напротив, сожалели, что не остались еще на некоторое время, тогда и времени было бы больше на подготовку к переезду, и как показала практика знакомых, можно было намного дороже продать жилье. Ретроспективно оценивая ситуацию, информанты признают важность фактора времени, но действие его оказывается неоднозначным: в выигрыше оказываются или те, кто быстрее принимал решение о переезде и действовал, или, напротив, те, которые «выждали» и получили преимущества.

Количество перевозимого имущества не всегда зависело от внешних обстоятельств, чаще оно было детерминировано личными мотивами. Стремление забрать как можно больше – это своего рода способ «подстраховаться» себя в чужой

стране, чувствовать себя более или менее уверенно в материальном и психологическом плане, окружить себя «своими» (привычными) вещами. Обеспечить себя вещами первой необходимости означает иметь «страховой фонд». Другие, из сходных экономических соображений, наоборот, не отправляли контейнер. Это было в тех случаях, когда переселенцы, уехавшие раньше, предупреждали друзей и родственников, что затраченные на перевоз имущества средства не оправдали ожиданий, поскольку большая часть вещей была повреждена в процессе транспортировки: *«Мы когда переезжали, мы вещи-то никакие не привезли с собой в Апатиты. Просто опыт был уже у знакомых... Ну, звонили те, кто раньше нас в Россию уезжал, и говорили, что лучше на контейнер денег не тратить, говорили, что все равно все побьется»* (Информант 38, страна выезда – Таджикистан); *«Ничего не забирали. Это накладно везти все, контейнер заказывать. Проще было здесь все купить»* (Информант 10, страна выезда – Таджикистан). Поскольку отправить контейнер было достаточно дорого, и к тому же не было уверенности, дойдут ли вещи в сохранности, некоторые предпочитали приобрести на эту сумму (а также на сумму, вырученную от продажи имущества) вещи первой необходимости по прибытии в Россию. Другие отправляли только часть вещей, поскольку не хватало денег, чтобы отправить большой контейнер или несколько контейнеров. В таких случаях старались забрать самое ценное в материальном и символическом плане, а также вещи первой необходимости, чтобы обеспечить необходимый минимум удобств на первое время: *«Контейнер был маленький, потому что там очень тяжело было достать и очень дорогой. Что было, на какую сумму, на такую сумму мы и взяли контейнер. Говорю то, что необходимое – подушки, одеяла, одежда детская, одежда наша взрослая, посуду. Мебель мы не одну не привезли с собой, потому что смысла не было ее везти»* (Информант 22, страна выезда – Узбекистан). Перевозить мебель не было смысла, так как она занимала много места, а емкостей и так не хватало даже под самые необходимые вещи.

Транспортировка контейнером, как и любая другая, требует от самого заказчика услуги некоторых знаний. Они касаются того, какие вещи можно

перевозить этим способом, а какие нет, как упаковывать определенные предметы, в каком порядке устанавливать их в контейнере и прочее: *«В контейнере могут поломаться многие вещи. Естественно мы переживаем, мы и сейчас переживаем. Ну, для этого мы, с нашей стороны мы все сделали. Все упаковано хорошенько будет. Это уже водителя – кто машину поведет»* (Информант 32); *«Я думаю, что если все правильно упаковать и организовать сам процесс, то никаких проблем не должно возникнуть. В этом плане, конечно, следует посоветоваться с теми, кто имел такой опыт»* (Информант 39).

Если контейнер является самой распространенной формой транспортировки крупного багажа, то чемодан представляет емкость, в которую помещается «минимум» вещей. Можно сказать, что объем вместилща для багажа является мерой «вещного» поведения. Объем вещей, с которым переезжает индивид («целых» три контейнера или «всего» один чемодан), характеризует его отношение к вещам, семейный статус, материальное благосостояние. Употребительное выражение *«жить, не распаковывая чемоданы»*, не столько имеет буквальное значение, сколько характеризует поведение определенного типа мигрантов, которые не отягощают себя бытом и тем самым поддерживают собственную установку не закрепляться на месте жительства. При этом продолжать жить на Севере они могут десять, двадцать и более лет: *«Я периодически задумываюсь о смене места жительства. <...>. Наверное, поэтому я не спешу покупать новую мебель и делать ремонт в этой квартире»* (Информант 40).

Совокупность перевозимых вещей, обозначаемая как «багаж», может быть охарактеризована по нескольким взаимосвязанным признакам: объем (общий размер), количество вещей (или, скорее, емкостей), состав вещей, вес («тяжесть» / «легкость») и некоторые дополнительные свойства. Багаж можно условно разделить на несколько групп в зависимости от степени громоздкости: крупные вещи (мебель); средние вещи (бытовая техника; кухонная утварь) и мелкие (утилитарная «мелочь», безделушки, небольшого размера реликвии). В зависимости от типа вещей избирается способ их транспортировки. Наиболее

громоздкие вещи стараются перевезти грузоперевозкой или на легковой машине с прицепом: *«Ну, например, там тот же холодильник, скажем, или... <...> когда именно в студенчестве, мне привозил папа на прицепе холодильник. А такое, что по мелочи, тоже либо на машине, там, когда с родителями ездили туда-сюда, либо там что такое мелкое, что на себе можно увезти – это на автобусе»* (Информант 41).

Сначала по возможности перевозят громоздкие вещи, без которых нельзя обойтись в быту (например, кровать, стол, стул): *«Я думала, что постепенно, наверное, там такое самое необходимое. Компьютер может быть, там по работе какие-то бумаги. Одежду опять-таки. Ну, в основном, думаем в какой последовательности уже там комнаты обживать. <...> Вот, а так в какой последовательности, ну не знаю. Стиралку, наверное, важно сразу перевезти. Тут еще часть вещей останется. Потому что тот же холодильник новый будет. Кровать тоже, естественно, другая. То есть она тут пока останется»* (Информант 40); *«Я перевозила свои вещи грузоперевозкой. И так вот... <информант имела в виду, что также переносила вещи вручную – О.С.>. Ну, тяжело обустраиваться! Я сначала все расставила, потом все переставила, потом еще раз переставила. Пока все соберешь. Еще мужика нет! Пока все расставишь. Все сама! Гарнитур я сама переносила, потому что пока дождешься помощи!»* (Информант 4). В данном случае женщина, которой пришлось поменять место жительства из-за развода, высказывает достаточно типичную мысль: во всем, что касается транспортировки и расстановки вещей, необходима физическая сила, а она ассоциируется с наличием «своих» мужчин и доступностью мужской помощи.

Решение оставить вещи из-за неудобств их транспортировки для большинства советских и российских граждан, особенно заставших эпоху дефицита, – большая роскошь. Вместе с тем утверждения информантов о том, что по приезду на Север «проще было все купить», свидетельствуют о стереотипе восприятия Севера как территории «вне зоны» материального неблагополучия и дефицита, который утвердился достаточно быстро и в известной мере

подтверждался на практике.

Сложности транспортировки в меньшей степени, но тоже выступают основанием не вывозить старые вещи. Еще одним мотивом такого решения является тип предполагаемого жилья на новом месте. На съемной квартире, в общежитии негромоздкие и функциональные (в том числе многофункциональные) вещи предпочтительнее: *«Ну, то есть мы думали с мамой, долгое время думали, что лучше купить кровать или все-таки диван. Но кровать – это кровать, а диван, его можно расправить и уснуть. <...> И в тоже время его можно сложить, и гости придут – сядут. И в итоге решили – диван»* (Информант 20).

Переезжающие в большинстве своем беспокоятся за сохранность багажа. Одни боятся, что разобьется посуда, другие переживают за дорогую технику и т.п.: *«Я за компьютер переживала, потому что его туда-сюда таскать не очень желательно, мало ли что произойдет»* (Информант 32).

По признанию информантов, в процессе транспортировки вещей они больше всего переживали за сохранность предметов, которые служат памятью о родителях и родственниках (особенно умерших). В пояснение они утверждали, что если повредятся какие-то из бытовых вещей, их можно легко заменить, в отличие от реликвий, утрату которых нельзя компенсировать: *«Ну, будет жалко, если что-то разобьется. Ну, ничего страшного <...> Естественно, если это, разумеется, не вещи, связанные с мамой или папой. А остальное все можно заработать»* (Информант 32).

Несмотря на все старания правильно упаковать вещи, переезжающие нередко сталкиваются с проблемой порчи имущества в процессе транспортировки: *«При последнем переезде некоторые вещи пострадали: разбили лампу, диван. Был один смешной момент – последний грузовик был так набит вещами, что когда он стал отъезжать, из него вывалилась швейная машинка. Был такой грохот, что жители всего двора вылезли в окна посмотреть, что произошло»* (Информант 41). Другие, напротив, утверждали, что грузчики со своей работой справились добросовестно: *«Перенесли они все аккуратно и*

быстро. Но они опоздали, поэтому машину пришлось оплачивать не за один час, а за два, хотя фактически это все тридцать минут заняло. Пьяными они не были, были молодые абсолютно трезвые ребята, не считая того, что они опоздали, ничего такого страшного не было» (Информант 28). В любом случае грузчик – одна из ключевых фигур в сюжете переезда, поскольку от него во многом зависит успешность мероприятия и его «безопасность» для вещей.

Переселенцы использовали разные тактики транспортировки вещей. Одни перевозили все сразу, другие постепенно. Если на территории выезда остался доступный для периодических возвращений родной (родительский) дом, перемещение вещей из него может продолжаться в течение всей жизни мигрантов. В случае, когда возвращение невозможно, есть лишь один шанс для того, чтобы собрать багаж. Варианты второго сценария различаются исходной ситуацией: 1) семья уезжает в полном составе, навсегда, далеко и продает дом; 2) один или несколько членов семьи переселяются вследствие острого семейного конфликта, не рассчитывая на его разрешение в будущем; 3) семья покидает родные места именно потому, что дом и имущество утрачены; 4) переезд является эмиграцией по политическим или этническим мотивам без надежды на возвращение (при расширении текстовой базы список значительно увеличится).

По приезду на новое место большинство переселенцев не могли себе позволить сразу приобрести все, что требуется для повседневного быта, поэтому старались привезти вещи «на первое время». У переселенцев, которые «сбегали» из деревни в экономически неблагоприятные годы, легкость багажа могла быть связана с материальной нуждой. Более того, багаж уменьшался и в процессе транспортировки: *«Когда в Кандалакшу приехали, у нас уже ничего не было, у меня были валенки, мне еще покупали в то время, я говорила, что не дам я валенки продать, а потом думаю, что, ну, ладно детей надо ведь было кормить, и пошли мы, и продали валенки за буханку хлеба»* (Информант 42). Одиночки также в основном ехали налегке, только с личными вещами: *«Ну и приехали – с одним чемоданом и подушкой с одеялом. <...>. Сначала, как и все, думали, что приехали на пару лет, да так и остались»* (Информант 43).

Таким образом, транспортировка вещей, как и сбор, у разных групп переселенцев имеет существенную специфику, обусловленную как внешними, так и субъективными обстоятельствами переезда.

§ 3.4. Исторические и социокультурные факторы селекции семейных вещей

В процессе переезда поведение в отношении разных типов семейных вещей – мемориальных и сугубо обыденных – варьируется. Различия очевидны на всех стадиях подготовки и осуществления переезда. Более бережным является отношение к мемориальным вещам. Различны критерии, по которым сортируются при отъезде вещи этих типов, неодинаков процесс их транспортировки.

Бытовые вещи, как правило, отбираются на основе практических соображений: учитываются их стоимость, функциональность, удобство в использовании, степень сохранности. Значительная переорганизация предметного мира семьи при переезде связана, прежде всего, с избавлением от вещей определенных категорий. В большинстве случаев это предметы, которые признают ненужными и устаревшими: *«Когда готовились к переезду, то, конечно, в первую очередь, избавлялись от всякого хлама. <...> Это те старые вещи, которые давно было пора выкинуть, но как-то все руки не доходили»* (Информант 44). В других случаях такое поведение мотивируется невозможностью перевезти все вещи в силу тех или иных причин: отсутствия достаточного количества жилой площади на новом месте, трудностей транспортировки и т.п. *«Была бы моя воля, я бы все забрала! Дети ворчат, что новое купим, а меня и старая мебель вполне устраивает. <...>. Но перевозить все – это очень дорого по нынешним меркам! Поэтому часть наших вещей раздали, что-то вообще пришлось отнести на помойку»* (Информант 45). Мемориальные семейные вещи меньше подвержены такой сортировке. Их стараются перевезти в целостности и сохранности, а о том, чтобы раздать или выбросить, и речи быть не может. Встречаются, конечно, исключения.

Упаковываются мемориальные и немемориальные вещи тоже по-разному. Чаще всего памятные вещи упаковывают как ценный и хрупкий груз: *«Семейные*

реликвии сложили в отдельную коробочку и, конечно, старались их так упаковать среди всех прочих вещей, чтобы они ни в коем случае не потерялись и не повредились» (Информант 46); *«Мамины вещи, ту же цепочку, колечки я аккуратно завернула сначала в бумагу, а потом в такую бархатную тряпочку. <...>. Свой ценный груз положила в дамскую сумочку. Вроде как, с одной стороны надежнее, а с другой все время заглядывала, проверяла, не потеряла ли я чего»* (Информант 47). В процессе переезда наиболее ценные вещи принято держать «при себе» или «ближе к себе». На обращение с данными вещами почти не влияют экономические, социальные и прочие обстоятельства. Здесь большую роль играет личностный, психологический фактор. В первую очередь, забирали семейные фотографии. Часто в рассказах переселенцев из деревень среди вещей, взятых на память, отмечаются иконы: *«Бабушка рассказывала, что дедушкина мать, перед тем как они уехали на север к деду, сняла с красного угла складень, завернула его в платок, на котором он стоял, положила в мешок и отдала со словами: “Передай сыну, а он пусть передаст Верке, когда вырастет”»* (Информант 26). Старшие родственники старались передать икону как семейную реликвию и оберег: чтобы та охраняла близких в дороге и на новом месте от разных бед. Кроме того, переселенцы забирали на память те предметы, с которыми были связаны эмоционально, поскольку те отождествлялись с оставленным домом и родными. Чаще всего это были вещи, сделанные руками близких (отца, матери, бабушки): *«Моя мама хранит дома старые бабушкины платки, скатерти, ткани, которые бабушка со своими сестрами сделала своими руками»* (Информант 48).

Среди всех типов памятных вещей семейные реликвии занимают особое место. В представлениях людей понятия «реликвия» и «вещь-память» интерпретируются и соотносятся между собой по-разному. Для одних они являются синонимами, для других обозначают абсолютно разные категории вещей. В частности, разграничение между «реликвиями» и памятными вещами может проводиться по критерию коллективности / индивидуальности воплощенной в них памяти или собственности на них. С этой точки зрения,

«реликвии» – всегда «семейные». Анализ словоупотребления показывает разнообразие вариаций при использовании данных терминов. Так или иначе, после уточняющих вопросов информанты сами начинали объяснять, что означает для них «семейная реликвия», а что – «памятная вещь». Статус «семейной реликвии» намного выше, чем у остальных видов «памятных вещей». Отсюда и более эмоциональное отношение к таким вещам при переезде. Поскольку все семейные реликвии наделены высокой символической ценностью, а некоторые обладают и ценностью материальной, их при любых обстоятельствах стараются уберечь и сохранить²⁸¹.

В целом семейные реликвии воплощают память о местах, людях, событиях, значимых в биографии семьи (общесемейные мемориальные вещи). Остальные памятные вещи, независимо от их типа, не являются воплощением истории семейно-родственной общности, а связаны с индивидуальным биографическим опытом, памятью. На основе этого деления различаются отношение к вещам, место и длительность хранения, обращение с ними в процессе переезда. Вещи, которые получают статус семейной реликвии, обычно хранятся с большим почетом и на протяжении долгого времени. Только экстренные обстоятельства могут прервать их существование в данной семье: потеря вещи в силу каких-либо обстоятельств (пожар, переезд), несоблюдение семейных традиций, когда дети или внуки перестают хранить и передавать вещь (о чем упоминается достаточно редко) и т.п. Индивидуальные памятные вещи хранятся относительно непродолжительное время. Связано это с тем, что зачастую в качестве таковых выступают мелкие вещицы и безделушки (вплоть до билетов, оставшихся после посещения музея), и хранятся они до тех пор, пока вызывают определенные эмоции у их обладателя. Обычно индивидуальные памятные вещи теряют свой

---

²⁸¹Разумова И.А. Семейные реликвии // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы Сборник МАЭ, т. LVII). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. С. 63–70; Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 3–76 с.; Сулейманова О.А. Семейные реликвии как социальная собственность // Наука и бизнес на Мурмане: Науч.-практ. альм. Мурманск: Кн. изд-во, 1996: Города Заполярья: социально-антропологические и социально-экономические аспекты. 2009. №2 (67). С. 49–53; Сулейманова О.А. «Семейные вещи»: к интерпретации понятия // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Ред. акад. В.Т. Калининков. Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2010. Вып.1. 2/2010 (2). С. 68–79.

статус и актуальность со смертью владельца. Но возможна иная их судьба: памятные вещи близких и родственников становятся семейной реликвией и начинают передаваться по наследству. Для того чтобы стать реликвией, вещь должна быть «выделена» из множества других. Как правило, это только очень оригинальная по форме или ценная в материальном плане вещь. К таким относятся ювелирные украшения или эстетически высоко оцениваемые вещи. Тем интереснее случаи исключительной символизации предметов, не обладающих никакой товарной или эстетической ценностью, значимых только для узкого круга лиц и по единственному основанию – служить памятью. Например, в одной из семей в качестве реликвии хранится кусочек мыла.

Некоторые люди в течение жизни накапливают достаточно большое количество памятных вещей и могут периодически избавляться от них. Переезд способствует этому процессу. Переезжающие на новое место жительства стараются освободиться от всего «лишнего». Стремление «не захламлять» новую квартиру (дом), а также трудности транспортировки способствуют избавлению даже от таких вещей, которые до этого считались «очень нужными». Чаще это вещи, которые имеют мемориальную ценность для индивида и при этом не имеют материальной ценности. Как правило, к ним относятся предметы, связанные с личной биографией, но не имеющие отношения к другим людям (друзьям, родственникам). Среди них, например, ученические тетради, напоминающие о собственном детстве и отрочестве, входные билеты – свидетельство посещения каких-то мест, коллекции, которые утратили актуальность в силу изменения сферы интересов и не имеют материальной ценности (собрания фантиков, бутылок и т.п.). Именно такие предметы чаще выбрасывают или раздают при отъезде. Однако если та или иная вещь, будь то фантик, сломанная игрушка или старый стул, связана с близкими людьми, то отказаться от нее намного сложнее. В большинстве случаев такие вещи по размышлению предпочитают все же оставить.

Свойство со временем терять актуальность отличает памятные вещи от семейных реликвий. Семейную реликвию никогда не выкинут из-за того, что ее трудно транспортировать или в новом доме для нее не хватит места. В отношении

семейных реликвий вообще не возникает таких вопросов, могут действовать только экстренные обстоятельства. Статус памятных вещей очень неустойчив. Они постоянно балансируют между возможностями стать семейной реликвией или оказаться на помойке. Так или иначе, в ситуации переезда в отношении этих вещей возникает сильная рефлексия. Те, кто не смогли сохранить и уберечь их, высказывают больше сожаления по этому поводу, чем об испорченных и утраченных дорогих бытовых вещах. К потере имущества, включая реликвии, приводили пожары, частые переезды (не могли все вывезти), репрессии (отбирали имущество), трудное материальное положение семьи (приходилось продавать вещи) и т.п.: *«У моей прабабушки со стороны мамы тоже было много старинных икон, также было много золота, серебра, различных ювелирных украшений, но все, это сгорело, а что не сгорело, было отнято при раскулачивании, после революции»* (Информант 49); *«Реликвий, к сожалению, в нашей семье не сохранилось, так как мой дедушка был военным и часто приходилось переезжать с места на место»* (Информант 50); *«При пожаре погибли практически все семейные реликвии, в том числе иконы, бабушкин сундук с добром, говорят, что он был очень красивой резьбы»* (Информант 26). Несмотря на то, что во многих семьях вещи предков были уничтожены, они продолжают жить в памяти членов семьи, в том числе передаваемой посредством семейных преданий. Реальные предметы, которые удалось спасти, представляют особый повод для гордости: *«Из реликвий в нашей семье есть старинные иконы, им обеим уже более ста лет. Этими иконами моя прапрабабушка благословляла на брак мою прабабушку со стороны папы. Потом эти иконы перешли к нашей семье»* (Информант 40). Кроме того, выяснилось, что чем больше сложностей возникает в процессе транспортировки какой-либо вещи, тем более возрастает ее символическая ценность: *«Сколько было сложностей перевести эти ковры из Краснодара в Апатиты! Они теперь лежат скрученные за стенкой, ждут своего часа. Вот сын женится, ему по наследству перейдут. Для меня они уже не просто обычные ковры, а с ними связано столько воспоминаний, как я их перла оттуда»* (Информант 51).

Если вещи, которые ассоциируются с памятью о родном доме, детстве, родных, не были перевезены в силу каких-либо причин, эти вещи планируют когда-нибудь «обязательно» забрать: *«Еще есть один предмет, но он находится не у нас, а в доме у бабушки в Карелии. Это прядильный станок, как говорила бабушка, который достался той от ее матери. Так что эта вещь девятнадцатого века. У нас в доме есть веретено моей бабушки-татарки, которая как-то приезжала и забыла его. Я думаю, что веретено тоже досталось ей от матери. Из всех внучек моей бабушки–татарки, из всех правнучек моей русской прабабушки пока вяжу только я одна. Но все равно пользоваться этими вещами не умею. Так что они не найдут практического применения, а будут просто храниться у нас»* (Информант 52); *«В качестве семейной реликвии у нас есть дом с участком земли. В доме тоже сохранились вещи от моих предков. Например: старый сундук для одежды, ковры, иконы в деревянных рамках со стеклом, одежда. Все эти вещи ценны и дороги мне как память о моих родственниках»* (Информант 53).

Таким образом, практики обращения с вещами в процессе переезда зависят не только от обстоятельств переезда, но и от ценности вещи для семьи и отдельных ее членов. При селекции вещей и выборе способов транспортировки переселенцы ориентируются на мемориальную, материальную и символическую ценность предметов. В большинстве случаев в процессе переезда бережнее всего относятся к семейным реликвиям, поскольку восполнить их потерю не представляется возможным.

§ 3.5. Трансформация и пересемантизация предметной среды в процессе переезда

Смена места жительства всегда сопряжена с прерыванием устоявшегося быта и привычного размещения вещей. В результате может происходить переозначивание отдельных элементов предметного мира. Одной из задач предпринятого нами исследования динамики семейной предметной среды было изучить, как в процессе переезда и переорганизации предметного мира меняются значения (смыслы) вещей.

Возможны различные варианты переездов в зависимости от изменений, которые претерпевает семья: 1) собственно переселение, когда переезжает вся семья; 2) разделение, если отселяется часть семьи, 3) отделение – уезжает один человек. В зависимости от типа переезда и состава переезжающих варьируется и вещевое поведение. На него оказывают влияние также материальное и социальное положение, возраст членов семьи, отдаленность территории выезда, а также социокультурный, психологический и этнический факторы. Во всех этих случаях происходит полная или частичная трансформация предметного мира семьи. Кроме того, при создании нового интерьера жилища (дома, квартиры) закономерно выявляется, формируется, меняется отношение новоселов к предметному миру в целом, отдельным вещам и категориям предметов (мебели, посуде, бытовой технике, интерьерным украшениям и т.п.).

Если переезжает вся семья, то, как правило, происходит просто перенос имущества из одного дома в другой. Естественно, что предметный мир, так или иначе, трансформируется. Какая-то часть вещей может пострадать в процессе переезда, что-то предпочтут выбросить сами хозяева и т.п. Однако в большинстве случаев не происходит кардинальных изменений. Исключение составляет ситуация вынужденного (экстренного) переселения.

Переезд из родительского дома одного из членов семьи отличается тем, что переорганизация происходит за счет переноса части предметного фонда семьи на новое место жительства. Выделяется имущественная доля из организованного и упорядоченного предметного мира. Покидающий родительский дом человек, как правило, забирает не только свои личные вещи, но и вещи общего пользования, поскольку он еще не успел обзавестись своими собственными необходимыми в быту вещами. Таким образом, происходит перераспределение предметного фонда семьи. «Доля», которую выделяют уезжающему, в каждом случае зависит как от материальных возможностей семьи, так и от индивидуальных предпочтений переезжающего: *«Мама сразу собрала мне и сестре необходимые вещи: одежду, посуду, даже мебель, чтобы мы ни в чем там не нуждались. Отдали старый маленький телевизор, много посуды (кастрюли, тарелки, сковородки, вилки,*

ложки, чашки, чайник), спальные принадлежности, покрывала, все то, что бы пригодилось в быту» (Информант 54); «Студенту что надо, в принципе, – где поспать. Ну, мебель-то там была кое-какая. Ну и, в основном, это такая утварь, наподобие, там кастрюлю мама выделила, сковородку, утюг. Из вещей так-то вот, именно такое необходимое, плюс одежда» (Информант 41).

В процессе переезда некоторые вещи получают «вторую» жизнь. Например, то, что давно хранилось в гараже, сарае (даже были случаи, когда вещи приносили с помойки) отдают отделившимся детям, ссылаясь на то, что за неимением и это сойдет на первое время: *«Когда я поехала в студенчестве, он <дедушка – О.С.> мне нашел там батарею, ну, обогреватель. Грубо говоря, это получается, с помойки было притащено. Ну, он там как-то еще отремонтировал. Утюг, например. То есть не пришлось специально это покупать. Для студентки – ладно сойдет. То есть обогреватель, утюг он как бы притащил. И тут не поспоришь, что, вроде, как полезная вещь» (Информант 41).*

Как показало исследование, в процессе переезда семейные вещи могут менять и часто меняют свой статус. Предметы быта, которые до этого использовались в чисто утилитарном назначении или выполняли декоративные функции, могут стать семейными реликвиями: *«Я из родительского дома забрала салфетки связанные крючком. <...> У родителей они просто пылились, а у меня они хранятся с трепетом. <...> Забрала как память о маме, чтобы сохранить, так сказать» (Информант 55).*

Как правило, символическая значимость вещи тем более возрастает при переезде, чем дальше расстояние или четче граница, разделяющая родственников. Одно дело – переезд в пределах области, другое – эмиграция в дальнюю страну. Этнические мигранты, проживающие в городах Кольского Севера, отмечали, что привычные для них в быту вещи в новой, иноэтничной среде становились больше чем просто бытовыми предметами. Они напоминали о родине, оставленном образе жизни, о людях, приходивших в их дом, и о многом другом, то есть становились коммеморативными вещами.

Покидая родительский дом, дети часто забирают безделушки (статуэтки, игрушки и т.п.) родственников, «чтобы меньше скучать по дому и близким». Если до отъезда такого рода вещи служили для создания уюта или использовались в других целях, то теперь они начинают выступать также в роли коммуникантов: *«Когда я переезжала в Петрозаводск, я брала с собой ведро, кастрюльку маленькую, ну вот такую, абсолютно что-то такое бытовое, исключительно для того, чтобы пользоваться этим в бытовых же целях. Но там, в общежитии, статус этих вещей изменился. Может еще, поэтому я потом по ним так скучала, они напоминали о доме, и как-то я их очень берегла. Ими приятно было пользоваться, потому что это было что-то свое, родное. Плюс я помню, в общежитие забирала много маминых вещей, которые она еще в молодости носила, ну, там какие-то кофточки, шарф. Они сами по себе мне очень нравились, плюс опять же связь с домом, с матерью. И потом мне все это пришлось оставить, и все это долго вспоминала»* (Информант 3). Обычно старые вещи или безделушки в родительском доме считаются «захламляющими» пространство, их периодически хотят выбросить, но по каким-либо причинам «жалеют». Когда отъезжающий перевозит их на новое место жительства, еще необжитое, такие предметы начинают восприниматься иначе, служат для «связи» со старым домом и «одомашнивания» нового, создавая ощущение комфортности.

Технологии обживания варьируются в зависимости от типа жилья. На съемной квартире решающим фактором является нестабильное положение проживающего (в любой момент могут попросить освободить жилье). Переезд в собственную новую квартиру сопровождается стремлением новоселов заменить старые вещи новыми, минимизировать присутствие старых вещей на новой квартире. В общежитие, напротив, забирают из дома то, что похуже. Переезд на новую квартиру нередко является поводом избавиться от старых и надоевших вещей. Для молодых респондентов характерна установка: «новая жизнь – новые вещи»: *«То есть, есть идея, что все вот въехать и начать пользоваться новыми вещами. Там сервиз, например, родители подарили. Есть там нераспечатанные пледы новые. Я их тоже здесь не пользую. Там какие-то кружки. Ну, в общем,*

посуда, вот такое. По идеи, в принципе, это можно было и тут использовать. Ну, почему то хочется переехать и все, и там начать этим всем пользоваться. Приберечь, так сказать. <...>. Мама мне, конечно, говорит, – “Что ты это бережешь? Начинай сейчас использовать!” – Но мы с ней спорили, говорю – “Нет, хочу въехать и там начать это пользоваться!”» (Информант 41).

Вещи, которые в прежнем доме имели свои определенные место и назначение, после переезда могут менять свои функции. В частности, ряд предметов из статуса семейных (которыми пользовались все члены семьи) переходят в разряд вещей индивидуального пользования; у вещей появляются «вторая» жизнь и новая история.

По рассказам информантов старшего и среднего поколения в их квартирах хранятся вещи, давно вышедшие из непосредственного употребления: старые уюты, сундуки, деревянные шкатулки и т.п. Для самих переселенцев они были обыденными и по мере роста благосостояния превращались в «старые» и «немодные». Переехав в город, переселенцы старались соответствовать городскому образу жизни и все чаще пользовались покупными вещами. В силу бережливости и дефицита вещей в советское время предметы, привезенные из деревни, не выбрасывались, а убирались «на всякий случай» в кладовки и на антресоли. Дети же бывших сельчан росли в то время, когда вещи ручного производства становились редкостью. Они смогли по достоинству оценить символическую, «историческую» (а, как следствие, возможно, и материальную) ценность предметов деревенского быта и постарались их сохранить.

Среди всего разнообразия вещей, функционирующих в семейном пространстве, можно выделить особую категорию, обозначенную нами как «демонстрационные» вещи. Это предметы, которые можно включить одновременно в разряд декоративных, но с оговоркой, что помимо функции украшать интерьер жилища, они используются с целью продемонстрировать «исторические корни» семьи, выразить локальную принадлежность. Такие вещи, особенно, если они имеют локальную и этническую специфику, выставляют в квартире на видное место. Обычно это разнообразные вышитые рушники,

салфетки, скатерти с характерным орнаментом. Это вещи, которые в прошлом использовались в повседневном быту, а позже их утилитарная функция заменилась на декоративно-демонстративную. Их смысл связан в том числе с прошлыми местами пребывания семьи, предков. Чаще «демонстрационные» вещи хранятся в семьях, в которых осознается культурная значимость сохранения традиций.

Обстоятельства вынужденного переселения, минимум вещей, вывезенных из деревни вследствие нищеты, молодой возраст большого числа мигрантов, низкая оценка всего «деревенского» – способствовали тому, что в современном городском быту северян практически отсутствуют деревенские вещи. Отдельные предметы такого рода есть во многих семьях, но они существуют в качестве реликвии, раритета (то есть исключения), искусственно вписываясь в городской интерьер. Несмотря на утверждения некоторых информантов о том, что они до сих пор считают себя деревенскими или помнят о своих деревенских корнях, сельский стиль жизни у этой категории людей сохраняется только в воспоминаниях, устных рассказах. Вещи деревенского быта становятся «излишними» в современной городской повседневности. Одни без жалости отправили такие вещи на помойку, другие «стыдливо» прячут их на антресолях и в шкафах «на всякий случай».

Сохранению «деревенских» вещей в городском быту способствует их мемориализация – превращение в семейную реликвию. Этот статус дает вещам новую жизнь и способствует их закреплению в городской среде. Семейная реликвия как предмет находится вне моды и вне среды. Вещи деревенского быта, если их сумели сохранить в городской семье, имеют большую вероятность стать семейными реликвиями. Люди, понимающие их ценность, намереваются передавать их из поколения в поколение. Как правило, предметы сельского обихода становятся мемориальными не у самих выходцев из деревень, а у их потомков. Для самих переселенцев такие вещи являются «обыденными», «скучными», «простыми», а для потомков они уже антиквариат, символизирующий другую эпоху. Кроме того, они могут служить средством

стилизации городского быта (создают сельский стиль городских квартир), то есть становятся частью презентативной культуры. В любом случае вещи, привезенные с малой родины вне зависимости от их статуса – являются ли они бытовыми или мемориальными, – служат своеобразным «мостом» между прошлым и настоящим местом проживания. Они способствуют сохранению и трансляции семейного знания, связывают членов родственной группы во времени и в пространстве.

Таким образом, перемещение вещей в процессе переезда актуализирует (обновляет, меняет) многие их смыслы, функции. Изучение трансфера вещей способствует выявлению основных историко-культурных типов вещевого поведения, среди которых: 1) универсальные, 2) долговременные и широко распространенные, 3) специфические для определенных историко-миграционных контекстов (ситуаций), типов перемещений, этнокультурных групп, семей и т.д.

ГЛАВА 4. СЕМЕЙНЫЕ ВЕЩИ В «НОВОМ ДОМЕ»

§ 4.1. Организация быта: социально-исторические и локальные контексты

Бытовые условия жизни переселенцев 1930-х годов были, безусловно, тяжелыми, многие из вновь прибывших жили в землянках, палатках, шалманах, в отсутствие какой-либо поселенческой инфраструктуры (см. Приложение, Рисунок 41–42). «Не хватало самого необходимого умывальников, столов, табуреток. В палатках попадалось до 40–50 человек. В землянках и бараках приходилось сооружать второй ярус – нары»²⁸².

В климатических условиях Крайнего Севера требовалось незамедлительное решение жилищно-бытовых проблем. Нельзя не отметить, что меры по их устранению принимались в достаточно короткие сроки, учитывая время и обстоятельства. «В конце 1931 года Хибинский Горсовет вместе с общественными организациями города начал поход за ликвидацию палаток и бараков путем форсированной отстройки 60 двухэтажных стандартных домов. В результате к лету 1932 года палатки уже насчитывались единицами, а к осени исчезли навсегда»²⁸³. В 1933 году был полностью ликвидирован временный жилой фонд (шалманы, землянки). На их месте появились стандартные и рубленые дома, началось строительство каменного фонда. «Но до полного благоустройства было далеко. Некоторые дома вскоре потребовали ремонта. Многие снимали углы, а семейные, имевшие жилье, часто жаловались на скученность, холод, отсутствие хорошего освещения»²⁸⁴. Обстановка жилищ рабочих (землянки, палатки, шалаши) была скудной.

На основе архивных источников нам удалось обнаружить информацию о первых впечатлениях вновь прибывших. Из воспоминания ветерана комсомола Хибин Л. Язева: «Вечером 8 ноября 1930 года мы выехали из Ленинграда и 9 ноября в часов 10 вечера прибыли в Хибины на разъезд Белый. <...>. Мы без

²⁸²ГОКУ ГАМО Ф.194. Оп.1. Д.8. Л.3.

²⁸³ГОКУ ГАМО Ф.194. Оп.1. Д.8. Л. 4.

²⁸⁴Саморукова А.Г. Мир женщины в истории Хибинского края (К 75-летию города) // III Ушаковские чтения: Сборник научных статей / Науч. ред. А.В. Воронин. Мурманск: МГПУ, 2006. С.144.

труда добрались до единственного в то время деревянного барака, это была приезжей. В приезжей было светло от керосиновых ламп “молния”, чисто и тепло»²⁸⁵. Впечатления по приезде на Север, несмотря на необжитость данной территории, были скорее положительными. В документальной повести Ю. Помпеева с характерным названием «Движение» также приведены свидетельства первопроходцев Хибин об условиях жизни приехавших покорять Север в 1930-е годы. Из воспоминаний А.Т. Медведевой: «Новые стройки всегда интересны, особенно в молодости... <...>. Десятого января тридцатого года я уже здесь на работу пошла. Палатки были, шалманы. Кто называл тряпочный поселок, кто ситцевый городок, кто как. Я в шалмане на месте брата спала, он раз в неделю спускался с горы. Воду кипятили, согреться можно было. <...>. Строили щитовые стандартные дома, в них – печки-голландки. Построить хотелось побыстрее, получше: жизнь-то была не очень теплая. Проснешься и ворох снега на постели, утром-то»²⁸⁶. Из воспоминаний М.А. Комиссарова, приехавшего в Хибин в 1933 году: «Сестра двоюродная тогда в отпуск примчалась, наговорила: с питанием на новостройке хорошо, с работой еще проще. <...>. Понравилось, что нет нищих и воров, крапивы и ворон, мух и слепней. Бараки казались прекрасными домами. Очередей за хлебом не было. <...>. Прежде чем выйти на улицу, надо было поутру вдвоем–втроем отжать плечами щель меж дверью и снежной толщей, заматавшей барак за ночь вровень с крышей. Затем уж, кто посильней, выползал в такую щель и прорывал лопатой тропу, чтобы выбраться на дорогу»²⁸⁷.

Труднее было тем, кто оказался на Севере не по собственной воле, а в результате репрессий. Большинство спецпереселенцев, заключенных, депортированных граждан различной этнической принадлежности были выходцами из сельской местности. В отличие от вольнонаемных, ссыльные и члены их семей были лишены многих социальных и материальных благ. Помимо того что у репрессированных отобрали практически все имущество, по прибытии

²⁸⁵ ГОКУ ГАМО Ф.194. Оп.1. Д.63. Л.10.

²⁸⁶ Помпеев Ю. Движение. Документальная повесть. Москва: «Издательство политической литературы», 1980. С. 26–27.

²⁸⁷ Там же, С.27.

на новое место они снова сталкивались с ущемлением своих прав – это касалось и жилищных условий, и заработной платы.

Отсутствие или нехватка теплых вещей – большая жизненная проблема и неперенный мотив рассказов о переселении, подчеркивающий тяжесть бытовых условий по приезде на Север: *«Маме было двадцать лет. В тридцать первом году в мае она сюда приехала – ни чулок, ни каких-то там рейтузиков, ничего не было»* (Информант 56). В этом отношении многие добровольные переселенцы из деревень ничем не отличались от спецпереселенцев. Из-за того что в деревне жили очень бедно, они приезжали почти без вещей и, подобно спецпереселенцам, вынуждены были жить в необорудованных бараках при отсутствии мебели. Единственное, что отличало добровольцев – это наличие прав и льгот, что существенно облегчало процесс адаптации. Проблема с одеждой решалась по-разному. По убеждению информантов на Севере всегда жили люди, отличающиеся добротой и отзывчивостью. Те, кто уже немного обжился, помогали приезжим прокормиться до первой зарплаты, а также с одеждой. Кто-то сам шил одежду, другим кое-что выдавали по месту работы.

Несмотря на все трудности, спецпереселенцы благодаря своему трудолюбию смогли обжиться и на Севере. Постепенно их восстановили в правах и разрешили уехать на родину, но большинство предпочло остаться. Показательным является рассказ молодого информанта, представителя семьи бывших раскулаченных: *«Вот, и даже так мне рассказывали, что многие, хоть и получили на несколько лет вот эти лишения, страдания, жизнь в шалманах и прочее, но как раз, когда они были восстановлены в правах, то они оказались в более выигрышном положении, чем жители села. Потому что здесь, на севере у них уже были паспорта. <....>. Сюда и поставки хорошие были и все. <....>. Но даже слышал такие истории, когда их восстанавливали в правах и говорили, что – “Все, вы свободны! Можете ехать обратно в деревню”, – многие говорили, что – “Нет, мы никуда не поедим, мы уже как бы здесь обустроились. Уже есть работа, есть какая-то стабильность, хоть какая-то”. – То есть может быть не все хорошо, не всегда зимой тепло, не всегда есть, что есть, но зато они*

знали, что всегда есть крыша над головой, хоть какая-то есть работа» (Информант 39).

Репрессированные постепенно смогли освоиться на новом месте, многие даже полюбили этот край, но сильная психологическая травма сохранилась. Обида на государство осталась на всю жизнь не только у самих спецпереселенцев, которые лишились имущества и родного дома, но и у их потомков. У этой категории переселенцев связь с малой родиной более выражена. Их дети и даже внуки росли на постоянных рассказах о том, где и как они жили до выселения, какой имели дом, какое большое хозяйство у них было и т.п. Спецпереселенцы не могли смириться с несправедливостью и, естественно, в семьях это эмоционально обсуждалось: *«Они все время вспоминали про свою деревню. Все время вспоминали! Я просто выросла на их воспоминаниях! Утром, днем и вечером об этом говорили! Я еще не успела побывать на их родине, а уже знала, как там что выглядит, какой был дом, какая река и так далее. Потому что была такая боль, такая рана нанесенная! Незаконно все это было сделано!»* (Информант 56).

Многим из тех, кто приезжал в послевоенные годы, приходилось жить в бараках и в так называемых «финских домиках», которые не отличались комфортностью. Но и такие условия жизни устраивали – главное, что была работа, не приходилось голодать. Многие с ностальгией вспоминают о тех временах, когда приходилось тесниться: *«Были сначала деревянные бараки, а потом кирпичные выстроили. <....>. Ой, Вы знаете, так хорошо было! Все были дружные! Не закрывали дома, все были такие дружные, как одна семья! Не то, что сейчас, все закроются по своим квартирам, и никто никого не знает»* (Информант 29); *«В шестидесятом году рассказывали, что жили в бараках, сразу в бараках, значит, наверное, пораньше – попозже. Назывался поселок “8-к” от типа домов, которые там строились. <....>. Я могу только рассчитать, потому что вот недалеко поселок Молодежный, финны строили домики, финские домики, в таком домике папа получил жилье. Папа работал уже у меня на ГРЭСе. Домики были очень уютные и рассчитаны они были на две семьи. То есть, это где-то было в шестьдесят девятом году. Условия были, конечно,*

замечательные! Во-первых, я могу уже по памяти рассказывать, это был камин, это была такая печь, она была выложена кафелем, было три огромнейших комнаты. <...>. Моим родителям здесь нравилось по сравнению, наверное, с теми условиями, из которых они уехали, то им нравилось все. Они с удовольствием здесь жили!» (Информант 31).

Жилищный вопрос в 1950–1960-х годах оставался достаточно сложным. В новых индустриальных городах Мурманской области, где строились крупные промышленные предприятия, основным типом жилья рабочих и служащих были бараки, общежития. Расселение из некомфортабельных бараков в благоустроенное жилье происходило очень медленно. Из директивных указаний ГУЛГМП СССР по производственным вопросам за 1953 год: «В связи с недостатком жилой площади и отсутствием возможности выделить отдельные благоустроенные комнаты для части молодых специалистов-одиночек было организовано благоустроенное общежитие молодых специалистов на 28 мест»²⁸⁸. Однако на практике эти общежития были не такими уж и «благоустроенными». Из директивных указаний ГУЛГМП СССР по производственным вопросам за 1953 год от председателя ЦК профсоюза И. Буслаева: «...проверка на месте показала, что Постановление выполняется неудовлетворительно, например: не принято мер к своевременному переселению рабочих и служащих из неблагоустроенных комнат, кухонь, красных уголков и т.д. в благоустроенные жилища, а переселено из 20 семей только 6. Не созданы надлежащие условия в общежитиях, где до сих пор нет сушилок, комнат хранения личных вещей, комнат гигиены и т.д.»²⁸⁹. Вот как объясняет сложившуюся ситуацию с жилищным фондом начальник комбината «Апатит» К. Васин: «В Главгорхимпром, а также Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР в партийные органы и редакции газет действительно поступает очень много жалоб от трудящихся комбината “Апатит” на то, что комбинатом не предоставляется многим остро нуждающимся рабочим и служащим благоустроенной жилплощади. Это происходит не потому,

²⁸⁸ГОКУ ГАМО Ф. Р. 179. Оп.1. Д. 2993. Л. 22.

²⁸⁹ГОКУ ГАМО Ф. Р. 179. Оп.1. Д. 2993. Л. 39.

что в комбинате нет надлежащего порядка в вопросе распределения жилплощади в работе КЖКХ и его органов, а является следствием того, что много трудящихся комбината проживают в домах каркасно-засыпного типа построенных в период 30–32 гг. Дома эти пришли в полную негодность и жить в некоторых из этих домов практически невозможно, а ремонтировать прогнившие развалины, ни с какой точки зрения нецелесообразно» (от 30 сентября 1953 года)²⁹⁰.

Интересные сведения о жилищно-бытовых условиях переселенцев уже постсталинского времени были найдены в рукописи З.К. Чирковой: «Вторая партия новоселов прибыла в новый поселок в июле 1956 года. Для них были приготовлены палатки. Но какие это были палатки! Дощатые плотные полы сверкали свежeweымытой желтизной, горячие бока железных печей источали приятное тепло. В палатках тоже стояли койки, заправленные простынями и одеялами, на столах лежали скатерти»²⁹¹.

В 1967 году за Мурманской областью был закреплен статус района Крайнего Севера. Тогда же для работавших в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям были установлены дополнительные льготы и надбавки с целью не только «заманить» переселенцев, но и удержать их здесь. «Немаловажную роль в обеспечении притока людей в область сыграли быстрое развитие социальной, в том числе коммунально-бытовой, инфраструктуры, относительно хорошее снабжение населения потребительскими товарами и, в конечном счете, комплексное совершенствование условий жизни. Особое влияние на показатель «приживаемости» новоселов имело то, что темпы роста благосостояния людей в Заполярье были выше, чем в среднем по Союзу. Достаточно сказать, что именно с районов Крайнего Севера всегда начинается ввод в действие разнообразных мероприятий, направленных на улучшение жизни советских людей»²⁹².

В целом переселенцы были довольны уровнем жизни на Севере. Здесь были хорошие заработки, различные льготы. По мере развития инфраструктуры

²⁹⁰ГОКУ ГАМО Ф. Р. 179. Оп.1. Д. 2993. Л. 96.

²⁹¹ГОКУ ГАМО Ф.194. Оп.1. Д.37. Л.101.

²⁹²Бойков В.Э. Кольский край: Цифры и факты. Мурманск: Кн. изд-во, 1983. С. 30–31.

население обеспечивали жильем (см. Приложение, Рисунок 43–44). По рассказам информантов можно заключить, что процесс бытовой адаптации на Севере оказался быстрым, несмотря на то, что переезд большинства из них был сопряжен со сменой не только территории, но и социально-поселенческой среды. Территориальной мобильности сопутствовала социальная: деревенские, малоимущие и «бесправные» (колхозники) становились городскими, обеспеченными и «свободными». Многие приезжали сюда практически «голые», а буквально через полгода – год уже и одеты были «по моде», и покупали какую-то мебель. Этому способствовали два основных фактора – высокая заработная плата и наличие товаров в магазинах, в то время как в деревнях люди не видели ни того, ни другого: *«Всю траву переели в деревне, вот такие голодные годы были. Пойдут люди на сенокос, а с сенокоса их уже везут, ноги распухнут у людей. Работали–работали, а даром! Ничего не заработали, не давали ничего!»* (Информант 57).

Со сменой среды – деревенской или городской – меняется семейный и индивидуальный быт. Вместе с тем процесс этот неоднороден, его темпы во многом опосредуются возрастом, материальными возможностями недавних переселенцев, а также субъективными причинами. Одни сразу стремятся стать и, главное, выглядеть горожанами, у других либо переживание этого статуса ослаблено, либо сама демонстрация его вызывает отторжение. Представители первой категории, прожив даже непродолжительное время в городе, полностью отторгают деревенский образ жизни. Одна из информантов рассказала о своей знакомой, которая, узнав о том, что та едет на лето в деревню, очень удивилась, как можно даже несколько месяцев провести в деревне, где нет комфортных условий. Сама она в недавнем прошлом переехала из деревни: *«Она мне говорит – “Как ты поедешь в деревню? Как ты сможешь там жить? Там же нет никаких условий? Там только все лето уйдет на уборку. Будешь на речку ходить горшки чистить?”*, – а я ей говорю – *“А давно ли ты стала городская?”»* (Информант 58). В контрпозиции выступают те, кто признает, что, несмотря на то, что всю жизнь прожил в городе, переехав сюда детьми, остается полностью деревенским

человеком: «Мы до сих пор остались “деревенскими”! Сколько лет прожили в городе, но мы до сих пор “деревенские”!» (Информант 59). В подобных высказываниях звучит, скорее, утверждение «сельских ценностей», связанное с самоидентификацией выходцев из деревни, которая опирается на семейную память, включающую любовь родителей (предков) к земле и отождествление с «малой родиной». В то время как в быту представители этой категории информантов полностью придерживаются городского стиля жизни.

Стремление выходцев из деревни следовать городской моде в одежде и в интерьере соответствовало возросшему материальному благосостоянию новых горожан. Одновременно усиливалась стандартизация образа жизни, которая разрушает традиционный уклад: «...город как средоточие “современного”, “западного” образа жизни, как воплощение “западных” ценностей оказывает разлагающее влияние на традиционную культуру»²⁹³. Способы организации городского жилья (пространства городской квартиры) должны были сформировать у деревенских жителей соответствующий стиль жизни и отучить от деревенских привычек. «Городское жилье должно было, что называется, “переплавить” деревенских жителей в городских»²⁹⁴.

Как отмечалось, с конца 1980 – начала 1990-х годов в Мурманской области наблюдается приток людей из стран бывшего СССР (представителей различных этнических групп). Для того чтобы переселенцы в другой стране могли чувствовать себя достаточно комфортно и обеспечить себе достойный уровень жизни, им, в первую очередь, необходимо иметь жилье и трудоустроиться. Те мигранты, которым удалось выгодно продать свое жилье, смогли приобрести недвижимость в Мурманской области. Другим приходилось первое время жить у родственников, в общежитиях или снимать квартиру. Информанты отмечают, что в первое время тяжело было найти хорошую работу. Причины указываются разные: одни долго не могли получить гражданство, другие чувствовали к себе

²⁹³ Левинсон А. Традиционные ценностные системы и город // Опыт социологии: Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 15.

²⁹⁴ Богданова Л. Антропология деревенской двухэтажки, или к вопросу о неудавшихся проектах власти. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indepsocres.spb.ru/doma.rtf> (дата обращения 3.05.2014).

«неприятное» отношение на национальной почве. Проблемы с работой и жильем были дополнительным стрессовым фактором в процессе адаптации, поскольку некоторые приезжали практически без имущества, в то же время требовались большие средства на приобретение вещей первой необходимости: *«В бытовом плане трудно, конечно, было поначалу. Ну что вот мы приехали, у нас только всякое тряпье такое, а существенного ничего. То есть ни мебели, ни посуды. Поэтому сын наш, когда квартиру купили, один здесь поначалу жил. И ремонт делал и жил. Здесь спать даже негде было – ни кроватей, ни стульев, ни столов – ничего!»* (Информант 38, страна выезда – Таджикистан).

Были ситуации, когда приезжие не могли получить переправленные ими вещи из-за путаницы в документах: *«... когда мы сюда приехали, так еще получилось, что не дали нам контейнер. Не дали контейнер, так как сказали, вы граждане Узбекистана. <...>. Мы на фамилию моего брата контейнер отправляли, а у меня фамилия другая. И нам контейнер этот хотели спустить с молотка. Вообще не хотели нам давать, так как я отправитель, – тут же я его получаю по своей фамилии . <...> Везде опять завязки, везде опять блат, опять деньги выручили. Платили деньги бешенные. И в итоге все эти тряпки мы потом выкинули на мусорку, потому что это все нам оно не пригодилось»* (Информант 22, страна выезда – Узбекистан). Одежда, которую привезли с собой этнические мигранты, оказывалась неуместной в холодном северном климате. Переселенцам приходилось полностью менять гардероб, что также требовало больших затрат: *«Так что так вот и получается, приехали, а носить нечего. А здесь все такое дорогое! Это надо было на всю семью одних только дубленок и курток сколько купить, можешь себе представить! А обувь, сколько обуви теплой надо! Я уже не говорю про шапки и шарфы, и все остальное»* (Информант 38, страна выезда – Таджикистан).

В связи с тяжелым материальным положением не все могли себе позволить сразу приобрести самое необходимое, даже теплую одежду. По этой причине первое время приходилось ходить в том, что было: *«Это был двухтысячный год. Было очень холодно, а все приехали в курточках, в кофточках, потому что*

хороших курток не было одеть, ничего не было. Даже не первое сентября пошли в кофтах, хотя был дождь и холод. Потом правда, когда я уже с вахты приехал.... Ну работал в лесу, с вахты приехал, хорошо сразу перевели деньги мне все, зарплата была. Мы сразу же в этот же день пошли в магазины, сразу покупать сапоги, куртки, потому что климат совсем другой и холодно очень» (Информант 24, страна выезда – Казахстан); «Мама ночами плакала, но старалась нам этого не показывать. Она очень переживала. По возможности собрала нас в школу – купили, что смогли. Верхней одежды у нас не было, поэтому ходили в школу в кофтах» (Информант 60, страна выезда – Казахстан).

Некоторым переселенцам не хватало средств даже на питание, не говоря уже о теплых вещах, без которых на севере не обойтись: *«Первое время в Мончегорске мы жили очень плохо, денег вообще не хватало, несмотря на то, что родители работали. Мы вообще ничего не покупали. Первое время практически не было еды, чтобы покушать - ели только один рис, другие излишества не могли себе позволить. Из одежды вообще ничего не покупали» (Информант 60, страна выезда – Казахстан).*

Справиться с материальными трудностями некоторым мигрантам активно помогали родственники, которые приехали в Мурманскую область несколько раньше и успели обустроиться, решить проблемы с жильем и работой: *«Мы приехали сюда без денег! Нам помогал брат. Тетради, ручки все покупал нам брат. Одежду покупал нам брат, которая здесь на севере нужна, а не извините, как объяснить... Ужасная была проблема! Потому что там все лето, там зимы нет как таковой, у нас сарафаны, которые носить ни к чему здесь» (Информант 22, страна выезда – Узбекистан).* Однако и родственники не всегда были готовы помогать приехавшим вслед за ними: *«Папин брат, несмотря на то, что занимался бизнесом, даже ничем не помог, хотя видел нашу ситуацию» (Информант 60, страна выезда – Казахстан).*

По словам информантов из числа этнических мигрантов, им понадобилось достаточно долгое время, чтобы после переезда «прийти в норму», улучшить материальное положение, обустроить и наладить свой быт. Одна из информанток

на вопрос о том, может ли она считать на сегодняшний день свой быт налаженным, отвечает: *«У нас сейчас налаженный, да. Но это сколько лет прошло – двенадцать лет почти прошло! За двенадцать лет мы только на ноги встали! Двенадцать лет мы мучились!»* (Информант 22, страна выезда – Узбекистан).

Роль вещей очень важна в процессе адаптации к новому месту. Наличие ценных в материальном отношении предметов дает основание переселенцам чувствовать себя более или менее экономически защищенными, а наличие теплой одежды позволяет достичь физического комфорта в условиях Крайнего Севера. Как известно, для успешной адаптации мигрантам необходима помощь государства, толерантное отношение принимающего населения, занятость в сфере труда и т.п. Это обязательные условия для социальной адаптации, включения в социальную среду. Но для того чтобы переселенец чувствовал себя комфортно и мог сохранять свою этническую идентичность, ему необходимо хотя бы частично воспроизводить привычный образ жизни, в том числе быт.

§ 4.2. «Вещи первой необходимости»: категоризация, отбор, функционирование

Одной из наших задач было рассмотреть, каким образом переселенцы осваивают новое жилое пространство, организуют его с помощью вещей. Вопросы касались того, какими предметами, способами, в какой последовательности, в какие сроки и под влиянием каких обстоятельств обустроивается новое жилище.

Как отмечалось, переезды сопряжены с тем, что индивид попадает в новое или ранее освоенное другими («чужими»), пустое или чем-то заполненное пространство. Например, на съемной квартире может присутствовать мебель, но само помещение не обжито человеком, который в него попадает, в расположении вещей еще нет собственного установленного порядка. Во всех случаях место предстоит освоить и (пере)организовать. Первостепенный интерес здесь представляет сам процесс освоения необжитого места и все сопутствующие ему трудности, которые касаются отсутствия достаточного пространства,

избыточности или нехватки вещей, проблемы приобретения нужных предметов и т.д. (см. Приложение, Рисунок 45).

«Первое время» – начальная стадия обживания, сроки которой варьируются. На этом этапе обустройства присутствуют предметы «первой необходимости». Естественно, что в разные исторические периоды и комплект необходимых личных вещей, и представления о самом необходимом различны. Каждая эпоха характеризуется определенными практиками оформления жилого пространства. На основе имеющихся исследований жилой среды и повседневности советского и постсоветского времени²⁹⁵ и сопоставления данных можно сделать предварительный вывод: набор самых необходимых бытовых вещей не изменился по существу, несмотря на то что современные квартиры, в противовес типичному и однообразному советскому жилищу, отличаются интерьерным разнообразием. Меняются оценки внешних свойств вещей, что связано с модой и новыми технологиями. То же касается типов отношения к новому жилому пространству и вещам. Будучи подвержены постоянной динамике в разной степени в разной социальной среде, они являются во многом универсальными.

У каждого человека есть свое представление о комплекте самых необходимых вещей. В современном городском быту количество таких вещей постоянно увеличивается. Еще в советское время многим было достаточно телевизора, стола, холодильника и кровати, а сейчас большое число людей не могут представить своей жизни без компьютера, микроволновой печи и т.п.

Согласно исследованию Е. Дейхиной типичная советская квартира выглядела следующим образом: обязательными элементами жилого пространства считались диван, кресла, журнальный столик, стенка, телевизор²⁹⁶. Можно сказать, что комплект обязательных вещей существенно не изменился и в наши

²⁹⁵ Долгой В.М. Городской образ жизни и жилая среда // Социальные проблемы жилища: сб. науч. сообщ. / под. ред. А.Г.Харчева. Л.: ЛенЗНИИЭП, 1969. С. 85–94; Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX - начало XX вв.). М.: «Наука», 1971. 288 с.; Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М.: «Наука», 1977. 359 с.; Шпаковская Л. «Мой дом – моя крепость». Обустройство жилья нового среднего класса // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография. / Под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх, Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 222–261.

²⁹⁶ Дейхина Е. От ремонта к созданию интерьера: преобразование персонального жилого пространства в советской и постсоветской России // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 79.

дни. К нему добавился компьютер (ноутбук), в то время как стенка потеряла свою актуальность, по крайней мере, для современной молодежи и части информантов среднего возраста.

При всем том, что у разных индивидов и семей список необходимого варьируется, однако есть некое общепринятое (усредненное) представление о том, что в обязательном порядке должно присутствовать в быту для удовлетворения основных потребностей. На сегодняшний день в жизни представителей молодого поколения компьютер занимает более значимое место, нежели телевизор. Прежде всего это связано с возможностями Интернета. Имея компьютер (ноутбук), сегодня можно работать и учиться, слушать музыку, смотреть фильмы и общаться в социальных сетях. Компьютер постепенно вытеснил музыкальные центры, видеомэгафтоны (DVD-проигрыватели) и т.п. из быта молодежи: *«Без компьютера и мобильного телефона сегодня никак нельзя обойтись, без всего остального – можно. Ну, если, конечно, ты живешь на необитаемом острове, тогда и без них можно обойтись»* (Информант 1). Обратим внимание, что даже в таком категоричном утверждении признается относительность потребности в вещах первой необходимости. Конечно же, телевизоры остались в быту. У всех наших информантов дома есть телевизор, только отношение к этому виду техники изменилось. Информанты не делают акцент на этой вещи. Можно также отметить, что для одной категории молодых людей современная бытовая техника (микроволновые печи, кухонные комбайны и т.п.) является неотъемлемым атрибутом обустроенного быта, поскольку облегчает его, а другие считают ее роскошью и покупают такого рода вещи по мере появления лишних средств: *«У меня вообще понятие хорошей квартиры складывается из трех пунктов: хорошая ванная комната, море техники на кухне, огромная кровать»* (Информант 61); *«Самые необходимые вещи <....>. Ну, как говорится, на чем спать и на чем есть – диван, кровать и стол, стул обязательно для начала. А дальше по мере возможности, бытовая техника»* (Информант 62).

Такие обязательные предметы быта, без которых невозможно представить повседневность горожанина, как раковина, ванна, унитаз, плита, вообще не

упоминались информантами. Вероятно, они воспринимаются как неотъемлемый элемент жилища, что-то само собой разумеющееся. Один из информантов, перечисляя необходимые с его точки зрения в быту вещи, задал вопрос: *«А о плите и раковине надо говорить, или и так понятно?»* (Информант 63). Как известно, повседневность не рефлексруется. Мы замечаем ее, когда происходит какое-то событие, которое не укладывается в рамки повседневного. Так же обстоит дело и с вещами. Привыкая к комфорту, люди постепенно перестают осознавать, какую огромную значимость они имеют в повседневной жизни, быту. Пока не сломаются холодильник или плита, можно их не замечать, особенно это характерно для молодежи. Если спросить у молодого человека, который живет с родителями в комфортных условиях, при наличии всего необходимого для удовлетворения бытовых потребностей, какие вещи для него наиболее значимы, вряд ли он скажет, что это плита, раковина и т.п. *«Интерес к вещам обычно наблюдается тогда, когда их не хватает и их знают наизусть, или тогда, когда их слишком много и они становятся агрессивными, надвигаясь на человека со всех сторон»*²⁹⁷.

Некоторые молодые люди очень хотят как можно быстрее уйти из родительского дома и начать самостоятельную жизнь, поэтому бытовая неустроенность их не пугает: *«Там вообще ничего не было! И мне мебель даже не отдавали, то есть сказали, что нету ничего. А, кстати, первую ночь, я ушла как только получила ордер, я ушла сразу из дома, и первую ночь я спала на полу на грязном»* (Информант 20). Желание уйти из дома и жить самостоятельно может оказаться сильнее, чем опасение бытовой неустроенности. Спать на полу, но зато чувствовать себя самостоятельным, независимым от родителей.

Молодежь легче адаптируется на новом месте. Она лабильнее и менее привязана к вещам, чем к увлечениям: *«Это было очень смешно! <...>. Был матрас, и он стоял на кирпичках вместо ножек. А первое, что мы купили – это был магнитофон»* (Информант 23). Молодые люди (молодожены, студенты),

---

²⁹⁷ XX век: Эпоха. Человек. Вещь (От составителя) // Сборник статей. Составитель Соснина О. М. Новый индекс, 2001. С.10.

которые не имеют возможности приобрести собственное жилье и поселяются либо в общежитии, либо на съемной квартире, переезжают поэтапно. Из родительской семьи выделяется набор вещей, которые считаются самыми необходимыми для начала самостоятельной жизни. Следует отметить, что, даже если у семьи есть возможность отдать большое количество вещей переезжающему, он сам часто берет только то, что считает крайне необходимым. С одной стороны, это связано со стремлением к минимализму, которое отличает многих представителей молодежи. С другой стороны, такое поведение касается, прежде всего, временного жилища и продиктовано его восприятием. На реализации данной модели сказывается тип нового жилища: как правило, это общежитие или съемная квартира, которые чаще не воспринимаются как «дом», в связи с чем не считается нужным приобретать предметы мебели. Дополнительным обоснованием минимализма является «ненадежность» съемного жилья и вероятность частой его смены. По этой причине молодые люди не считают нужным приобретать какие-либо предметы мебели (особенно громоздкие), пока не появится своя квартира. Эта модель поведения характерна для иногородних студентов, которые забирают с собой из родительского дома только личные вещи: одежду, компьютер (ноутбук) и предметы исключительно символической значимости (детскую игрушку, сувенир, талисман и т.п.). При частых переездах, чем меньше вещей приходится перевозить, тем легче передвижение. Бытовые потребности на новом месте удовлетворяются чужими вещами, поэтому предпочтительна минимально меблированная съемная квартира: *«Здесь ничего моего нет, я же снимаю. Здесь только мой компьютер из мебели»* (Информант 1). Съемное жилье ассоциируется с нестабильным положением. Одна из информантов высказала мысль, что: *«жить на съемной квартире, это своего рода, одно и то же, что постоянно сидеть на чемоданах»* (Информант 19).

«Вещный» минимализм не означает отсутствия потребности в тех или иных предметах быта. Выстраивается иерархия потребностей, в которой есть приоритеты, и она соответствует этапам обживания нового пространства: *«Много чего не хватает. У меня вот люстры нет. Но у меня сейчас главное задача стол*

купить, письменный! Потому что ребенок в школу пойдет. Ну, так много чего надо, обустроиваться. Жизнь как с нуля начинается!» (Информант 4); *«Хочу ковер, чтобы не ходить по голому полу. Естественно пылесос, чтобы его чистить. И столик нужен какой-то маленький журнальный, чтобы можно было вот на нем кушать. Потому что приходят гости, и все-таки за компьютерный стол их не усадишь»* (Информант 20). Предметы быта приобретаются по степени необходимости: сначала самое нужное (кровать, стол, холодильник), а затем все остальное (для уюта, эстетики).

В ситуации, когда молодые люди въезжают в собственную квартиру и им позволяют средства, покупается новая мебель (в том числе громоздкие предметы интерьера). Если такой возможности нет, то на первое время вывозят из родительского дома старую мебель и бытовые предметы, которые могут выделить родители. Родители, в свою очередь, по мере финансовых возможностей пытаются помочь детям приобрести необходимые вещи.

Другой случай, когда родители не имеют экономической возможности обеспечить детей вещами первой необходимости. Отсутствие средств заставляет делать выбор в пользу самых дешевых вещей или использовать «заместители», которые есть в наличии: кастрюлю в роли чайника и кофеварки, телевизор в качестве стола, тумбочки и т. п. Вещь используется (1) в функции другой – в соответствии с ее свойствами, формой или (2) в «забытой», реликтовой функции. Такая практика универсальна для малообеспеченных семей, в советский период она являлась и следствием дефицита. Данный опыт может передаваться старшими поколениями в семьях, а может и приобретаться самостоятельно в результате адаптации к соответствующим условиям жизни. При покупке новых вещей предпочтение отдается тем, которые могут использоваться в нескольких функциях: диван предпочтительнее кровати – на нем можно и спать, и рассадить гостей. На раннем этапе обживания исключается функциональное разнообразие столов. Фактором минимализма и предпочтений в пользу раздвижной, разборной мебели является и отсутствие достаточного пространства.

В процессе обустройства меняются представления о самых необходимых вещах, поскольку в «переходной» ситуации повседневность начинает рефлексироваться.

В быту человек свободен в выборе, он может формировать свое вещное окружение в зависимости от индивидуальных предпочтений. Но помимо личных притязаний существуют и общие тенденции организации жилища. Каждый период истории характеризуется определенными эстетическими нормами, модой, традициями, некоторыми бытовыми практиками и практиками оформления окружающего пространства²⁹⁸. За весьма короткий срок появилось огромное количество вещей, о которых советские люди не имели представления. «Все, что касается типичности современного жилья, связано с появившимися на российском рынке новинками, которые облегчают быт людей и в то же время делают квартиру более уютной и красивой. Это пластиковые окна, встроенные шкафы-купе, приобретение большого количества бытовой техники и пр.»²⁹⁹. Но если говорить о самых необходимых бытовых вещах, то здесь практически все остается по-старому. Меняются лишь внешние свойства вещей, что связано с модой, новыми технологиями. Вещи советского времени и по своим внешним свойствам, и по качеству существенно отличаются от современных вещей. Как в культуре в целом, так и в интерьере любой эпохи наблюдается сочетание «нового» со «старым». Устаревшие советские вещи встречаются почти в каждом доме (квартире). Одни просто присутствуют как память о родственниках, другие продолжают выполнять утилитарные функции. Некоторые владельцы используют устаревшие вещи, не имея возможности приобрести новые. Как только возможность появляется, старые вещи заменяются современными. При этом старые советские вещи, если они не потеряли своих потребительских свойств, стараются все же не выкидывать, а перевезти в гараж или отдать знакомым.

---

²⁹⁸ Дейхина Е. От ремонта к созданию интерьера: преобразование персонального жилого пространства в советской и постсоветской России // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 83.

²⁹⁹ Гурова О. От бытового аскетизма к культуре вещей: идеология потребления в советском обществе. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/316/687/1219/razdel_1.pdf (дата обращения: 13.10.2014).

Таким образом, можно выделить основные типы вещей, которые используются при организации пространства на новом месте жительства. Эти вещи помогают освоить необжитое помещение, удовлетворить материальные и духовные потребности в быту. Первый тип условно обозначим как «старые» / «новые» вещи утилитарного назначения (мебель, техника, посуда и т.п.). Под «старыми» вещами имеются в виду бытовые предметы, которые переезжающий забирает с прежнего места жительства. «Новые вещи» приобретаются непосредственно после переезда. Их назначение – удовлетворять бытовые потребности. Второй тип можно обозначить как «символические вещи». Это предметы, удовлетворяющие духовные потребности. Главная роль таких вещей – сделать неосвоенное пространство обжитым, «своим». Здесь существенным является культурно-психологический фактор. Третий тип образуют «чужие» вещи. Чаще всего эта группа вещей встречается при проживании на съемной квартире, в которой что-то оставили хозяева, и в основном он представлен предметами первой необходимости (мебелью и техникой). Они помогают удовлетворять собственно бытовые потребности. В отдельный тип можно выделить вещи «общего пользования». Это предметы, которыми пользуются члены семьи, несмотря на то, что проживают они раздельно. Так, например, одной из вещей общего пользования при раздельном проживании членов семьи может быть стиральная машина. Отделившиеся дети продолжают пользоваться ею, даже если не живут с родителями в одном городе: *«Сейчас есть машинка. А тогда, как бы, с этим проблем не было. Потому что каждые выходные папа с мамой приезжали. И то есть они привозили чистое. <....>. Вот, то есть, постельное белье, какие-то верхние вещи. <....>. А грязное увозили на машине. <....> Ну, и плюс у меня хозяйка еще была хорошая. У нее своя стиральная машинка была. Ну, и девчонки, которые здесь жили, они тоже говорили: «Если что, приходи, у нас эти, автоматы стоят»* (Информант 19). Нередко вещи периодически переносятся из одного дома в другой, становясь предметами общего пользования в разных местах жительства: *«Они мне отдали потом обогреватель. Ну, я им иногда отдаю его, когда им зимой бывает холодно, я им отдаю»* (Информант 20).

Молодые люди стараются не обращаться за помощью к родственникам, или лишь в самых необходимых случаях; из ориентационной семьи отбирается самый минимум предметов: *«Хочется стиральную машинку, да. Потому что в общежитии ничего не постирать толком, то есть, это, у меня фактически есть раковина. Больше ничего. Негде сушить. Иногда что-то я отдаю маме, у нее есть стиральная машинка. Допустим, постельное белье, какие-то одеяла, она мне может постирать сама. Там, одеяла и покрывала еще стирает. Вот, а свои какие-то вещи в основном я стираю. <...>. Ну, там есть тазичек, я в нем стираю. <...>. Стараюсь как можно меньше обращаться за помощью к маме»* (Информант 20).

§ 4.3. Вещь как средство адаптации семьи на новом месте жительства

Переезжая на новое место жительства, люди сталкиваются с трудностями, которые связаны с восприятием нового места как «необжитого» или «чужого». Приходится заново создавать свой дом и привыкать к нему. Если переезды случаются часто, такое восприятие, либо становится дополнительным стрессовым фактором, либо, наоборот, притупляется и исчезает (формируется модель «дом там, где я в данный момент»): *«Я очень долго привыкаю к новому месту жительства, к необычной расстановке вещей. Но один раз переставив мебель по своему вкусу, не меняю ничего вплоть до следующего переезда. Я не смогла жить в общежитии именно по этой причине. Для меня хуже нет, когда в одной комнате четыре девушки, у каждой свои вкусы, свои притязания на расстановку мебели и компромисс найти сложно. Особенно меня раздражало, когда брали и пользовались моими вещами, опять же постоянно все передвигая»* (Информант 64); *«Я люблю, когда в доме порядок и все лежит на своих местах. <...>. После переезда долгое время не могли ничего найти, забывали, где что лежит. Все это меня просто настолько выбивало из колеи, что руки просто опускались, и ничего не хотелось делать»* (Информант 2). Как видно, перемена в расстановке вещей приводит к психологическому дискомфорту. Человек рассматривает предметное окружение не только как средство обеспечения функциональных процессов, но и

как необходимую индивидуальную сферу, связанную с особенностями и своеобразием его личности.

Необжитое пространство воспринимается как «чужое», «холодное», «неуютное». Старые вещи помогают сделать пространство более привычным и освоенным. По этой причине многие, переезжая на новое место жительства, забирают с собой личные вещи, которые имеют символическую значимость: *«Забирали всякие безделушки, да, хотя муж ворчал, что не надо захламлять новую квартиру. Не знаю, как это объяснить, но мне было бы как-то не по себе, если бы пришлось жить среди всего нового и незнакомого»* (Информант 65); *«Также тетрадки, всякие заметки, грамоты и так далее, все. То есть все, что было моего со школьной скамьи, все я перевезла в Апатиты, фактически. <...>. Там свои маленькие альбомчики, знаешь, такие открытки, подарки, это тоже, все это было со мной. <...>. И вот эти милые подарки – милые воспоминания»*. (Информант 20); *«Муж не понимает, зачем я все эти мелочи и барахло привезла. Но я не могла их не забрать. <...>. Когда смотришь на все эти безделушки, как будто друзья рядом и все по-старому»* (Информант 14). По мнению информантов, такого рода вещи, несмотря на всю их бесполезность, помогают меньше скучать по дому, оставленным друзьям, не чувствовать себя одиноким на новом месте – то есть они связывают с прежним местом жительства и выступают в функции коммуникантов. Для успешной адаптации надо, чтобы «свое» было при себе. Фактически при переезде выделяется собственная «доля» из совокупности семейных вещей. Ритуальную параллель представляет перераспределение «доли» в обрядах жизненного цикла человека с целью стабилизации кризисной ситуации, обеспечения благополучного перехода³⁰⁰.

Как подтвердило исследование, молодежь легче адаптируется на новом месте. Однако встречались случаи, когда молодые люди устраивали в своей квартире «музей» памятных вещей, храня разнообразные безделушки, а также вещи родственников. Закономерно, что люди среднего и пожилого возраста чаще

---

³⁰⁰Седакова О. Тема «доли» в погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). М., 1990. С. 54–63.

воспринимают вещи как часть своей биографии. Наживание имущества – это важная линия прожитой жизни: история того, как зарабатывалось имущество, как оно «доставалось» и т.п. Вещи дают спокойствие, ощущение стабильности. Этот «механизм защиты вещами в повседневной практике пожилых людей» подробно проанализирован М.Э. Елютиной³⁰¹.

Исследование показало, что переселенцы привозят с малой родины вещи различного типа. Это предметы повседневного быта (одежда, посуда), семейные фотографии, «реликвии» и другие разновидности памятных вещей, которые ассоциируются с «частью родового дома», его историей, а также с историей места, где он находился или еще находится. Обращаясь к той или иной вещи, обязательно вспоминают, откуда или при каких обстоятельствах она была привезена: *«Этот сервиз привезен мной из Краснодара еще. Забрала я ее в память о родителях»* (Информант 51). С помощью такого рода вещей конструируется память о родственниках, событиях семейной истории.

К бытовым вещам, привезенным информантами или их предками с малой родины, относятся текстильные изделия (платки, полотенца, скатерти), посуда и кухонные принадлежности и даже «орудия труда» (прялки, веретено). Одни используют их по прямому назначению, другие просто хранят в память о родителях и их происхождении. Обращает на себя внимание интересный факт. Как правило, у самих переселенцев – людей старшего поколения – таких вещей практически не сохранилось, зато у их детей они хранятся с почетом: *«Ой, у меня уже ничего такого не сохранилось, что из деревни привозили. <...>.Что-то я выкинула, потому что вид уже потеряли, а что-то дочка моя забрала, ей нравятся мои старые вещи»* (Информант 59); *«Может где-то какие-то полотенца вышитые и лежат, а так ничего не сохранилось уже. <...>.Это надо моих детей спросить, они, когда переехали какие-то вещи припрятали у себя»* (Информант 29); *«У меня дома хранятся мамыны платки, шали ручной работы. Я их у нее забрала и привезла сюда, когда уезжала из деревни»* (Информант 58).

---

³⁰¹Елютина М.Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 101–109.

Перевезенные с родины бытовые предметы позволяют меньше скучать по оставленному дому. Благодаря им в жизни переселенцев символически (метонимически) присутствуют и часть дома, и часть малой родины.

Переезд из «инонациональных» регионов представителей этнических культур – особый случай. К обязательным условиям успешной социальной адаптации этнических мигрантов относится постепенная трансформация материально-предметной среды жизни на новом месте. Как отмечалось, для того чтобы переселенец чувствовал себя комфортно и мог вести привычный образ жизни, ему необходима соответствующая материально-бытовая среда. Ее созданию способствуют привезенные «национальные» вещи (одежда, посуда): *«Мне приятно пить чай не из кружек там разных, а из пиал. <...>. Готовить на сковороде, например, мне не очень удобно. Хорошо, что есть у нас казаны – и маленький, и большой»* (Информант 10). Посуда для приготовления пищи относится к предметам первой необходимости, и ее использование на новом месте можно считать элементом бытовой адаптации: *«Мы привезли с собой казан и мантушницу. <...>. Потом узнали, что и здесь можно было их приобрести, но ведь отец боялся, что мы здесь купить не сможем»* (Информант 10).

Чем южнее регион выезда, тем большее значение для переселенцев имеют климатические различия, тем более экзотичным оказывается Север: *«Привезла с собой из Таджикистана всякие платья, сарафаны. Очень много у меня красивых летних вещей, а надеть их здесь, учитывая какое здесь короткое и холодное лето, думаю, так и не получится»* (Информант 66). Перемена места жительства заставляла расстаться с прежними привычками в обращении с вещами: *«Я до переезда сюда никогда шапок не носил. Вообще не знал, что такое носить шапку»* (Информант 67). Некоторые переселенцы не имели ясного представления о северном климате и попадали врасплох. *«Мы приехали, и тут очень рано выпал снег. У меня были босоножки, я ходила в босоножках. Даже холодно не было, но я стеснялась»* (Информант 68); *«Моя мама, переехав из Краснодара, оказалась совершенно не готова к здешней зиме. Ей пришлось покупать зимние вещи практически с нуля»* (Информант 69). Вероятно, поэтому в автобиографических

рассказах очень устойчив мотив несоответствия взятых с собой предметов одежды и обуви северным условиям жизни. Некоторые вещи, привычные в прошлом быту, в иноэтничной среде перестают быть употребительными, их используют только по праздникам. Кроме того, этническим мигрантам нередко приходится полностью отказаться от национальной одежды. Одни не смогли привезти ее в силу обстоятельств; другим жалко носить, так как предмет в одном экземпляре; кому-то стыдно (обычно молодым): *«Здесь не поймут, если я буду одевать эту тюбетейку»* (Информант 10). Таким образом, национальные вещи могут переходить в разряд хранимых экспонатов.

Подводя итог, подчеркнем, что отдельные категории вещей могут выступать в функции культурно-психологического «стабилизатора», помогая привыкнуть к новым условиям и преодолеть разрыв с прежним местом и временем жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с задачами исследования определено понятие «семейные вещи» и выделены их основные типы по семиотическому основанию.

Статус вещи в семье определяется степенью ее включения в культурный (символический) капитал семьи. Исследование показало, что символическая значимость вещи для членов семейно-родственной группы во многом определяется мемориальной функцией, «памятные вещи» выделяются в отдельную категорию и представлены несколькими типами на основании содержания памяти, которую аккумулирует вещь. Статус этих вещей в семье не закреплён в отличие от предметов-реликвий. Чем больше смыслов аккумулирует в себе вещь, тем выше вероятность ее сохранности. Поведение в отношении бытовых и мемориальных вещей варьируется как в домашнем пространстве, так и в процессе переезда.

Статус вещей связан с их расположением в доме. Они могут быть относительно статичными или динамичными. Перемещение оказывает влияние на семантику и функции вещей. Любое пространственное перемещение может сказаться на статусе и назначении предмета, и, напротив, изменение статуса или функции вещи приводит к смене ее местоположения.

В процессе переезда предметная среда семьи переорганизуется и трансформируется полностью или частично, что приводит к ускоренному переозначиванию отдельных ее элементов и изменению статуса вещей.

На всех стадиях подготовки и осуществления переезда различается поведение по отношению к вещам с различным статусом. Это касается и критериев их селекции, и процесса транспортировки. На подготовительном этапе осуществляются действия по «собираанию» и «отбору» (категоризации), связанные с избавлением от определенных категорий вещей. Менее всего подвержены сортировке мемориальные семейные вещи, они же подлежат наиболее бережной транспортировке.

Обращение с вещами зависит от типа переезда, определяемого по действию властного фактора (насильственный или добровольный) и критерию времени

(подготовленный или экстренный). В случае насильственного переселения вещевое поведение детерминировано жестким административным регулированием, в других случаях – возможностью согласования личного (группового) выбора с объективными обстоятельствами.

В процессе переезда происходит ускоренная пересемантизация вещей, особенно при переезде в другой регион или страну. Выявлено, что, чем больше сложностей возникает в процессе транспортировки вещи, тем более возрастает ее символическая ценность и усиливается мемориальная функция. Память об оставленных (брошенных, проданных, спрятанных) при переселении вещах создает особый микросюжет семейной истории, особенно это касается вынужденных переселенцев.

Существуют универсальные типы вещей, которые используются при первичной организации пространства на новом месте жительства, тем не менее, представления о вещах «первой необходимости» вариативны. Если предметы, ценные в материальном отношении, предоставляют переселенцам экономическую защиту, а обладающие специфическими потребительскими свойствами – физический комфорт, то отдельные вещи могут выступать исключительно в коммеморативной функции, ассоциируясь с прежним местом жительства.

В целом изучение трансфера вещей с учетом переменных обстоятельств переезда членов семьи позволяет проследить процессы семиозиса и коммеморации, глубже понять механизм функционирования семейной материальной культуры в различных исторических контекстах и, прежде всего, в современных условиях возрастающей территориальной мобильности населения.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

Информант 1 – Женщина, 1985 г.р. Уроженка республики Карелия. С 1989 года проживает в г. Апатиты Мурманской области (в связи с переездом родителей). Имеет опыт переезда в пределах г. Апатиты Мурманской области.

Информант 2 – Женщина, 1958 г.р. Уроженка г. Кировск Мурманской области. С 1966 года проживает в г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах города Апатиты Мурманской области.

Информант 3 – Женщина, 1978 г.р. Уроженка г. Бобров Воронежской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах области и страны.

Информант 4 – Женщина, 1980 г.р. Уроженка г. Ковдор Мурманской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 5 – Женщина, 1957 г.р. Уроженка г. Барнаул Алтайского края. В настоящее время проживает в г. Полярные Зори Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 6 – Женщина, 1962 г.р. Уроженка г. Ржева Тверской области. В настоящее время проживает в г. Снежногорске Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 7 – Женщина, 1949 г.р. Уроженка Псковской области. С 1964 года проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 8 – Женщина, 1986 г.р. Уроженка г. Суоярви республики Карелия. С 1987 года проживала на станции Имандра Мурманской области. С 2000 года проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 9 – Женщина, 1983 г.р. Уроженка г. Кировска Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 10 – Мужчина, 1977 г.р. Уроженец г. Душанбе (Таджикистан). С 2003 года проживает в городе Апатиты Мурманской области.

Информант 11 – Женщина, 1985 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 12 – Женщина, 1986 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 13 – Мужчина, 1992 г.р. Уроженец г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 14 – Женщина, 1985 г.р. Уроженка г. Бикобад (Узбекистан). В 2000 году семья информанта переехала в г. Кандалакшу Мурманской области. С 2003 года проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 15 – Мужчина, 1957 г.р. Уроженец г. Кировска Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 16 – Мужчина, 1984 г.р. Уроженец г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 17 – Женщина, 1982 г.р. Уроженка Псковской области г. Дно. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 18 – Женщина, 1963 г.р. Уроженка г. Кировска Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 19 – Женщина, 1986 г.р. Уроженка с. Солотино (Украина). В 1987 году родители информанта переехали в п. Алакертти Мурманской области. С 2003 года проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 20 – Женщина, 1986 г.р. Уроженка п. Кушва Свердловской области. С 1998 года проживает в г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 21 – Женщина, 1964 г.р. Уроженка г. Петрозаводска. С 1966 года проживает в г. Кировске Мурманской области.

Информант 22 – Женщина, 1965 г.р. Уроженка г. Бикобад (Узбекистан). С 2000 года проживает в г. Кандалакше Мурманской области.

Информант 23 – Женщина, 1945 г.р. Уроженка г. Владивосток. С 1971 года проживает в г. Апатиты Мурманской области. Родители информанта до 1990-х годов проживали в Абхазии.

Информант 24 – Мужчина, 1963 г.р. Уроженец Казахской ССР, Кустанайской области, совхоз Волгоградский. С 2000 года проживает в г. Мончегорске Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 25 – Мужчина, 1970 г.р. Уроженец Киргизии. С 1994 года проживает в г. Мончегорске Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 26 – Женщина, 1982 г.р. Уроженка Тверской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 27 – Женщина, 1985 г.р. Уроженка г. Заполярного. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 28 – Мужчина, 1984 г.р. Уроженец г. Кировска Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 29 – Женщина, 1934 г.р. Уроженка с. Терехово Архангельской области. С 1953 года проживает в Мурманской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 30 – Мужчина, 1942 г.р. Уроженец Рязанской области. С 1964 года проживает в Мурманской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 31 – Женщина, 1968 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Родители переехали в Мурманскую область из сельской местности в начале 1960-х годов. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 32 – Женщина, 1991 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах области и страны.

Информант 33 – Женщина, 1982 г.р. Уроженка г. Севастополя. В настоящее время проживает в г. Снежногорске. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 34 – Женщина, 1957 г.р. Уроженка г. Кировска Мурманской области. Из раскулаченной семьи. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 35 – Женщина, 1962 г.р. Уроженка г. Ржева Тверской области. В настоящее время проживает в г. Снежногорске Мурманской области. Из раскулаченной семьи. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 36 – Женщина, 1959 г.р. Уроженка д. Чернилины Кологривского района Костромской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области. Из раскулаченной семьи. Предки высланы в Мурманскую область в 1934 году из Новгородской области.

Информант 37 – Женщина, 1960 г.р. Уроженка г. Кировска Мурманской области. В 1981 году переехала в Грузию. В 1992 году, в результате грузино-абхазского конфликта вернулись в г. Апатиты Мурманской области (статус – вынужденный переселенец).

Информант 38 – Женщина 1951 г.р. Уроженка станицы Коньевской Краснодарского края. С 1968 года проживала в г. Душанбе (Таджикистан). С 2003 года проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 39 – Мужчина, 1987 г.р. Уроженец г. Кировска Мурманской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области. Из раскулаченной семьи.

Информант 40 – Женщина, 1982 г.р. Уроженка г. Богородска Нижегородской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 41 – Женщина, 1981 г.р. Уроженка г. Мончегорска Мурманской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 42 – Женщина, 1945 г.р. В настоящее время проживает в г. Кандалакше Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах области и страны. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 43 – Мужчина, 1962 г.р. Уроженец г. Кировска Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах области и страны.

Информант 44 – Женщина, 1966 г.р. уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 45 – Женщина, 1955 г.р. Уроженка г. Кировска Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 46 – Женщина, 1985 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 47 – Женщина, 1975 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 48 – Женщина, 1983 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 49 – Женщина, 1982 г.р. Из раскулаченной семьи. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 50 – Женщина, 1982 г.р. Уроженка г. Мончегорска. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 51 – Женщина, 1957 г.р. Уроженка Краснодарского края. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 52 – Женщина, 1982 г.р. Уроженка г. Мончегорска Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 53 – Женщина, 1983 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 54 – Женщина, 1982 г.р. Уроженка г. Мончегорска Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 55 – Женщина, 1988 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 56 – Женщина, 1939 г.р. Уроженка п. Тик-Губа Мурманской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области. Из

раскулаченной семьи. Предки высланы в Мурманскую область в 1931 году из Тверской области.

Информант 57 – Мужчина, 1938 г.р. Уроженец с. Иванково Ярославской области. С 1960 года проживает в Мурманской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 58 – Женщина, 1951 г.р. Уроженка Псковской области. С 1967 года проживает г. Апатиты Мурманской области.

Информант 59 – Женщина, 1938 г.р. Уроженка Вологодской области. С 1954 года проживает в Мурманской области.

Информант 60 – Женщина, 1988 г.р. Уроженка Казахстана. С 2000 года проживает в г. Мончегорске Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 61 – Женщина, 1982 г.р. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 62 – Мужчина, 1987 г.р. Уроженец г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 63 – Мужчина, 1989 г.р. Уроженец г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 64 – Женщина, 1982 г.р. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

Информант 65 – Женщина, 1968 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 66 – Женщина, 1982 г.р. Уроженка г. Душанбе (Таджикистан). С 2003 года проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 67 – Мужчина, 1968 г.р. Уроженец г. Душанбе (Таджикистан). С 2004 года проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 68 – Женщина, 1931 г.р. Уроженка г. Семипалатинска (Казахстан). В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 69 – Мужчина, 1982 г.р. Уроженец г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

Информант 70 – Женщина, 1949 г.р. Уроженка Тверской области. В настоящее время проживает в городе Апатиты Мурманской области.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

Государственное областное казенное учреждение «Государственный архив Мурманской области» в г. Кировске (ГОКУ ГАМО в г. Кировске)

ГОКУ ГАМО Ф. Р. 179. Оп.1. Д. 2993. Л. 22, 39, 96. (Ордена Ленина, ордена Октябрьской революции производственное объединение «Апатит» имени С.М. Кирова г. Кировск).

ГОКУ ГАМО Ф.194. Оп.1. Д.8. Л.3–4.; Д.15. Л.39; Д.36. Л.6.; Д.37. Л.101.; Д.63. Л.10. (Архивная коллекция документов об освоении Кольского полуострова и строительстве города Кировска (Хибиногорска)).

ГОКУ ГАМО Ф.490. Оп. 1. Д. 90. Л.1–2. (Коллекция документов ветеранов войны, труда, старожилов г. Кировска Мурманской области).

ГОКУ ГАМО Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 1105; Д. 1112; Д. 1120; Д. 1127; Д. 2290 (Коллекция фотодокументов по истории населенных пунктов).

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Статистические и справочные материалы

Бойков, В.Э. Кольский край: Цифры и факты / В.Э. Бойков. Мурманск: Кн. изд-во, 1983. 176 с.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. – Том 9. – С. 2–3; Том 17. – С. 2–3.

Кировск в документах и фактах. 1920–1945 гг.: Хрестоматия. Кировск, 2006. – 265 с.

Народное хозяйство Мурманской области в девятой пятилетке. Статистический сборник. – Мурманское книжное изд-во, 1976. – 126 с.

Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 45 с.

Социология: Энциклопедия. / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Велькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

Численность, размещение и возрастно-половой состав населения Мурманской области. Итоги Всероссийской переписи населения // Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. – Мурманск, 2012. – Том 1. – 75 с.

Мемуары

Гранин, Д.А. Причуды моей памяти / Д.А. Гранин. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. – 441с.

Мартюшев, Ф.И. Жертвы и палачи / Ф.И. Мартюшев. – Екатеринбург: СВ-96, 1997. – 188 с.

Спецпереселенцы в Хибинах: Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин: (Книга воспоминаний). – Апатиты, Хибинское общество «Мемориал», 1998. – 228 с.

Тарараксин, С. Судеб сгоревших очертанье / С. Тарараксин. – Мурманск, Открытое акционерное общество «Мурманское издательско-полиграфическое предприятие «Север», 2006. – 148 с.

Тимофеев, В.Г. История одной семьи / В.Г. Тимофеев: Повесть. – Апатиты, ООО «Апатит-Медиа», 2004. – 170 с.

Электронные ресурсы

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Глава 63. Наследование по закону. Статья 1141 1148. [Электронный ресурс]. – URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154 (дата обращения: 11.02. 2016).

Демоскоп Weekly. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. – Том 9. – С. 2–13; Том 17. – С. 2–3. [Электронный ресурс]. – URL: http://wiki.laser.ru/index.php/Всесоюзная_перепись_населения_1926_г. (дата обращения: 17.03. 2016).

Жилищный кодекс. №188-ФЗ. Ст. 31 ЖК РФ [Электронный ресурс]. –URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 11.02.2016).

Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания А.С. Гаповой (Долговой). Вещей – только смену белья. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.xx13.ru/teksty/garova.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания З.Я. Малыгиной (Тимошиной). Верю в разум молодых. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.xx13.ru/teksty/malygina.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания Л.Е. Гудовской (Зинченко). Что сохранила память. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.xx13.ru/teksty/gudovskaya.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания Марии Марковны Афанасьевой (Ивановой). С Каспийского на Баренцево. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.xx13.ru/teksty/afanasjeva.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания О.В. Ершовой (Соколовой). «Это было, было...». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.xx13.ru/teksty/ershova.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания П.Т. Шамариной. Апатиты-край земли. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.xx13.ru/teksty/shamarina.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания Э.А. Аншиц. На 13-м и 16-м километре.

[Электронный ресурс]. – URL: <http://www.xx13.ru/teksty/anhits.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Письмо Ивана Федоровича Яковенко в Хибинское общество «Мемориал». За что? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.xx13.ru/teksty/yakovenko.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

Инструктивное письмо секретаря Верхне-Камского окружка ВКП(б) В.А. Казубовского секретарям райкомов партии о порядке проведения мероприятий по «ликвидации кулачества как класса». [Электронный ресурс]. – URL: <http://corporatelielivejournal.com/111832.html> (дата обращения: 19.04. 2015).

Постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» // Постановления партии и Правительства 1926 — 1964 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://defree.ru/publications/p01/p40.htm#0723> (дата обращения: 19.03. 2015).

Шифрограмма секретаря Севкрайкома ВКП(б) С.А. Бергавинова В.М. Молотову от 27 февраля 1930 г. – Документы Госархива общественно-политических движений и формирований Архангельской области о приеме и расселении раскулаченных в Северном крае. 1930 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusarchives.ru/publication/dispossess.shtml>. (дата обращения: 3.11.2014).

Литература

Агапкина, Т.А. Концепт движения в обрядовой мифологии славян (на материале весеннего календарного цикла) / Т.А. Агапкина // Концепт движения в языке и культуре. Отв. ред. Т.А. Агапкина. – М.: Издательство «Индрик», 1996. – С. 213–254.

Акопян, К.З. Бытие вещи в культуре / К.З. Акопян // Вещь в контексте культуры. Материалы научной конференции. – СПб., февраль 1994. – С. 11–13.

Алексеева, Е.К. Очерки по материальной культуре эвенков Якутии (к. XIX – н. XX в.) / Е.К. Алексеева. – Новосибирск, «Наука», 2003. – 158 с.

Анохина, Л.А., Шмелева, М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем / А.А. Анохина, М.Н. Шмелева. – М., «Наука», 1977. – 359 с.

Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

Байбурин, А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А.К. Байбурин. – Л.: «Наука», 1983. – 192 с.

Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. – СПб.: «Наука», 1993. – 240 с.

Байбурин, А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей / А.К. Байбурин, // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л., «Наука», 1989. – С.63–88.

Байбурин, А.К., Левинтон, Г.А. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе / А.К. Байбурин, Г.А. Левинтон // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Под ред. К.В. Чистова и Т.А. Бернштам АН СССР Инст-т этнографии им.Н.Н. Миклухо-Маклая. – Ленинград, «Наука», Леннградское отделение, 1978. – С. 89–105.

Баранов, А.А. Социологические проблемы жилища / А.А. Баранов // Социологические проблемы жилища. Сб. науч. сообщ. под. ред. А.Г. Харчева. – Л.: ЛенЗНИИЭП, 1969. – С. 7–18.

Барт, Р. Риторика образа / Р. Барт. – Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – С.297–318.

Бернштам, Т.А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Под ред. К.В. Чистова и Т.А. Бернштам. – АН СССР Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Ленинград «Наука», Ленинградское отделение, 1978. – 280 с.

Бломквист, Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) / Е.Э. Бломквист // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. Труды Ин-та этнографии АН СССР. Т. 31. — М., 1956. — С. 3–458.

Богатырев, П.Г. Вопросы теории народного искусства / П.Г. Богатырев. — М.: Искусство, 1971. — 511 с.

Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. // Пер. с фр. С. Зенкина. — М.: Домино, 1995. — 172 с.

Буровик, К.А. Родословная вещей / К.А. Буровик. — 2-е изд, перераб. — М., Знание, 1991. — 232 с.

Вишняускайте, А.И. Семейный быт литовских колхозников / А.И. Вишняускайте // Семья и семейный быт колхозников Прибалтики. — М., изд-во АН СССР. 1962. — С. 7–61.

Геннеп, А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. Геннеп. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 198 с.

Головнев, А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). / А.В. Головнев. — Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. — 496 с.

Гудкова, С.С., Тоичкина, В.П. Формирование населения Мурманской области / С.С. Гудкова, В.П. Тоичкина // Проблемы экономического и социального развития Мурманской области. — Апатиты, 1981. С.112–115.

Гурова, О. От бытового аскетизма к культу вещей: идеология потребления в советском обществе / О. Гурова. — Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Раздел 1. Вещи в советской культуре. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. — С. 6–21.

Гурова, О. От товарища к товару: предметы потребления в советском и постсоветском обществе / О. Гурова. — Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Раздел 1. Вещи в советской культуре. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. — С.35–48.

XX век. Эпоха. Человек. Вещь // Сборник статей. Составитель Соснина О. – М.: «Новый индекс», 2001. – 266 с.

Дейхина, Е. От ремонта к созданию интерьера: преобразование персонального жилого пространства в советской и постсоветской России / Е. Дейхина // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. – Новосибирск: НГУ, 2005. – С. 77–92.

Добров, В.В. Население Кольского Севера / В.В. Добров. – Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1967. – 72 с.

Долгой, В.М. Городской образ жизни и жилая среда / В.М. Долгой // Социальные проблемы жилища: сб. науч. сообщ. Под. ред. А.Г. Харчева. – Л.: ЛенЗНИИЭП, 1969. – С. 85–94.

Змеева, О.В. Кавказцы на Кольском Севере: к проблеме трансформации этнической идентичности / О.В. Змеева // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде: Сб. статей. Ред. П.В. Федоров, Ю.П. Бардилева, Е.И. Михайлов. – Мурманск: МПУ, 2005. – С. 50–54.

Змеева, О.В. «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере / О.В. Змеева. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН. – 2011. – 95 с.

Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953 / Е.Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.

Ечевская, О. «Свобода в вещах» или «свобода от вещей»: значения вещей в практиках повседневной жизни / О. Ечевская. – Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Раздел 2. Вещи и социальные отношения в современной культуре. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. – С. 49–66.

Иванов, В.В., Топоров, В.Н. Исследования в области славянских древностей / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М., 1974. – 342 с.

Измоденова, Н.Н. Стратегии миграционного поведения населения Мурманской области / Н.Н. Измоденова // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации. Под ред. В.П. Петрова, И.А. Разумовой. – Апатиты, 2008. – С. 60–68.

Карташова, К.К. Роль социологического исследования в теории и практике современного жилища / К.К. Карташова // Социологические исследования проблем города и жилища. – Новосибирск, 1986. – С. 99–106.

Киселев, А.А. Гулаг на Мурмане: репрессии 30–50-годов XX века на Кольском полуострове: очерки / А.А. Киселев. – Мурманск, 2008. – 198 с.

Киселев, А.А. Очерки этнической истории Кольского Севера / А.А. Киселев. – Мурманск, МГПУ, 2009. – 146 с.

Киселев, А.А. Родное Заполярье. Очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.) / А.А. Киселев. – Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1974. – 512 с.

Кляус, В.Л. Движение людей / движение предметов в забайкальском святочном обряде заваливания ворот / В.Л. Кляус // Концепт движения в языке и культуре. Отв. ред. Т.А. Агапкина. – М.: Издательство «Индрик», 1996. – С. 271–283.

Копытофф, И. Социология вещей. Культурная биография вещей: товаризация как процесс / И. Копытофф // Сборник статей. Под ред. В. Вахштайна. – М., 2006. – С. 134–168.

Космарская, Н. Трудности адаптации переселенцев в сельской России: попытка концептуализации / Н. Космарская // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. Под ред. А.Р. Вяткина, Н.П. Космарской, С.А. Панарина. – М.: Наталис, – 1999.

Крупянская, В.Ю., Полищук, Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.) / В.Ю. Крупянская, Н.С. Полищук. – М.: «Наука», 1971. – 288 с.

Крупянская, В.Ю., Будина, О.Р., Полищук, Н.С., Юхнева, Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970) / В. Ю. Крупянская, О.Р. Будина, Н.С. Полищук, Н.В. Юхнева. – М., «Наука», 1974. – 320 с.

Круткин, В.Л. Снимки домашних альбомов и фотографический дискурс / В. Л. Круткин // Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. – С. 109–125.

Куруч, О.Е. Быт и повседневная жизнь первых строителей г. Хибиногорска (1930–1932 гг.) / О.Е. Куруч // Хибиногорск. Память сердца. – Апатиты: ООО «Апатит-Мелиа», 2012. – С. 52–59.

Куруч, О.Е. Санитарно-бытовые условия жизни строителей г. Хибиногорска в 1930–1931 гг. По фондовым материалам Историко-краеведческого музея с мемориалом С.М. Кирова / О.Е. Куруч // VI Ушаковские чтения: Сборник научных статей. Отв. ред. А.В. Воронин. – Мурманск: МГПУ, 2010. – С. 231–234.

Лавонен, Н.А. Стол в верованиях карелов / Н.А. Лавонен. – Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН. – Петрозаводск: Периодика, 2000. – 176 с.

Лебедева, А.А. Материальные компоненты, их характер и роль в традиционном свадебном обряде русских старожилов Тобольской губернии (XIX – начало XX в.) / А.А. Лебедева // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Под ред. К.В. Чистова и Т.А. Бернштам. – Ленинград «Наука», Ленинградское отделение, 1978. – С. 202–219.

Лебедева, А.А. Средства переноски тяжестей у восточных славян / А.А. Лебедева // ПИИЭ, 1974. – М., 1975. – С. 19–28.

Лебина, Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы / Н.Б. Лебина. – СПб.: «Нева» – «Летний сад», 1999. – 320 с.

Левинсон, А. Традиционные ценностные системы и город / А. Левинсон // Опыт социогграфии: Статьи. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 664 с.

Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В.Д. Лелеко. – СПб., Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. – 320 с.

Лотман, Ю. М. Альтернативный вариант: Бесписьменная культура или культура до культуры? / Ю.М. Лотман // Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1996. – С. 344–345.

Махлина, С. Семиотика культуры повседневности / С. Махлина. – СПб.: Алетейя, 2009. – 232 с.

Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – Перевод Кукарцевой М., Катаева В., Тимонина В. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.

Меерович, М. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937 / М. Меерович. – М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 304 с.

Миролюбова, Л.Р. Вещная среда как феномен культуры / Л.Р. Миролюбова. Под ред. доц. Н.А. Козловой. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. – 139 с.

Монахов, А.Б. Семья: правовое определение понятия / А.Б. Монахов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. – Вып. 9. – С 55–60.

Мосс, М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах / М. Мосс // Общество, обмен, личность. Труды по социальной антропологии. – М., «Восточная литература», 1996. – С. 85–111.

Невская, Л.Г. Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде / Л.Г. Невская // Структура текста. – М., изд-во «Наука», 1980. – С. 228–239.

Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция – память. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 1999. – С.17–50.

Осокина, Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941 / Е.А. Осокина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 271 с.

Пермиловская, А.Б. Северный дом. Архитектурный каталог. / А.Б. Пермиловская. – Петрозаводск: ПетроПолис, 2000. – 223 с.

Помпеев, Ю. Движение. Документальная повесть / Ю. Помпеев. – Москва: «Издательство политической литературы», 1980. – 224 с.

Разумова, И.А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. Социально-антропологические очерки / И.А. Разумова. – Санкт-Петербург: «ГАМАС», – 2009. – 160 с.

Разумова, И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История / И.А. Разумова. – М.: Индрик, 2001. – 376 с.

Разумова, И.А. Ретроспективное осмысление переселения и миграционные сценарии северян: Кольский Север, начало XXI в. / И.А. Разумова // Историческая демография. – Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2007. – С. 179–183.

Разумова, И.А. «Север» категория времени / И.А. Разумова // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Сб. статей. Под ред. В.П. Петрова, И.А. Разумовой. – Апатиты: Издательство КНЦ РАН, 2006. – С.5–14.

Разумова, И.А. Северный «миграционный текст» постсоветской России / И.А. Разумова // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. – Апатиты, 2004. – С. 5–21.

Разумова, И.А. Семейные реликвии / И.А. Разумова // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. Сборник МАЭ, т. LVII. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. – С. 63–70.

Ружже, В.Л. Применение методов конкретного социологического исследования к анализу функций жилища и потребностей семьи / В.Л. Ружже // Социальные проблемы жилища: Сб. науч. сообщ. Под. ред. А.Г. Харчева. – Л.: ЛенЗНИИЭП, 1969. – С. 44–57.

Савченко, М.Р. О вещественном пространстве / М.Р. Савченко // Человек, общение и жилая среда. Сборник н. статей. – Талин, ТГУ, 1986. – С. 104–114.

Садиков, Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты) / Р.Р. Садиков. – Уфа.: Гилем, 2001. – 181 с.

Салмин, А.К. Традиционные обряды и верования чувашей / А.К. Салмин. – СПб.: «Наука», 2010. – 240 с.

Саморукова, А.Г. Мир женщины в истории Хибинского города (К 75-летию города) / А.Г. Саморукова // III Ушаковские чтения: Сборник научных статей / Науч. ред. А.В. Воронин. – Мурманск: МГПУ, 2006.

Седакова, О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. / О.А. Седакова. – Москва: Индрик, 2004. – 320 с.

Седакова, О.А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) / О.А. Седакова // Исследования в области балтославянской духовной культуры: (Погребальный обряд). – М., 1990. – С. 54–63.

Токарев, Н.В. Пространство вместо предмета / Н.В. Токарев // XX век. Эпоха. Человек. Вещь. Составитель Соснина О. – М., Новый индекс, 2001. – С.62–64.

Толстая, С.М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале / С.М. Толстая // Концепт движения в языке и культуре. Отв. ред. Т.А. Агапкина. – М.: Издательство «Индрик», 1996. – С. 89–103.

Толстая, С.М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах / С.М. Толстая // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. – М.: «Наука», 1994. – С. 111–129.

Толстая, С.М. Символические заместители человека в народной магии / С.М. Толстая // Судьбы традиционной культуры: Сборник статей и материалов памяти Л.Ивлевой. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – С.72–78.

Толстикова, Ю.Ю. Образно-поэтическая система похоронно-поминальных причитаний на территории Новгородско-Тверского пограничья / Ю.Ю. Толстикова // Этнографическое изучение Северо-Запада России: Итоги полевых исследований 2001 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях. Материалы VI Региональной научной конференции молодых ученых. Под ред. А.В. Гадло. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001. – С. 62–65.

Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. Изд. 2-е, испр. – М.: Издательство «Индрик», 1995. – 512 с.

Топоров, В.Н. К символике окна в мифопоэтической традиции / В.Н. Топоров // Балтославянские исследования. – М., 1984. – С.164–185.

Топоров, В.Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах / В.Н. Топоров // Концепт движения в языке и культуре. Отв. ред. Т.А. Агапкина. – М.: Издательство «Индрик», 1996. – С. 7–88.

Травин, И.И. Материально-вещная среда и социалистический образ жизни / И.И. Травин // Под редакцией И.И. Леймана. – Ленинград «Наука», Ленинградское отделение, 1979 – 118 с.

Уразманова, Р.К. Особенности формирования и основные черты быта рабочих-нефтяников татар юго-востока Татарии / Р.К. Уразманова // Этнографическое изучение быта рабочих в СССР. – М.: «Наука», 1969. – С.96–118.

Фадеева, Л.В. «Гостевание» и «пирование» в похоронных причитаниях и похоронно-поминальных обрядах русских (в сравнении с финно-уграми) / Л.В. Фадеева // Традиционное русское застолье: Сб. статей. ГРЦРФ. – М., 2008. – С. 136–146.

Федоров, П.В. Мурманская область в послевоенном СССР: 1945–1990 / П.В. Федоров. Под ред. М.И. Сухарева. – Мурманск, 1997. – 80 с.

Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. – 2-е изд. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2008. – 336 с.

Фрэзер, Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. Т. 1. / Дж. Дж. Фрэзер. – Пер. с англ. М. К. Рыклина. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2001. – 528 с.

Цивьян, Т.В. Движение и путь в балканской модели мира / Т.В. Цивьян. – М.: Индрик, 1999. – 376 с.

Цивьян, Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) / Т.В. Цивьян // Труды по знаковым системам. – Т. 10. – Тарту, 1978. – С.65–85.

Чистяков, В.А. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX – XX вв. / В.А. Чистяков // Обряды и обрядовый фольклор. – Москва, «Наука», 1982. – С. 114–127.

Шашков, В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край. 1900–1933гг. / В.Я. Шашков // Отечественная история. – 1996. – №1. – С. 150–154.

Шашков, В.Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края / В.Я. Шашков. – Мурманск: МГПИ, 2000. – 343 с

Шашков, В.Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: к 65-летию Мурманской области / В.Я. Шашков. – Мурманский государственный педагогический университет. – Мурманск: Издательство «Максимум», 2004. – 320 с.

Шашков, В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане: роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930 – 1936 гг.) / В.Я. Шашков. – М-во образования РФ, МГПИ; Рецензент Н.А. Ивницкий (Ин-т ист. РАН). – Мурманск: МГПИ, 1993. – 139 с.

Шпаковская, Л. «Мой дом – моя крепость». Обустройство жилья нового среднего класса / Л. Шпаковская // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография. Под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх, Анны Темкиной. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – С. 222–261.

Щепанская, Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. / Т.Б. Щепанская. – М.: «Индрик», 2003. – 528 с.

Щепанская, Т.Б. Этнография техносферы: традиция и прогностика в фольклорном дискурсе водителей / Т.Б. Щепанская // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам: Сб. науч. ст. Отв. ред. Т.Б. Щепанская. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 162–183.

Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

Периодические издания

Байбурин, А.К. О жизни вещей в традиционной культуре / А.К. Байбурин // Живая старина. – 1996. – №3. – С. 2–3.

Бойцова, О.Ю. Изображения в домашнем интерьере / О.Ю. Бойцова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – № 10. – С. 87–95.

Бредникова, О. Старая вещь как персонаж блошиного рынка / О. Бредникова // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 2. – С. 91–97.

Валенцова, М.М. Семантика и символика «верха» дома в обрядности славян / М.М. Валенцова // Живая старина. – 2000. – №2. – С. 11–13.

Васильев, М.И. К вопросу о системе русских транспортных коммуникаций X–XX в. / М.И. Васильев // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 5. – С. 64–74.

Васильев, М.И. Русские лыжи: история развития / М.И. Васильев // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 91–94.

Васильев, М.И. Сани в русском погребальном обряде: история изучения и проблема интерпретации / М.И. Васильев // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 4. – С. 151–164.

Волкова, Т.В. Особенности восприятия дома в современной российской культуре / Т.В. Волкова // Вестник славянских культур. – 2012. – Т.4. – № XXVI. – С. 40–44.

Докучаев, Д.С. Fridge magnets, или Глобус имеет форму холодильника... / Д.С. Докучаев // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 4. – С 104–109.

Елютина, М.Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни / М.Э. Елютина // Социологические исследования. – 2009. – № 7. – С. 101–109.

Иванова, А.С. Изображение дефицита в советской культуре второй половины 1960-х – первой половины 1980-х годов / А.С. Иванова // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2011. – № 3 (77). – С. 216–235.

Косматова, Е.В. Социальная повседневность 1950—1960-х годов. К историографии вопроса / Е.В. Косматова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – Вып.1. – Т.13. – 2013. – С. 190–191.

Криничная, Н.А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) / Н.А. Криничная // Этнографическое обозрение. – 2009. – №2. – С. 28–42.

Круткин, В.Л. Антропологический смысл фотографий семейного альбома / В. Л. Круткин // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII. – № 1. – С. 171–178.

Лобачевская, О.А. Обыденное полотенце: материалы к реконструкции ритуала и его трансформации в Беларуси (первая половина XX в.) / О.А. Лобачевская // Традиционная культура. – 2005. – № 19. – С. 13–22.

Матхеева, Л.Б. Почитание икон у семейских Забайкалья / Л.Б. Матхеева // Живая старина. – 2002. – № 3. – С. 20–24.

Мороз, А.Б. Стол в севернорусских поверьях и обрядах / А.Б. Мороз // Традиционная культура. – 2002. – № 6. – С. 41–46.

Николаев, В.Г. Советская очередь: прошлое как настоящее / В.Г. Николаев // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 5 (43). – С. 55–61.

Осипов, Д.О. Из истории русской обуви / Д.О. Осипов // Живая старина. – 2005. – №1. – С. 7–9.

Петров, И.Г. Одежда как символический заместитель человека в чувашских обычаях и обрядах / И.Г. Петров // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 15. – С. 14–23.

Романов, П., Ярская-Смирнова Е. Фарца: подполье советского общества потребления / П. Романов, Е. Ярская-Смирнова // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 5. – С. 62–68.

Соколова, А.В. Этнокультурная специфика еврейского дома в Подолии / А.В. Соколова // Живая старина. – 2000. – №2. – С. 17–22.

Сулейманова, О.А. «Семейные вещи»: к интерпретации понятия / О.А. Сулейманова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Ред. акад. В.Т. Калинин – Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2010. – Вып.1. 2/2010 (2). – С. 68–79.

Сулейманова, О.А. Семейные реликвии как социальная собственность / О.А. Сулейманова // Наука и бизнес на Мурмане: Науч.-практ. альм. Мурманск: Кн. изд-во, 1996: Города Заполярья: социально-антропологические и социально-экономические аспекты. – 2009. – №2 (67). – С. 49–53.

Тишков, В.А. Культурный смысл пространства / В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2004. – №1. – С. 14–31.

Токарев, С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры / С.А. Токарев // Советская этнография. – 1970. – № 4. – С. 3–17.

Утехин, И. Доля, справедливость и благодать общения: Из очерков коммунального быта / И. Утехин // Знание – сила. – 2001. – №11. – С. 50–58.

Федоров, П.В. Культурные ландшафты Кольского Севера в условиях урбанизации (1931–1991 годы) / П.В. Федоров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2014. – №3. – 20–28.

Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – С. 8–27.

Харузин, Н.Н. Очерк истории развития жилища у финнов / Н.Н. Харузин // Этнографическое обозрение. – 1895. – №1. – С. 35–78.

Щавель, С.А. Потребление и стабильность общества: к методологии социологического анализа / С.А. Щавель // Социология. – 2009. – № 3. – С. 18–35.

Юхнева, Е. Дом для «старых русских» / Е. Юхнева // Родина. – 2003. – № 10. – С. 26–29.

Авторефераты и диссертации

Бойцова, О.Ю. Любительская фотография в городской культуре России конца XX в. (визуально-антропологический анализ): автореф. дисс. ... к.и.н.: 07.00.07 / О.Ю. Бойцова. – СПб., 2010. – 21 с.

Васильев, М.И. Русские сухопутные коммуникации и скользящий транспорт X – начала XX веков: основные тенденции развития: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.07 / М.И. Васильев. – Спб.: Санкт-Петербургский гос. университет, 2009. – 47 с.

Касенкова, Н.А. Вещи как компонент пространства духовной жизни современной молодежи: дисс. ... кандидата социологических наук: 22.00.06 / Н.А. Касенкова. – Тамбов, 2009. – 199 с.

Михайлов, Е.И. Миграционные процессы в истории формирования населения Европейского Севера России в XX веке: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Е.И. Михайлов. – Мурманск, 2004. – 222 с.

Наровская, А.Н. Общие и локальные особенности интерьера белорусского народного жилища: конец XIX – начало XX в.: автореф. дисс. на соиск. ... к.и.н.: 07.00.07 / А.Н. Наровская. – АН БССР. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. – Минск, 1989. – 21 с.

Одношовина, Ю.В. Культурные смыслы мира вещей: история и современность: автореферат ... к. культур.н.: 24.00.01 / Ю.В. Одношовина. – Челябинск, 2007. – 27 с.

Ракитных, М.Б. Социокультурная природа феномена потребления в обществе постмодерна: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / М.Б. Ракитных. – Томск, 2004. – 23 с.

Сулейманова, Д.Н. Интерьер жилища волго-уральских татар: развитие и этнокультурная специфика: автореферат дисс.... к.и.н.: 07.00.07 / Д.Н. Сулейманова. – Чебоксары, 2007. – 22 с.

Топорков, А.Л. Домашняя утварь в обрядах и поверьях Полесья (XIX – н. XX в.): автореферат ... к.и.н / А.Л. Топорков. – Ленинград, 1986. – С. 3.

Травин, И. И. Материально-вещная среда в структуре условий образа жизни: автореферат дисс. ... к. филос. наук: 09.00.01 / И.И. Травин. – Москва, 1978. – 18 с.

Утехин, И.В. Быт больших коммунальных квартир г. Ленинграда (Петербурга) в 1970–90-е гг: стереотипы повседневного поведения: автореферат дисс. ... к.и.н.: 07.00.07 / И.В. Утехин. – М., 2001. – 16 с.

Филяев, С.Е. Полифункциональность образа «вещь–дом» как феномен культуры: автореферат диссертации ... к. филос. наук: 24.00.01 / С.Е. Филяев. – Нижний Новгород, 2009. – 28 с.

Публикации на иностранных языках

Appadurai, A. Introduction: Commodities and the politics of value / A. Appadurai // *The Social Life of things. Commodities in Cultural Perspective.* – Cambridge University Press, 1996. – P. 3–63.

Chalfen, R. Cinema Naivete: A Study of Home Moviemaking as Visual Communication / R. Chalfen // *Studies in the Anthropology of Visual Communication.* – 1975. – No. 2. – P. 87–103.

Chalfen, R. Snapshots “r” Us: the Evidentiary Problematic of Home Media / R. Chalfen // *Visual Studies.* Vol. 17. – No. 1. – 2002. – P. 141–149.

Dant, T. Material Culture in the Social World: Values, Activities, lifestyles / T. Dant. – Buckingham: Open Univ.Press, 1999.

Dant, T. Materiality and Society / T. Dant. – Buckingham: Open Univ. Press, 2005.

Douglas, M., Isherwood, B. The World of Goods / M. Douglas, B. Isherwood. – London: Allen Lane, 1979. – 63 p.

Dwyer, M.J., Istomin, K.V. Theories of nomadic movement: a new theoretical approach for understanding the movement decisions of Nenets and 121 Komi reindeer herders / M.J. Dwyer, K.V. Istomin // *Human Ecology.* – 2008. – 36. – P. 521–533.

Gell, A. Art and Agency / A. Gell. – Oxford: Oxf. Univ. Press, 1998.

Habeck, J.O. Experience, movement and mobility: Komi reindeer herders' perception of the environment / J. O. Habeck // *Nomadic Peoples, New Series.* – 2006. – 10 (2). – P. 123–141.

Konstantinov, Y., Vladimirova, V. The Performative Machine: Transfer of Ownership in a NW Russian Reindeer Herding Community (Kola Peninsula) / Y.

Konstantinov, V. Vladimirova // Nomadic Peoples, Special Issue 2006: “Man and reindeer on the move”, Hugh Beach and Florian Stammler, eds. – New Series. – 10 (2). – 165–185.

Kopytoff, Y. The cultural biography of things: commoditization as a process / Y. Kopytoff // The social life of things. Ed. by A. Appadurai. – Cambridge: University press, 1996. – P. 66–67.

MacCannell, D. Tourist agency. Tourist study / D. MacCannell. – London, Thousand Oaks and New Delhi, 2001. – Vol. 1(1). – P. 23–37.

Электронные ресурсы

Багаж. Толковый словарь Даля. [Электронный ресурс]. – URL:<http://enc-dic.com/dal/Bagazh-685.html> (дата обращения: 2.10.2015).

Багаж. Толковый словарь Ефремовой. [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc-dic.com/efremova/Bagazh-2737.html> (дата обращения: 2.10.2015).

Багаж. Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Bagazh-930/> (дата обращения: 2.10.2015).

Багаж. Толковый словарь Ушакова. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=1294> (дата обращения: 2.10.2015).

Богданова, Л. Антропология деревенской двухэтажки, или к вопросу о неудавшихся проектах власти. [Электронный ресурс] / Л. Богданова. – URL: <http://www.indepsocres.spb.ru/doma.rtf> (дата обращения 3.05.2014).

Васильева, Е. Отношение к старым вещам. [Электронный ресурс] / Е. Васильева. – URL: <http://soreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=542> (дата обращения: 6.09.2014).

Головнев, А.В. Дорожная карта антропологии движения // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 2 (35). – С. 4–14. [Электронный ресурс] / А.В. Головнев. – URL: http://ethnobs.ru/library/237/_aview_b19543 (дата обращения: 20.01.2016).

Григорьева, А.Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг.: к постановке проблемы. [Электронный ресурс] / А.Г. Григорьева. – URL: <http://teoria->

practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/3/istoriya/grigorieva.pdf (дата обращения: 21.02.2016).

Гурова, О. Продолжительность жизни вещей в советском обществе: заметки по социологии нижнего белья. Неприкосновенный запас. 2004. №2 (34). [Электронный ресурс] / О. Гурова. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/gurov9-pr.html> (дата обращения: 03.12.2015).

Давлетшина, Л.Х. Семантика пространства в обряде переселения «йорт иясе» в новый дом. [Электронный ресурс] / Л.Х. Давлетшина. – URL: <http://www.tatfolk.ru/files/materials/obryady/7.pdf> (дата обращения: 23.05.2015).

«Дом». Толковый словарь С.И. Ожегова. [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6935> (дата обращения: 14.02.2016).

«Дорожный». Толковый словарь Дмитриева. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/dmytriev/Dorozhn-115.html> (дата обращения 2.10.2014).

Збинякова, Т.В. Эволюция образа вещи в культуре: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04. – СПб., 2000. – 153 с. (Оглавление; Введение; Заключение; Список лит. к дис.). [Электронный ресурс] / Т.В. Збинякова. – URL: <http://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-obraza-veshchi-v-kulture> (дата обращения: 23.06.2014).

Кияненко, К.В. К российской социологии жилища. [Электронный ресурс] / К.В. Кияненко. – URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1209805472.pdf (дата обращения: 19.05.2013).

Кучумова, А.С. «Красный угол. Положение в пространстве (location) как семантический признак вещи» / А.С. Кучумова. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.folk.ru/Research/kuchumova_krasny_ugol.php (дата обращения 3.09.2014).

Микова, О.С. Элементы советского уюта в интерьере комнаты современного пермского горожанина. [Электронный ресурс] / О.С. Микова – URL: http://utopiya.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&catid=108:2011-

10-29-18-21-54&id=2466:2011-10-30-13-36-29&Itemid=220 (дата обращения: 18.11.2014).

Орлов, П.А. Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры): дисс. ... к.истор. н.: 07.00.07. [Электронный ресурс] / П.А. Орлов. – URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=296#4 (дата обращения: 6.09.2015).

Рахманкулова, Д.Р. Бытование вещей в хозяйственной культуре человека. [Электронный ресурс] / Д.Р. Рахманкулова. – URL: <http://www.jourclub.ru/22/1469/1/> (дата обращения: 23.04.2014).

Сперанская, А.Н. Семейные ценности в семейном дискурсе (на материале устных рассказов красноярцев начала XXI века). [Электронный ресурс] / А.Н. Сперанская. – URL: <http://econf.rae.ru/pdf/2005/04/speranskaya.pdf> (дата обращения: 6.02.2016).

Тажидинова, И. Г. Ценность вещей и повседневные практики взаимодействия с ними в условиях военного времени. [Электронный ресурс] / И.Г. Тажидинова. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennost-veschey-i-povsednevnye-praktiki-vzaimodeystviya-s-nimi-v-usloviyah-voennogo-vremeni-1> (дата обращения: 03.03.2016).

Топоров, В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе. [Электронный ресурс] / В.Н. Топоров. – URL: <http://ec-dejavu.ru/v/vesh.html> (дата обращения: 12.11.2015).

Утехин, И. Любимые вещи // Неприкосновенный запас. – 2004. – №1. [Электронный ресурс] / И. Утехин. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/uteh15-pr.html> (дата обращения: 1.11. 2015).

Фельдман, М.А. Правдивая книга из начала 70-х гг. XX в.: произвольные загадки советской историографии. [Электронный ресурс] / М.А. Фельдман. – URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18479/1/iurg-2009-63-41.pdf> (дата обращения: 27.04. 2015).

Хачатрян, С.Ю. Некоторые аспекты доместикации пространства в контексте обрядов казачьего населения Кубани. [Электронный ресурс] / С.Ю. Хачатрян. –

URL: <http://www.slavakubani.ru/culture/rites-life-cycle/detail.php?ID=5300> (дата обращения 2.08.2015).

Чистякова, В.П. Семейная фотография второй половины XIX - начала XX века в России: опыт этнологического и источниковедческого анализа: автореферат дисс. ... к.и.н. – Москва, 2012. – 26 с. [Электронный ресурс] / В.П. Чистякова. – URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Chistiakova.pdf> (дата обращения: 16.01.2016).

Шюц, А. Структура повседневного мышления. [Электронный ресурс] / А. Шюц. – URL: <http://www.countries.ru/library/texts/shutz.htm> (дата обращения: 27.02.2015).

Castles, S., Miller, M. J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. (Fourth Edition) Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2009. [Электронный ресурс] / S. Castles, M. J. Miller. – URL: <http://www.jcer.net/index.php/jcer/article/view/188/156> (дата обращения: 18.01.2016).

Hannam, K., Sheller, M. & Urry, J. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings [Электронный ресурс] / K. Hannam, M. Sheller & J. Urry. – URL: http://www.veratelles.net/wp-content/uploads/2014/09/Urry_Mobilities.pdf (дата обращения: 20.01.2016).

Montague, J. Family Photographs as a Topic for Conversation. In: Narrative and Memory. – University of Huddersfield, 2007. – P. 63-71. [Электронный ресурс] / J. Montague. – URL: http://eprints.hud.ac.uk/4568/2/Chapter_7_-_Jane_Montague.pdf (дата обращения: 19.01.2016).

Ruby, J. Seeing through pictures: the anthropology of photography. [Электронный ресурс] / J. Ruby. – URL: <http://archive.lib.msu.edu/DMC/African%20Journals/pdfs/Critical%20Arts/cajv1n4/caj001004002.pdf> (дата обращения: 17.11.2015).

Urry, J. The Tourist Gaze. – 2nd edition. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 2002. [Электронный ресурс] / Urry J. – URL: <http://bookre.org/reader?file=1206036&pg> (дата обращения: 20.01.2016).

ПРИЛОЖЕНИЕ**Индивидуальные памятные вещи**

Рисунок 1. Памятные подарки (из предметного фонда информанта № 19)

Рисунок 2. Коробка с дарственной надписью
(из предметного фонда информанта № 13)

Рисунок 3. Магнитофон, подаренный за участие в академическом хоре и бумажный колокольчик как память о «последнем звонке» (из предметного фонда информанта № 16)

Памятные вещи родственников

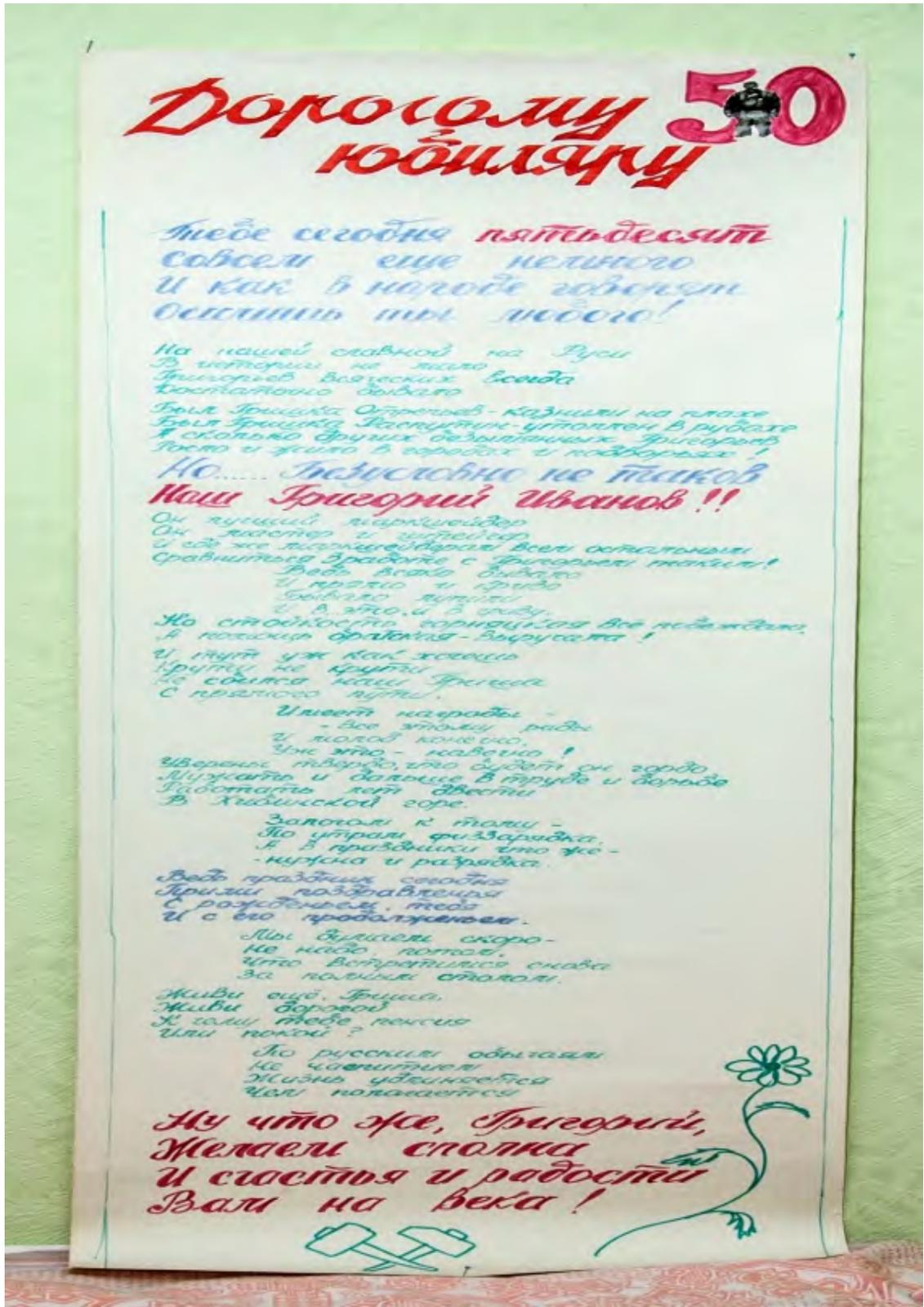

Рисунок 4. Открытка, хранящаяся в память об отце (из предметного фонда информанта № 39)

Рисунок 5. Пластинки, хранящиеся в память о бабушке (из предметного фонда информанта № 70)

Рисунок 6, 7. Стул с дарственной надписью, подаренный родителям информанта на новоселье в 1977 году (из предметного фонда информанта № 3)

Рисунок 8. Швейная машинка в наследство от бабушки (из предметного фонда информанта № 39)

Рисунок 9, 10. Деревянные шкатулки в наследство от бабушки
(из предметного фонда информанта № 39)

Памятные вещи, связанные с общественными достижениями

Рисунок 11. Медаль «За долголетний добросовестный труд»
(из предметного фонда информанта № 70)

Рисунок 12. Медали за участие в спортивных соревнованиях
(из предметного фонда информанта № 16)

Вещь как память об этнической, религиозной, национальной принадлежности

Рисунок 13. Иконы (из предметного фонда информанта № 16)

Рисунок 14. Иконы и венчальные свечи
(из предметного фонда информанта № 37)

Рисунок 15. Коран и четки (из предметного фонда информанта № 66)

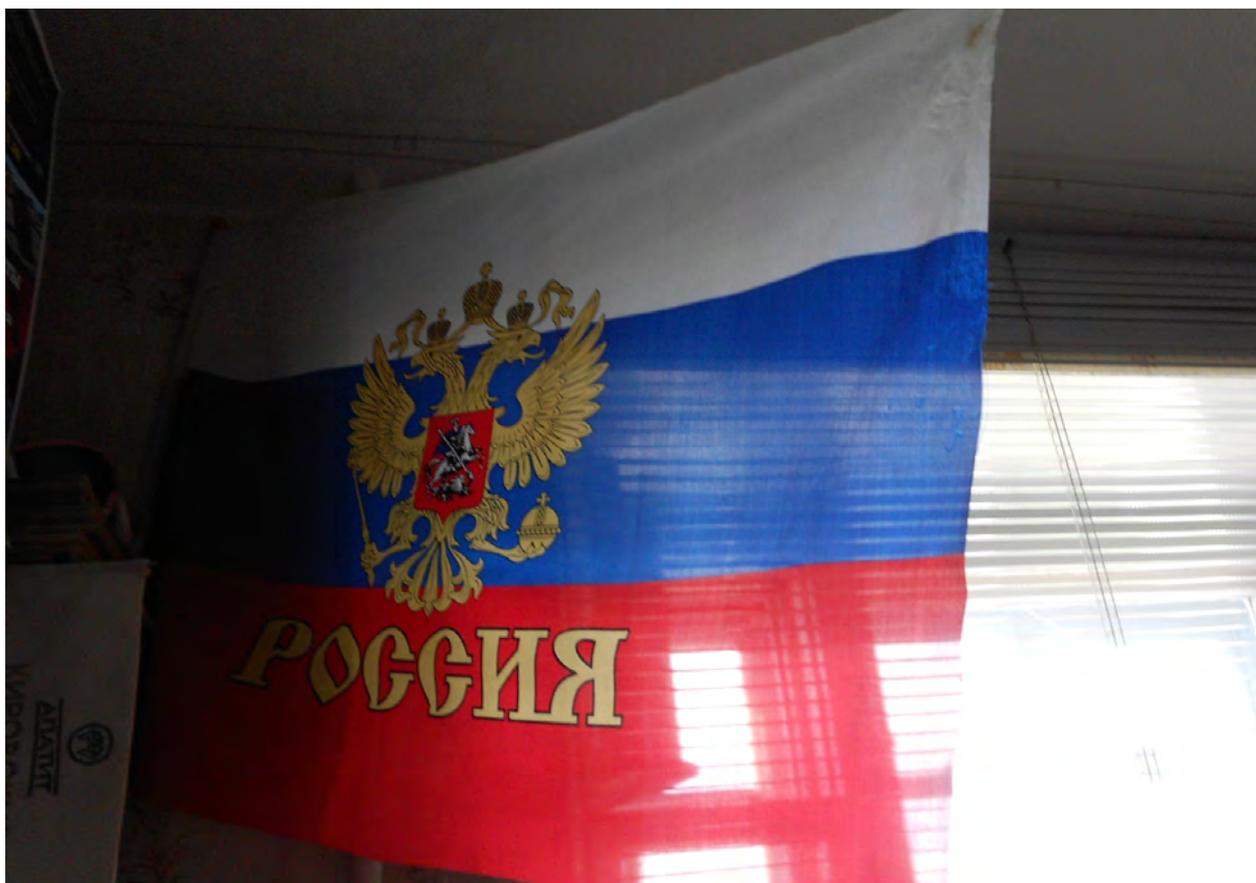

Рисунок 16. Национальный флаг России
(из предметного фонда информанта № 28)

Рисунок 17. Кубки для вина из рогов (Грузия) (из предметного фонда информанта № 37)

Рисунок 18. Кинжал (Грузия)
(из предметного фонда информанта № 37)

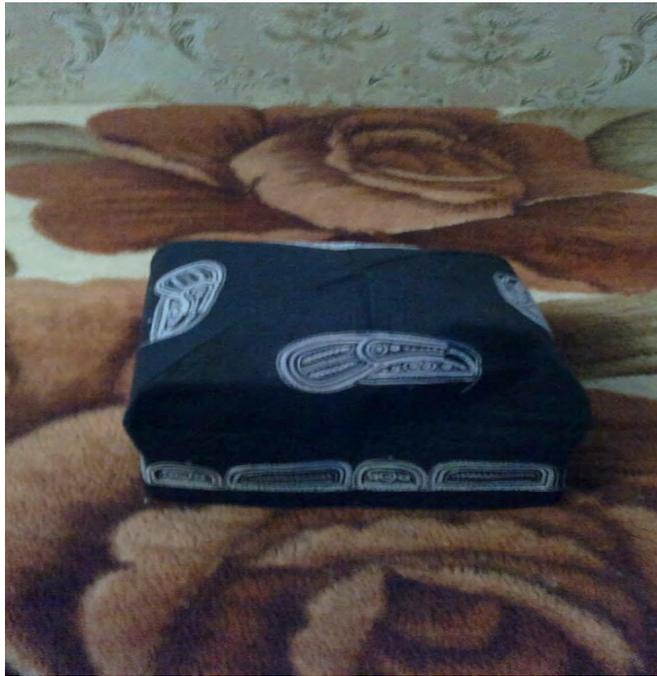

Рисунок 19. Тюбитейка (Таджикистан)
(из предметного фонда информанта № 10)

Рисунок 20. Чапан (Таджикистан)
(из предметного фонда информанта № 10)

Вещь как память о территориальной, локальной принадлежности

Рисунок 21. меховой кулон. сувенир, привезенный из п. Ловозеро
(из предметного фонда информанта № 48)

Рисунок 22. Флаг хоккейного клуба, привезенный из г. Уфы
(из предметного фонда информанта № 16)

Рисунок 23. Сувенирная кружка, привезенная из г. Санкт-Петербурга
(из предметного фонда информанта № 17)

Семейные реликвии

Рисунок 24. Серебряная рюмка, подаренная родителям информанта на свадьбу
(из предметного фонда информанта № 37)

Рисунок 25. Серебряный подстаканник деда информанта (конец XIX века)
(из предметного фонда информанта № 37)

Рисунок 26. Монета 1844 года
(из предметного фонда информанта № 28)

Рисунок 27. Рукоять печати фонтанных дел мастера (конец XVIII в.)
(из предметного фонда информанта № 37)

Рисунок 28, 29. Вертикальное зонирование жилого пространства (общезитие)

Рисунок 30. Вертикальное зонирование жилого пространства
(частная квартира)

Рисунок 31. Интерьер кухни в общежитии

Рисунок 32. Интерьер комнаты в общежитии

Рисунок 33, 34. Интерьеры частных квартир

Рисунок 35. Разъезд Белый. 1930 год.
[ГОКУ ГАМО в г. Кировске: Ф. Р-520. Оп. 1, Д. 1127]

1

Многие мне не верят, но это правда — я был первым ребенком, приехавшим в Кировск. Это было осенью 1929 года, когда мне было четыре года. @ разезде Белого, где нас с матерью встретил отец, до подножья горы Кукисвунгорр, где располагался лагерь геологов-разведки, мы ехали на полевой лошади. На берегах еще держались жёлтые листья, но земля уже была покрыта снегом, а река была прозрачной, прозрачной. Позднее я узнал, что называется она Белой.

Свали мы долго, дорога была плохая и мать упрямая обещала: — Куда ты нас зовёшь? Тут, наверно, никогда и люди не жили. — А отец обещал: — Не жми, это правило. А теперь будут жить! И мы будем первыми и ты должна гордиться этим. — Мать все зестокопалась за меня, — Как мы в палатках с ребёнком будем жить? — говорил она отцу. Не подумай ты об этом... — Отец все успокаивал ее: — Успокойся, не беспокойся, хорошо заживём. Здесь есть домики есть, а скоро будет целый город...

И, верно, поселились мы в домике, в том самом, где сейчас находится музей им. М. Кирова. Раньше в нем было вообще по-другому. Когда входил с улицы, попадаешь в прихожую (она же еболовая). Направо от входной двери была комната, которую занимал начальник разведки, следующая за ней — его заместитель. В левом углу задрена. слева находилась дверь, ведущая в наше общежитие, где вдобавок ещё еболовая топчань. Средину комнаты занимал большой стол, как и в столовой, за которым и проходило историческое событие под руководством М. Кирова, решившее судьбу платитов и города.

В то время на месте поселка была поляна с несколькими холмами покрытая мохли березняком, а ближе к горам и по их склонам рос густой хвойный лес. Особенно его много было по оклому Юкелорской горы, где заготавливался материал для строительства дуровых вышек и козырьковых построек. Иногда гостей геологов здесь бывал медведь, приходящий на водопой к реке, где умывались рабочие. Из жилых помещений был только этот домик (музей) в котором мы занимали место за печкой, где несколько раскинутых палаток.

@ наступившей зимой было акучно, но люди в этом мирлись. Поскольку я был один ребёнок, вдобавок баловал и играл со мной. Они катили на себе „верхол“, приносили коллекции красивых камней. Я же привал от них всевозможные вещи, а они искали их.

Позже был построен рубленый дом небольшого размера на том месте где сейчас еболовая осл. М. Кирова. В него перешли начальник разведки Фивед, его заместитель Литович и геолог

Рисунок 36. Письмо И.П. Петрова, привезенного в Хибиногорск в возрасте четырех лет осенью 1929 года родителями геологами — первопроходцами и являющегося первым ребенком г. Хибиногорска, с воспоминаниями о своей жизни в г. Кировске (Хибиногорске), адресованное госархиву (Лист 1) [ГОКУ ГАМО в г. Кировске Ф. 490. Оп.1. Д. 90. Л. 1.]

Грохотом, происшедший во время снежного обвала в 1935 году. На чердаке дома были сделаны две небольшие комнаты, из которых: в дальней об всегда помещался горный штепсель, а в передней с одной стороны об себя я с родителями, а другая - горный десятилитровый бочек. Тамбура при входе не было, дверь закрывалась не плотно, и поэтому при каждом ветре в помещение надувало много снега. Стали в мешках из овчины, засыпавшиеся почти наглухо. Вот так начинали мы жить и осваивать Хибин, люди не привыкли, а знали, что так надо и верим - впереди все лучшее. Когда приехал первый автомобиль, все восторженно смотрели на него, как на диво дивное. До этого были только лошади, да олеи, которые возили руду с разработкой и снаряжение для геологов.

Далее шли годы и город рос. Во время войны был эвакуирован, переехав в Советской Армии и в 1946 демобилизовавшись вернулся в Кировск. Работал в Кировском РО МВД, затем на Кировской и Рабочегорьской рудниках, где закончил окончил Московский строительный техникум. В 1953 году вступил в ряды КПСР и с этого же времени работаю в ДСКУ в должности зам. начальника по кадрам и строительству.

Сегодня даже не верится в то, что было. Сегодня приходится удивляться и любоваться, как все сказочно выросло. И я, порой, по долгу, поднявшись на гору, любоваясь зеркальной гладью озера Большой Вудъявр и замечая огнями городов Кировского, который родился и вырос на моих глазах.

Пятдесят лет прожили я в Кировске - рудно-столово, сколько исполнилось сегодня моему любимому городу. Я горжусь тем, что мне первому из детей пришлось поселиться в Кировске, в полерной городе, созданием дороги и незабвенным Сергеем Миронвичем Кировским

Юл. 81. *Иванов* Петров И.П.

Рисунок 37. Письмо И.П. Петрова, привезенного в Хибиногорск в возрасте четырех лет осенью 1929 года родителями геологами – первопроходцами и являющегося первым ребенком г. Хибиногорска, с воспоминаниями о своей жизни в г. Кировске (Хибиногорске), адресованное госархиву. (Продолжение. Лист 2) [ГОКУ ГАМО в г. Кировске: Ф. 490. Оп.1. Д. 90. Л. 2.]

Рисунок 38, 39. Подготовка к переезду

АКТ ИЗЪЯТИЯ

1931 года января 18 дня налоговый агент Бардин сего числа в присутствии недоимщика Мошкова члена с/сов. Рожкова Петра и понятого Бокарева произвел изъятие описанного имущества принадлежащего Мошкову Ивану вследствие неуплаты им недоимок подоходного карт №42-35 94 руб. протналога карт №42-55 29/30 г. 100 руб. штраф 20 руб. протналог сроки 9/VII - 30 200 руб. при нем изъято ниже следующее

1. Дом с надворными постройками 500 руб
2. Самовар никелированный большой 30 руб
3. Кофта вязаная зеленого цвета 5 руб
4. Скатерть фабрич. работы 3 руб
5. Косынка вязаная 2 руб
6. Платок красный 1 руб
7. Платье в клетку 5 руб
8. Два холста белые 3 руб
9. Шуба душенная желт. 10 руб
10. Платок серый 2 руб
11. Щеты конторские 2 руб
12. Юбка синяя 2
13. Косынка шерстяная белая 3 руб
14. Полушалок с кистями серый 5 руб
15. Три пары валеных сапог 25 руб
16. Гимнастерка керная 2 руб
17. Овца и 3 ягненка 20 руб
18. Сарай крытый 50 руб

Все изъятное отдано на хранение члену с/сов Рожкову Петру для доставки в с/сов на предмет продажи его с публичных торгов.

Член с/сов. Рожков Недоимщик Мошков

И.Бардин налогогент

понятой Бокарев Копия верна налогогент бежецкого Раифо И.Бардин

Печать заверяет секретарь подпись

Рисунок 40. Акт изъятия [Из книги воспоминаний спецпереселенцев, собранных Хибинским мемориалом. Воспоминания М.И. Бабуриной (Мошковой). Приговор с описью жизни. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xx13.ru/teksty/baburina.htm> (дата обращения: 17.01.2015)]

Рисунок 41. Палаточный поселок (г. Кировск)
[ГОКУ ГАМО в г. Кировске: Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 2290]

Рисунок 42. Хибинские горы, палатки. 1932 г. (Хибиногорск)
[ГОКУ ГАМО в г. Кировске: Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 1120]

Рисунок 43. Первые дома. 1957 год. (Апатиты)
[ГОКУ ГАМО в г. Кировске: Ф. Р. 520. Оп.1. Д.1112]

Рисунок 44. Вид на город. 1961 год. (Апатиты)
[ГОКУ ГАМО в г. Кировске: Ф. Р-520 Оп. 1, Д. 1105]

Рисунок 45. Обустройство на новом месте жительства (частная квартира)